

охота

и охотничье хозяйство

11

ISSN 0131-2596

1991

РАЗВАЛУ ОБЩЕСТВА — НЕТ!

Чувашскому обществу охотников и рыболовов — 70 лет. Созданное нашими предками, оно одолело немало лихолетий и только крепчало в них. Общество работает на хозрасчете и самофинансировании, объединяет 34 тысячи охотников и рыболовов в 279 первичных организациях 23 районных и городских обществ. И, несмотря на договорное бесправие в пользовании охотничьими и рыболовными угодьями, именно эти люди, объединенные в коллективы по страсти, все годы были настоящими арендаторами. Не только бить зверя, ловить рыбу, но и защищать их, помочь в беде стало их истинным призванием.

Общество к юбилею подошло не с пустыми руками. Несмотря на малые площади закрепленных угодий — 518 тыс. га охотничьих (30 % площади республики) и 45 тыс. га водных, основные средства составляют 661 тыс. руб. Имеется 29 домов, баз на полтысячи мест, десяток лесных прудов с бетонированными быстотоками, на 30 га выращивается подкормка кабанам, построены десяток кирпичных хранилищ, есть сотни солонцов, галечников, подкормочных площадок. Доведена до минимума численность волков, ведется борьба с серой вороной. Имеется три стрелковых стенда, ихтиологический пункт на 1,5—2 млн инкубируемого малька щуки, леща; дичеферма кряковых уток (работающая, кстати, рентабельно), испытательная станция охотничьих собак с подсадным медведем, кабанями, лисицами, енотовидными собаками, барсуками. Отведены из лесосечного фонда многие глухариные тока, бобровые поселения, производилась акклиматизация и реакклиматизация оленя европейского (создана стабильная микропуляция), бобра, сурка-байбака (самая северная точка его обитания). Штатная и общественная егерская

На первой странице обложки:

Русак. Фото Л. Грубинскаса

На второй странице обложки:

На испытательной станции охотничьих собак.

Фото А. Максимова
Гостю из Италии нравится на Чувашской земле.

Фото С. Семенова

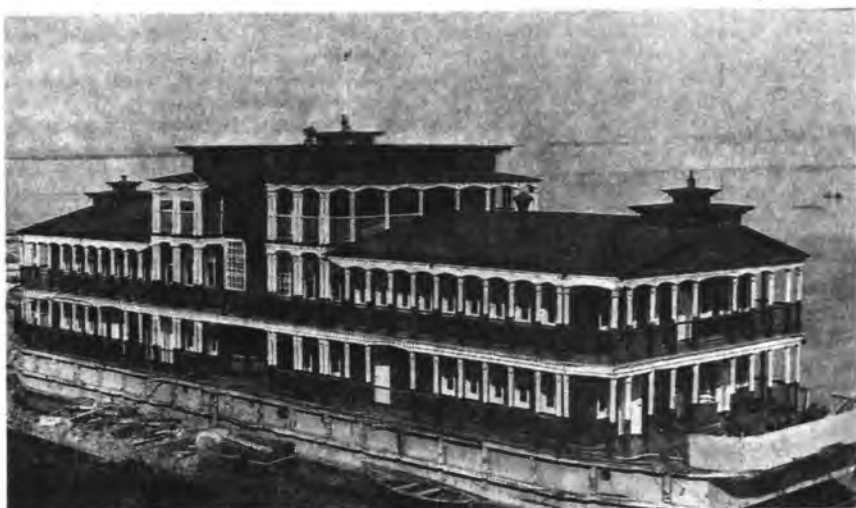
Такая удача выпадает не часто.

Фото А. Максимова

охота
и охотничье хозяйство 11 1991

Ежемесячный общественно-политический и научно-популярный иллюстрированный журнал. Учредители: Министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР, Союз обществ охотников и рыболовов РСФСР, трудовой коллектив редакции журнала.

Основан в октябре 1955 г. Москва. "Экология".

База на Волге.

Фото С. Семенова

служба осуществляет охрану угодий, организует воспроизводство охотресурсов.

Надо отметить, что численность ряда видов охотничьих животных и продуктивность угодий в последние годы возрастали. По настоянию общества открываются систематически весенние охоты на гуся, селезня, вальдшнепа, тетерева, глухаря, летняя охота с подружейными собаками, летне-осенняя охота по перу, на барсука, сентябрьская охота на зайца с гончими, на пушных и копытных животных.

Последние два года производственное объединение общества получает госзаказы на заготовку дикой пушнины (до 85 % объема в республике). Сверхплановая и низкозачетная пушнина перерабатывается в готовые меховые изделия для нужд членов общества. С 1990 г. по распоряжению правительства республики получено право переработки мяса диких копытных в тушенку и колбасные изделия, а также реализации этой продукции полностью членам общества. Начата заготовка бросовых шкур диких копытных, бобровой струи. Члены общества увидели наконец-то результаты своего труда, начала оздоравливаться экономика охотхозяйства.

Для активизации проводимых мероприятий общество ежегодно объявляет конкурсы по борьбе с волками, серой вороной, конкурс секций, сборных команд, егерей, по результатам которых победители награждаются бесплатными лицензиями, денежными премиями. На крупных мероприятиях практикуем лотерею-розыгрыш дефицитных товаров, породистых щенков.

С 1990 г. учреждена и ежемесячно двадцатитысячным тиражом издается газета «Охотник и рыболов Чувашии». Для первичных организаций открыты лицевые счета, расходимые без указаний правления. Вводится лицевой счет секции охотничьего собаководства, пополняемый по решению май

секции средствами от регистрации, выдачи справок и свидетельств и др., за исключением доходов испытательной станции.

Но все ли так гладко сегодня в обществе?

В общих бедах, сотрясающих страну, есть и недостаток законодательного регулирования охоты и рыбной ловли, рутина ведомственных инструкций, живучесть административно-командных методов, организационная неразбериха контрольно-управленческих государственных органов, по-прежнему не несущих какой-либо ответственности, но откровенно вмешивающихся в деятельность общественных организаций; парад суверенитетов, преследующих целью вместо провозглашенной самостоятельности развал системы Росохотрыболовсоюза. Самое удивительное, что существующие государственные структуры, в том числе органы Главохоты РСФСР, призванные создавать равные условия для охотпользователей с различными формами собственности, стали главным тормозом в охотничьей отрасли. Совмещая в себе хозяйственные, управленческие и контрольные функции, десятилетиями контролируя сами себя, эти органы из бюрократических превратились во вредоносные. Финансируемые бюджетом и не считающиеся с его дефицитом, с предложениями миллионов охотников, поступаая порой против здравого смысла, органы Главохоты РСФСР ради сохранения своих бесконечных прав направили все силы не на усиление контроля и надзора в угодьях, а на дискредитацию обществ охотников и рыболовов, их лидеров, очернение их деятельности сбором компромата, передергиванием фактов с огульным шельмованием в средствах массовой информации.

Такие же действия затронули Чувашское республиканское общество охотников и рыболовов, осмелившегося три года назад заявить, что отсут-

ствие охотогодий у 11 районных обществ, то есть у половины — это ненормально. В результате пристальное знакомство с комиссиями, ОБХС, КРУ Минфина, судебные тяжбы, шум в прессе. Все это осуждено Госкомприродой СССР, народным судом. Но страшно не то, что закаливает, а то, что в последнее время деятельность органов Главохоты РСФСР активизирована на развал системы Росохотрыболовсоюза и не пресечена органами народной власти.

Давайте на нашем примере постараемся разглядеть причины и следствия таковой работы управления охотхозяйства. Так, около года назад, бывший член общества и бывший эксперт общества А. М. Брагин, ведущий в секции породу дратхааров, под предлогом неудовлетворения правлением его требований в установлении непомерных льгот, создает клуб «Дратхаар», отколовший от подсекции легавых и спаниелей значительную часть ее членов, работающий под эгидой управления охотхозяйства. В результате амбиций одного-двух членов раскола подсекция, сузились контакты, ограничено финансирование мероприятий. А клуб-то контактирует все равно с другими областными обществами, их секциями. Так законно ли само его существование? И вообще, применима ли клубная система к обществам Росохотрыболовсоюза, взамен секций? На мой взгляд, в таком виде — нет. Клуб — финансово самостоятельная единица. Должен быть аппарат. Вероятно, для секций это излишне и достаточно лицевых счетов в обществах, хотя бы на первом этапе становления.

Другое, вызванное год назад приказом Главохоты РСФСР по отмене инструкции о порядке закрепления охотогодий, однобоко толкующим ст. 18 Закона СССР об аренде, привело к грубому нарушению гражданского законодательства передачей охотогодий за плату ряду первичных организаций охотников и рыболовов предприятий, несмотря на юридическую бессмыслицу таких договоров, не имеющих юридической силы, но де-

лается это в пику обществу и с дальнейшей целью посорить первичные коллективы с районными обществами. Цели неблагоприятные, но действия вновь непресекаемые.

В небольшом Красночетайском районе, несмотря на решение двух общих собраний и конференции районного общества, Управление охотхозяйства отказало 247 охотникам в праве иметь угодья, а созданному им клубу из 10 человек тут же переданы угодья района.

Управление охотхозяйства ввело в заблуждение конференцию Канашского райохотобщества, пообещав передать все охотугодья района обществу только в случае отделения. В результате ликвидируется районное общество, создается отдельное, утверждается свой Устав, предъявляются необоснованные претензии к республиканскому обществу, игнорируется Устав Росохотрыболовсоюза, объединяющий общества в единую систему.

Совет Чувашского республиканского общества охотников и рыболовов осудил эти действия, предупредил о последующих лишениях для членов этого общества, связанных с выходом из Росохотрыболовсоюза, отнес всю полноту ответственности на организаторов и органы местной власти, зарегистрировавших Устав.

В этой ситуации Управление охотхозяйства не может не нести ответственности за открытое вмешательство во внутренние дела общественной организации, подрыв и развал ее структуры, и об этом уведомлены Верховный Совет и правительство республики.

Наш пример не одинок. Неправомерная деятельность государственных органов управления охотничьего хозяйства порождает беды общества, его экономическую зависимость от субъективных решений этих органов, влечет еще целый ряд забот и затрат.

Несколько слов о применении новых законодательных актов в охотничьем хозяйстве и моем отношении к этому. Общество сегодня действует на основании закона СССР «Об общественных объединениях» и осу-

ществляет коммерческую и производственную деятельность через созданное в этих целях и по закону объединение. Думаю, что организация малых предприятий, акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью, иных формирований на базе республиканского и районных обществ охотников и рыболовов нецелесообразна. Собственниками основных средств в них являются работники, либо пайщики, но члены обществ таковыми не станут. Кроме того, охотничьи ресурсы (охотугодья) предметом собственности являться не могут. Значит, создание таковых предприятий превратит коллективную собственность членов общества в индивидуальную собственность работников этих предприятий. А охотничьи ресурсы предметом собственности, значит, и предметом распоряжения не станут, тем более объектом распоряжения коллективов охотников. Думаю, что индивидуальное пользование охотугодьями, насаждаемое органами Главохоты РСФСР, войдет в противоречие с требованиями популяционного учения, ущемит интересы коллективов охотников, и нецелесообразно в нашей маленькой республике.

По моему мнению, наиболее правильной формой ведения охотничьего хозяйства сейчас будет коллективная долгосрочная аренда на платной основе, может быть, учитывающей фиксированные платежи в госбюджет. Правительство республики утвердило наши предложения. Думается, что арендодателем должен быть Совет Министров республики, арендатором — юридически оформленная организация, в нашем случае — правление Чувашохотрыболовобщества, являющееся и плательщиком, и гарантом, и объектом принятия госзаказов (пока они есть).

Наши испытанные десятилетиями общества должны получить дополнительный стимул раскрепощения и противостоять любым попыткам раскола.

О. ПОЛЯКОВ,
председатель Чувашского общества охотников и рыболовов

Вот уже более восьми лет выписываю журнал «Охота и охотничье хозяйство». И первым делом начинаю читать журнал со страницы «Письма читателей», где люди разных возрастов вносят свои предложения с болью в душе о сохранении флоры и фауны нашей страны. И у меня есть немало важных проблем. Работая лесником в Ужгородском военном лесничестве Ивано-Франковского ЛПК КЭУ Прикарпатского Военного округа, я всегда сталкивался с картиной загрязнения горных рек, их у нас четыре.

Трелевка леса производится по руслу

реки, погрузочные эстакады и места для горяче-смазочных материалов расположены прямо в воде. А ведь воду используют в нижележащих селах как питьевую. Почти полностью отравлена и уничтожена ценнейшая рыба — форель. Несмотря на неоднократные рапорты и жалобы начальника и заместителя лесничества, работники ЛЗУ бригады лесорубов продолжают нарушать технологию разработки древесины. А кому нужен такой план, выполняющая одну задачу мы сами уничтожаем то, что оставлено нам дедами и прадедами, гробим здоровье сами себе.

И. ГЕРЦ
Закарпатская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Выписываю журнал третий год и вот решил написать письмо. Я одинок, у меня нет друзей, и мне не с кем поговорить, поспорить об охоте. И думаю, что у меня нет друзей потому, что я не имею пристрастия ни к алкоголю, ни к наркотикам. После армии хочу уехать на Дальний Восток и работать там охотником-промысловиком, это цель моей жизни.

Если кто решит мне написать, то мой адрес: Ленинградская обл., Тосненский р-н., п. Шапки, ул. Куковеровой, 17, Рыжов Г. В.

РЕГУЛЯЦИОННАЯ ДОБЫЧА ЖИВОТНЫХ

В. ДЕЖКИН,
доктор биологических наук

Искажение природных процессов под влиянием антропогенных факторов делает неизбежной целенаправленную регуляцию этих процессов и для сохранения природной среды, и для повышения эффективности природопользования. Рассматривая проблему управления популяциями охотничьих животных, мы упоминали о регуляционных мероприятиях как об одной из форм управления*. Остановимся на этой проблеме более подробно, акцентируя внимание на регуляционной добыче животных, хотя сфера регуляции, собственно, гораздо обширнее.

Кульминацией сложного и многоступенчатого процесса управления популяциями охотничьих животных является определение норм их добычи в данных условиях и само добывание. Этот акт, если он осуществляется обоснованно и корректно, поддерживает относительную стабильность популяций эксплуатируемых животных и их (опять-таки относительное) равновесие со средой обитания. Охотоведы на основании соответствующих методик рассчитывают емкость угодий, оптимальную плотность населения в них того или иного вида, ожидаемые размеры прироста (промыслового урожая) и организуют охоту с целью изъятия этого прироста. При ориентации на среднегодовой прирост, свойственный данному виду, конкретный

рекомендуемый объем изъятия, как известно, может быть выше или ниже этого показателя с учетом свободных резервов емкости угодий, фазы динамики численности популяции и ожидаемых изменений условий ее обитания. При этом процесс обычной охотничьей добычи зверей и птиц, помогая получить желанную продукцию, выполняет и регуляционную функцию как в популяционном, так и в экосистемном аспектах. Особенно сильно эта функция выражена при так называемой редуccionной добыче охотничьих животных, когда появляется срочная необходимость привести чрезмерную численность того или иного вида в соответствие с емкостью угодий для предотвращения переиспользования этих угодий и последующей быстрой деградации популяции. Такая необходимость, например, возникла в конце 70-х гг. в Калмыцкой АССР. Размеры европейской популяции сайгака превысили 800 тыс. особей, что явно не соответствовало снижающейся емкости угодий. Обнаружились признаки переиспользования кормовой базы, увеличился ущерб овечьим пастбищам и посевам сельхозкультур. Пришлось одновременно добыть более 200 тыс. животных при расчетном промысловом урожае в 80—100 тыс. Это — типичный пример редуccionной добычи.

Редуccionная добыча желательна и во время пика численности массо-

вых видов охотничьих животных с короткими фазами динамики численности — белки, ондатры, зайца-беляка и других. «Срезав» пик численности, изъев один-два сезона животных больше, чем появится молодняк, мы утилизируем тех особей, которым суждено погибнуть во время регрессивной фазы динамики популяции и несколько снизим амплитуду колебаний численности вида, возможно, частично сохраним его кормовую базу.

Напоминать о необходимости редуccionной добычи следует по двум причинам. Во-первых, она необоснованно редко применяется на практике. Во-вторых, используемые официальные нормативы добычи ориентированы лишь на абстрактные размеры среднегодового прироста. Такой формальный подход чреват не только недоиспользованием популяций охотничьих животных, но и некоторыми опасными казусами. Так, несколько лет назад в одном из районов Тверской (бывшей Калининской) области прокуратура пыталась привлечь к ответственности одно из районных обществ охотников и рыболовов за то, что в его приписном хозяйстве был превышен официальный среднегодовой норматив добычи бобра — десять процентов. Между тем бобров в водоемах района было много, и просто требовалось разрежение плотности их населения путем редуccionной добычи.

Элементы редуccionной добычи можно обнаружить и в так называемой переложной системе добычи животных (бобра, ондатры, соболя и других), когда массив угодий делится на 4—5 участков и каждый из них опромышляется с весьма повышенной нагрузкой 1 раз в 4—5 лет (Барабаш-Никифоров, 1948; Вершинин, 1961 и другие).

В последние десятилетия, по мере увеличения разнообразия форм и

* «Охота и охотничье хозяйство», 1990 г., № 12.

Лоси. Иногда, учитывая интересы лесного хозяйства, приходится увеличивать нормы добычи этих животных.

Фото А. Богданова

Тигр. Регуляция «краснокишечных» видов требует особых подходов и очень тщательного обоснования.

Фото Д. Мезенцева

объема хозяйственной деятельности в охотничьих угодьях, все чаще является необходимость специального усиления регуляторных функций добычи охотничьих животных в связи с интересами других отраслей природопользования. Классическими являются ситуации, возникающие в лесных угодьях, когда обнаруживаются противоречия между задачами и методами ведения лесного и охотничьего хозяйств. Во избежание ущерба лесам от диких копытных животных приходится интенсифицировать их отстрел даже при незаполненной емкости стаи данных видов, в размерах, превышающих естественный прирост популяций. В сельскохозяйственных угодьях для предотвращения потрав иногда полностью изымают локальные популяции кабана.

Становится обычным положение, когда критерием изъятия дичи является не экологическая, а хозяйственно допустимая плотность населения охотничьих животных (П. Б. Юргенсон) и их добыча преследует в первую очередь восстановление согласия между различными отраслями природопользования. При этом основная задача охоты (получение охотничьего удовлетворения, продукции, трофеев) как бы отступает на второй план, акцент делается на ее регулирующие функции, на создание этого согласия. Нормативы изъятия утрачивают чисто охотхозяйственные, экологические основы и обычно вначале повышаются с учетом требований лесного и сельского хозяйств. Впоследствии они могут соответствовать годовому приросту, но при более низкой плотности населения вида.

Увеличение площадей охраняемых природных территорий и учреждение Красных книг редких и исчезающих животных предъявляют системе регуляторной добычи новые требова-

ния. Численность многих видов охотничьих животных в заповедниках, природных парках, заказниках, зеленых зонах под влиянием охраны постоянно растет. Увеличивается численность и некоторых взятых под строгую охрану видов животных. Они вступают в противоречие с экономическими интересами, разрушают местообитания, вызывают нежелательные зоогенные сукцессии, однако статус данных территорий и положение о Красных книгах запрещает — и вполне обоснованно — охоту на них. Разрешению конфликтов служит научно обоснованная регуляторная добыча охотничьих животных и (в исключительных случаях) редких охраняемых видов животных, здесь она полностью утрачивает функции охоты и сводится исключительно к регуляции. Это принципиальное обстоятельство, недопонимаемое иногда охотоведами. И в том и в другом случаях звучат выстрелы, направленные в диких животных. Но в первом выстрел — это средство удовлетворения охотничьей страсти, получения продукции, то есть это — охота, во втором — прежде всего восстановление равновесия между видом и средой его обитания. Именно поэтому мы говорим о регуляторной добыче охотничьих животных, не являющейся в данных случаях охотой, а преследующей особые интересы.

Регуляторные мероприятия в заповедниках — это научно обоснованные действия, предпринимаемые для сохранения или изменения экосистем и численности отдельных организмов в целях обеспечения естественного хода природных процессов на охраняемых территориях, защиты их от антропогенных воздействий и выполнения заповедниками поставленных перед ними конкретных природоохранных и научных задач (Дежкин, 1989). Следует подчеркнуть, что регулятор-

ные мероприятия в заповедниках — крайняя, вынужденная мера, применение которой вызывается исключительной необходимостью и только в установленном порядке. В прошлом под флагом разного рода «реконструкций» и «восстановления коренных сообществ» в заповедниках нередко осуществлялась самая обыкновенная хозяйственная деятельность.

Мы предложили (Дежкин, 1986) мероприятия по управлению охраняемыми экосистемами классифицировать следующим образом.

1. Направленные на предотвращение, уменьшение или нейтрализацию антропогенных воздействий на экосистемы (ландшафты).

2. Способствующие минимально необходимой коррекции природных процессов в заповедниках.

3. Проводимые для восстановления коренных экосистем (ландшафтов) и организмов (растений и животных), свойственных заповедникам и утраченных вследствие антропогенных воздействий.

4. Проводимые для устранения чуждых (привнесенных извне) компонентов охраняемых природных сообществ.

5. Мероприятия, смягчающие противоречия, возникающие между охраняемыми и окружающими их хозяйственными территориями.

Регуляторная добыча, являющаяся предметом рассмотрения данной статьи, служит важным инструментом для осуществления этих целей, в тех случаях, конечно, когда объектом регуляции должны быть дикие животные. С учетом этого были разработаны методические указания по проведению регуляторных мероприятий (животный мир) в государственных заповедниках и республиканских заказниках Главохоты РСФСР. Первый вариант этих указаний был введен в действие еще в 1984 г., второй —

с коррективами — в 1987 г. Позднее, совместно с Ю. Н. Вишневым, был подготовлен проект по регулированию численности волка в государственных заповедниках, развивающий и конкретизирующий на одном виде общие принципы и подходы.

В каких случаях и при каких обстоятельствах методы регуляционной добычи применимы в государственных заповедниках? При увеличении численности некоторых биологически активных видов животных в условиях несбалансированности (или неполной сбалансированности) экосистем, влекущей за собой угрозу охраняемым объектам и естественному течению природных процессов, и (или) угрозе охраняемым объектам, присущим данным экосистемам, вследствие жизнедеятельности чуждых экосистемам заповедника интродуцированных видов млекопитающих и птиц. В первом случае предпринимаются усилия по ограничению численности видов, свойственных заповеднику. Типичная ситуация — регуляция чрезмерно размножившихся видов диких копытных, наносящих ущерб лесным сообществам. Следует, однако, подчеркнуть, что эта форма регуляции применима лишь в заповедниках, с нарушенными процессами экологической саморегуляции. В остальных необходимо сохранять «естественный ход природных процессов», не считая «экономическим ущербом» ни отрицательные зоогенные сукцессии, ни гибель вследствие бескормицы диких копытных животных.

Второй случай сложен технологически и психологически. Чуждый данному заповеднику вид обычно укореняется и в окрестностях и быстро восстанавливает свою численность после регуляции его в охраняемых экосистемах. Кроме того, попытки «изъять» какой-либо «чужой» вид, обитающий в заповедниках, очень настоятельно воспринимаются природоохранной общественностью.

В упомянутом методическом документе охарактеризованы допустимые методы регуляционной добычи на заповедных территориях, приведена продуманная многоступенчатая процедура принятия и осуществления решений, которая должна устранить возможность необоснованных регуляций в чисто хозяйственных целях.

К интересам охотничьего хозяйства ближе система регуляционных мероприятий не в заповедниках, а в заказниках. Большая их часть, особенно в Российской Федерации, организована в качестве резерватов охотничьих млекопитающих и птиц, для их сохранения, восстановления численности и естественного заселения ими окрестных угодий. Простая и ясная в теории схема на практике гораздо сложнее. Некоторые охотничьи животные не только не рассеиваются из заказников, но — особенно в сезон охоты — концентрируются в них. Нередко возможности отселения животных, в том

числе полуволков, из заказников ограничены. Их повышенная концентрация на охраняемых территориях приводит к переиспользованию кормовой базы и ухудшению эпизоотологической ситуации. Резерватная и воспроизводственная функции части заказников ослабевают, а то и сводятся на нет. Исправить положение дел может только научно обоснованная регуляция охраняемых охотничьих млекопитающих и птиц.

Прагматический выход из такого положения, к которому в течение десятилетий прибегали в охотничьих заказниках Главохоты РСФСР, нельзя, на наш взгляд, признать удовлетворительным. Здесь разрешали с регуляционными целями спортивную и промысловую охоту на охотничьих животных, особенно на диких копытных, что противоречит задачам и статусу заказников. Правом на такую «охоту» нередко пользовался лишь совершенно определенный контингент привилегированных охотников, что превращало заказники в закрытые для основной массы охотников нелегальные охотхозяйства.

В «Методических указаниях...» проблема подробно рассмотрена на примере республиканских заказников. Определены цели проведения здесь регуляционных мероприятий.

1. Создание наиболее благоприятных условий для видов и групп животных, охраняемых в данном заказнике.

2. Оптимизация количества (плотности населения) отдельных видов млекопитающих и птиц.

3. Качественное улучшение популяций охотничьих животных, повышение их производственного потенциала.

4. Проведение искусственного расселения охотничьих животных.

5. Ликвидация или уменьшение ущерба смежным отраслям хозяйства, нормализация эпизоотологической обстановки. Содержание, методы, объем регуляционных мероприятий определяются профилем и конкретными задачами каждого заказника и складывающейся в нем (вокруг него) экологической и хозяйственной ситуацией. Методы регуляционной добычи: жиловный отлов (наиболее желателен по отношению к ценным видам, являющимся объектами искусственного расселения); селекционный отстрел; редукционная добыча; промысловая добыча.

Относительно последнего метода следует сразу же сказать, что он возможен в основном в заказниках на пернатую дичь, где объектами обычного пушного промысла могут быть хищные пушные звери — враги охраняемых охотничьих птиц. В зависимости от профиля заказника допустимы и некоторые другие варианты промысловой добычи. Подчеркнуто, что регуляция в заказниках не должна иметь форму спортивной охоты; проведение регуляции — в основном задача егерей и охотоведов.

Мы тщательно проанализировали состав основных видов и групп охотничьих животных, охраняемых в заказниках, и с учетом их эколого-экономического значения и профиля заказников предложили разделить их на три категории: «профилирующие», ради которых создан данный заказник; «вредные», нежелательные в данных условиях; прочие виды зверей и птиц, обычных в окрестных угодьях. Каждая категория подразделяется на более мелкие группы. На этой основе строится вся система регуляционной добычи и рекомендации по регуляции отдельных видов охотничьих животных.

Регуляция так называемых «краснокишечных» видов требует особых подходов и очень тщательного обоснования и соблюдения строгих процедур. В СССР, например, сейчас актуальна проблема регуляции амурского тигра (в случаях возникновения острых конфликтов с человеком), белого медведя (из-за растущей численности и опять-таки учащающихся с каждым годом конфликтов), зубра (перенаселение отдельных участков ареала), европейского байбака (появление очагов высокой численности и ущерб сельскому хозяйству). В стареющих популяциях, особенно при ограниченной емкости угодий, необходима селекция старых и больных особей (калан, зубр и другие). Сохраняется потребность в расселении редких видов, что опять-таки требует изъятия животных, формально запрещенного положениями о Красных книгах. Следует отметить, что в отличие от регуляций на охраняемых природных территориях, регуляция редких видов не была объектом изучения и требует специальных исследований.

На наш взгляд, проблема регуляционных мероприятий вообще и регуляционной добычи в частности должна привлечь пристальное внимание специалистов охотничьего хозяйства и заповедного дела, а также териологов. Ее правильное понимание и реализация помогут повысить хозяйственную продуктивность охотничьих угодий при сохранении качества местообитаний охотничьих животных, обеспечить выполнение заказниками их резерватных функций (с попутным получением продукции охоты), укрепит научно обоснованный режим государственных заповедников, улучшит условия для охраны и восстановления редких видов животных. Овладение методами регуляций и их широкое практическое применение требуют улучшения кадрового и материально-технического оснащения охотничьих хозяйств и особо охраняемых природных территорий, введения специальной научной дисциплины в учебные программы охотоведов, экологов, зоологов. Следует разрабатывать программы и планы регуляционных мероприятий для каждого охотхозяйственного и природоохранного объекта и осуществлять их с участием и под контролем высококвалифицированных специалистов.

БОЛОТА КАЗАНИ — РЕЗЕРВАТЫ ДИЧИ

В. БАЙДЕРИН,
кандидат биологических наук
Казанский университет

Фото автора

По-видимому, наступило время отказаться от изживших себя представлений, по которым понятия «дичь» и «город» несомнестимы. Жизнь показывает, что уголки природы в городе все чаще оказываются ценными резерватами для многих видов дичи, плотность населения которых здесь гораздо выше, чем в дикой природе. Это известно практически для всех крупных городов мира, если там имеются соответствующие условия: для Ленинграда (Храбрый, 1979), Москвы (Виноградов, Остапенко, 1986; Карасева, 1990), Брно (Pelikan, Zeida, Homolka, 1983), Бирмингема (Teagle, 1987), Лондона (Cotton, 1980) и многих других. В городах прекрасно проявляются виды, которые, несомненно, будут процветать в антропогенных ландшафтах будущего.

Казань — не исключение. Расположенная в месте слияния реки Казанки с Волгой и заключающая в своей черте систему крупных озер Кабан, Казань является вторым после Ленинграда городом СССР, столь богатым водоемами. Особенно интересны и ценны водно-болотные угодья трех участков в пределах Ленинского района: в 38-м, 39-м кварталах и по правобережью Казанки. Во-первых, это «Камышовый плес» (21 га) — озерно-болотный комплекс с обширными зарослями рогоза узколистного и тростника обыкновенного. Затем — «Островки», также озерно-болотный комплекс (66 га). Здесь старые карьеры, затопленные водой, и торфяные острова образовали сложную мозаику. Заросли ивняка (ивы: пепельная, корзиночная, трехтычиночная). В озерах обильны элодея канадская, рдесты, роголистник темно-зеленый, ряска малая и трехраздельная, обитают многие беспозвоночные. И, наконец, «Старая пойма» (затопленная пойма и подтопленная первая надпойменная терраса Казанки) — угодья до 500 га, болотные, луговые, островные.

Антропогенная нагрузка на все участки весьма невелика. Это и шум транспорта, выгуливание собак, выжигание «камышей» и ивняков, раскорчевка кустарников, промышленная добыча торфа, мойка в озерах машин, поступление сточных вод. «Островки» и особенно «Камышовый плес» со всех сторон окружены девятиэтажными жилыми домами. Тем более удивительно, что, несмотря на все это, здесь процветает разнообразная дикая жизнь, представленная нередко ценными промысловыми видами.

Кряква. На болотах Казани начала массово гнездиться в значительном количестве с середины 70-х годов, из

года в год увеличивая численность. Ныне эта утка наиболее многочисленна среди всех гнездящихся в Казани водоплавающих. По учетам 1986—1990 гг.* в «Островках» плотность населения кряквы составила по годам соответственно 81, 78, 115, 74, 71 особь на 100 га, или в среднем за пять лет 89 особей на 100 га. Еще выше показатель плотности населения кряквы для «Камышового плеса». В 1988—1990 гг. он составил соответственно 105, 253, 295 особей на 100 га. В среднем 218. Связано это с тем, что с зимы 1988/89 г. началось особенно интенсивное разрушение «Островков», раскорчевка ивняков и добыча торфа. Утки переместились в «Камышовый плес». Учеты, проведенные на озерах того же класса бонитета, показали, что плотность населения кряквы в национальном парке «Марий Чодра» (в 150 км на северо-запад от Казани) в 1988 г. составила в среднем 40,8 особи на 100 га, или в три раза ниже, чем в Казани. А в Раифском участке Волжско-Камского заповедника (в 30 км на запад от Казани) в 1987 г. — в среднем 5,2 особи на 100 га, или в 25 раз ниже, чем на болотах Казани.

Доля птенцов от общего числа учтенных по «Островкам» и «Камышовому плесу» крякв составляла в разные годы от 49 до 68 %, в среднем 61. Среднее число птенцов в выводке на конец июня — начало июля колебалось в разные годы от 3,9 до 6, а в среднем составило 4,9. Как известно, выводок

кряквы составляет в среднем 9 птенцов (Русанов, 1987). Получается, что к июлю численность утят в выводке сокращается на городских болотах почти наполовину. И все же в целом размножение кряквы на казанских болотах следует охарактеризовать как весьма успешное. Городская территория выполняет функцию воспроизводственного участка.

Охотникам известно, что в природе кряква — одна из наиболее пугливых уток. В городе поведение ее совершенно иное. В 1987 г. самки с выводками отплывали лишь при подходе к ним в среднем на 33 м (50 случаев), в 1988 г. — на 30 м (40 случаев). Группы взрослых отплывали в 1987 г. в среднем с 30 м (10 случаев) и с 35 м в 1988 г. (13 случаев). Интересно, что в безлюдных или редко посещаемых людьми местах кряквы гораздо осторожнее. На озерах Раифы кряквы взлетали при появлении человека на берегу за 150—200 м. Вместе с тем в городе отчетливо прослеживается тяготение уток к наиболее людным местам.

В районе «Островков» уток больше всего возле перекрестка ул. Мусина и Чуйкова, а также близ ул. Короленко, но относительно меньше в глубине болотного массива. Утки усвоили закономерность: безопасно не там, где люди редки, а там, где их больше всего. Появление человека на каком-нибудь озере в глуши сопряжено для уток с потенциальной опасностью и заставляет их постоянно быть настороже. К шуму транспорта, людям утки привыкают, быстро усваивая, что это безопасно. В оживленных местах утки, на кото-

* В сборе материала приняли участие студенты Казанского университета И. Баранчук, Х. Степанова, В. Просвянникова. Всем им выражаю большую признательность.

В природе кряква — одна из наиболее пугливых уток. В городе ее поведение совершенно иное.

Болотам Казани необходимо придать статус памятников природы.

рых вскоре перестают обращать внимание, ощущают, по-видимому, состояние психологического комфорта, безопасности. Отсюда их поразительная доверчивость в городах.

Ежегодно в июле на болотах Казани появляется большое количество взрослых уток, держащихся стаями по 8—12 особей. Это линные утки. Мы видим здесь интереснейший пример того, как утки, избирающие, как известно, на период линки наиболее укромные места, летят из природных участков в город, как бы подчеркивая этим условия особой безопасности городских болот. 7 июля 1986 г. в «Островках» было четыре стаи линных уток по 10, 12, 10 и 8 особей в стае. Стаи не смешивались. Две держались на разных озерах, еще две — на одном. Наблюдение происходило в девятом часу вечера. На берегах озера было примерно 10 человек, которые рыбачили, ходили, бегали. С людьми была собака. Утки, открыто находясь на воде в 25—30 м от людей, спокойно кормились, дремали. Иногда они даже плыли в сторону людей, сокращая расстояние до 10 м. На другом озере линные кряквы спокойно плавали в 30 м от ловцов дафнии. Скопления линных уток в «Островках» отмечены также в 1987—1990 гг. Бывают линные и в «Камышовом плесе».

С середины августа становятся особенно интенсивными предмиграционные полеты крякв. Вполне освоившись за лето с обстановкой города (молодые и не знают пока иных условий), утки демонстрируют вечерами искусство полета на фоне девятиэтажных жилых домов. Пронесаясь с красивым звуком крыльев над головами зашедших в глубь болот людей, нередко на высоте всего 15—20, а то и 5 метров. Даже только ради того, чтобы горожанин мог насладиться этим зрелищем едва ли не с собственного балкона, стоит сохранить болота Казани!

Лысуха. Это второй после кряквы

многочисленный гнездящийся вид на болотах Казани. Особенно многочисленна лысуха в «Камышовом плесе», что, несомненно, связано с обилием здесь тростника и рогоза, в крепях которых эта птица устраивает гнезда. По учетам 1988—1990 гг. в «Камышовом плесе» плотность населения лысухи по годам составила соответственно 100, 186, 43 особи на 100 га (в среднем — 110). Доля птенцов колебалась от 45 до 74 %, в среднем — 60. Размножение лысухи здесь идет очень успешно, поэтому можно с полным основанием считать «Камышовый плес» воспроизводственным участком лысухи в Казани. Среднее число птенцов в выводке — 5 (от 4 до 6).

Поведение лысухи в отношении к человеку более осторожное, чем у кряквы. Однако и лысухи отплывали лишь при приближении к ним в среднем на 10 м (24 случая). При этом не отмечено существенной разницы в осторожности самок с выводками, одиночек и групп взрослых.

Болотный лунь. Замечательным подтверждением того, как высока на казанских болотах плотность населения кряквы и лысухи, являются регулярные охоты здесь болотного луня. Наиболее часто этого хищника видят в «Камышовом плесе»: многократно в июне 1987, июле 1988, июне 1990 г. Бывает лунь и в «Островках» (1987, 1990 г.). Хищник, высматривая в рогозе выводки и отдельных птенцов, то летает низко, то зависает на месте, трепеща крыльями, не реагируя при этом на окружающие девятиэтажные дома, на автомобили и людей.

Камышница. Эта птица из семейства пастушковых — постоянный обитатель болот Казани. Более того, создается впечатление, что численность камышницы здесь даже выше, чем в дикой природе. В 1979 г. голос камышницы слышали в рогозовых крепях «Старой поймы». На протяжении всех 80-х годов и ныне камышница постоянно живет в «Островках» и «Камышовом плесе».

Близи улицы Голубятникова известно одно крошечное озерко, едва ли не лужа, окруженная жилыми домами, сильно замусоренная, где ежегодно гнездится пара камышниц. В «Камышовом плесе» гнездится 3—4 пары. Среднее число птенцов в выводке — 3.

В городе эта весьма скрытная птица поражает своей доверчивостью. Приходилось наблюдать спокойно кормящуюся птицу с 20—25 м. На озере по улице Чуйкова видели камышницу, которая плавала по совершенно открытой воде, подобно чайке, на виду у десятков людей, ждущих на остановке автобус. Вместе с тем в Раифе камышницы, заведя в 40—50 м даже тихо стоящего на берегу человека, спешат скрыться в зарослях.

Другие виды птиц. На казанских болотах отмечены также чирки-свистики и трескунок. Численность их очень низка. Доверчивый к человеку свиистунок (Мальчевский, Пукинский, 1983), не гнездится, вытесняемый предположительно кряквой. Весьма осторожный трескунок нередок в апреле — мае, на пролете. Однако выводков мы ни разу не находили.

В июне 1979 г. в «Старой пойме» видели большую выпь, которая вылетела из рогоза и, пролетев, опустилась вновь. 18 июня 1990 г. выпь увидели в воздухе летящей на высоте 30 м над «Камышовым плесом». Медленно сделав круг, птица опустилась в крепи. В обоих случаях можно предположить гнездование.

Во время весеннего пролета слышится, летят над кварталами Казани гуси. Стаи по 7—25 гусей наблюдали 1 мая 1987 г., 12, 17, 18 апреля 1989 г. Направление пролета — на восток и северо-восток. В. Просвиригин сообщил о встрече одиночного гуся в мае 1988 г. в «Старой пойме». Гусь вылетел из зарослей тростника.

С конца 70-х годов в Татарии появилась и постоянно увеличивает численность лебедь-шипун (Горшков, 1984). В конце апреля 1987 г. в дождливую, туманную погоду несколько лебедей ненадолго остановились в городе на озере Нижний Кабан, о чем наблюдатели сообщили в Университет по телефону. Имеется два непроверенных сообщения О. Ф. Губина о встречах лебедей в «Старой пойме». Летом 1983 г. пара взрослых лебедей встречена им на Казанке выше города в районе железнодорожного моста. Летом 1987 г. одного взрослого лебеда видели с моторной лодки в протоке, отделяющей один из островов от правобережья «Старой поймы».

Зайцы. Из млекопитающих наиболее многочисленны на городских участках природы зайцы. Весьма благоприятна для них «Старая пойма». В декабре 1986 г. плотность населения зайца определена здесь методом зимнего маршрутного учета в 9,9 особи на 1000 га. Особенно интересным местобитанием зайцев в Казани являются «Островки». Обилию здесь зайцев способствует полная недоступность в лет-

нее время многих торфяных островов. Следы зайцев отмечаются здесь ежегодно с зимы 1984/85 г. Но зайцы, вероятно, жили тут и прежде. Зимой 1986/87 г. не было отмечено ни одного следа. Однако в январе 1988 г. следов было особенно много.

В «Камышовом плесе» зайцев не отмечали.

Ондатра. Многочисленна всюду по «Старой пойме», где ежегодно ведут ее промысел по лицензиям Управления охотничьего хозяйства при СМ ТССР. Промышляют ее и браконьерски. Ондатра селится в хатках, по островам — в норах. С приходом в район «Островков» строителей и началом строительства жилых домов, многие озера были погребены под песком. В остальных стал подниматься уровень воды. Происходило это и зимой. Зверьки вынуждены были покидать затопляемые норы. В январе 1981 г. их видели бегающими возле домов, магазинов. Все они, конечно, погибли. Отрицательно сказалась и добыча торфа. В «Камышовом плесе», где уровень воды в общем стабилен, положение ондатры лучше. Здесь нередко можно видеть зверьков, спокойно кормящихся или плавающих в 25—30 м от людей.

Горностай. В «Камышовом плесе» не отмечался ни разу, но в «Старой пойме» и в «Островках» обычен на протяжении зим 1984—1991 гг. Жил там, вероятно, и прежде. В декабре 1986 г. в «Старой пойме» плотность населения горностая составила 1,7 зверька на 1000 га. В «Островках» по двум учетам за декабрь 1986 г. и одному за январь 1987 г. — в среднем 15,5 зверька на 1000 га. Столь высокая плотность объясняется обилием здесь полевков и серых крыс, массовыми зимними ночевками галок на кустах ив (мы находили замерзших). В «Островках» горностай предпочитает наименее посещаемые людьми участки, густо заросшие ивняком.

Лисица. В глубь Казани лисицы проникают зимой по льду Казанки из лесных массивов, расположенных севернее города в Высокогорском районе ТССР. П. К. Горшков сообщил, что в декабре 1985 г. уже в темноте (около 19 часов) видел двух лисиц, перебежавших перед машиной проспект Ямашева со стороны Казанки в «Островки». В марте 1986 г. лисицы, судя по следам, постоянно посещали заброшенные сады между Казанкой и улицей Гаврилова, оставляя копанки в снегу на расстоянии 300—400 м от девятиэтажных домов.

Нет сомнений в том, что болота Казани необходимо сохранить. К сожалению, продолжается их уничтожение, несмотря на многочисленные, предпринимавшиеся с 1978 г. обращения к городским властям научной общественности. Необходимо придать этим болотам статус памятников природы (даже с элементами промысловых участков по ондатре), иначе эти замечательные участки в городе будут безвозвратно потеряны.

Купающиеся лоси.

Фото А. Николаева

УКРАИНСКАЯ ПОПУЛЯЦИЯ ЛОСЯ

**И. ДЕЛЕГАН,
В. БОНДАРЕНКО,**
доценты кафедры зоологии
Львовского лесотехнического
института

На Украине лось — наиболее крупное охотничье животное. Костные его остатки встречаются, здесь уже в верхнепалеолитических слоях. О широком распространении лоса на территории республики свидетельствуют археологические материалы, документы времен Киевской Руси, хроники более

позднего времени. И в далеком прошлом и в последние столетия численность лоса на Украине значительно колебалась. Во второй половине XVIII века он стал исчезать, его численность сокращалась даже в лесных районах Черниговщины и Волыни. На Прикарпатье последний аборигенный лось до-

**ЧИСЛЕННОСТЬ И ДОБЫЧА ЛОСЯ
В УКРАИНСКОМ ОХОТЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ**

Подрайоны	1984 г.		1989 г.			
	количество особей	плотность, особей на 1000 га	количество особей	плотность, особей на 1000 га	добыча	% добычи
Западноукраинский	441	0,4	616	0,6	62	10,1
Подольский	8892	1,9	10 041	2,2	941	9,4
Восточноукраинский	2057	2,1	2206	2,3	176	8,0
Причерноморский	371	1,2	247	0,8	19	7,7
В среднем по республике						
Всего	11 761	1,9	13 110	2,1	1198	9,1

Таблица 2

**ПОТЕНЦИАЛЬНО ВОЗМОЖНЫЕ ЧИСЛЕННОСТЬ И ДОБЫЧА ЛОСЯ
В УКРАИНСКОМ ОХОТЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЙОНЕ**

Подрайоны	Потенциально возможные			
	количество особей	плотность на 1000 га	добыча, особей	% добычи
Западноукраинский	4400	4,0	880	20
Подольский	23 400	5,0	5850	25
Восточноукраинский	5900	5,0	1770	30
Причерноморский	600	2,0	90	15
Всего	34 300		8590	

быт в 1760 г. К концу XVIII века лосей не осталось на Киевщине и Полтавщине. Уменьшение ареала и численности продолжалось почти в течение всей первой половины XIX века. Однако вскоре началось постепенное увеличение поголовья. Расселение и подъем численности вида происходили неравномерно. На Волыни уже в конце 30-х годов XIX века встречались лоси, мигрировавшие из Белоруссии, а во второй половине сформировались большие стада. На Черниговщине много лосей отмечено в конце 50-х годов. В 80-е годы возрастает их количество на Ровенских болотах (здесь встречались стада до ста лосей). По отдельным регионам Житомирской области плотность превышала 4 особи на 1000 га. В это время лоси постоянно встречались в окрестностях Киева. Под Житомиром встречи с лосями были обычными до конца XIX столетия. Чрезмерная охота, сплошные вырубки лесов привели к новому значительному сокращению поголовья вида, к двадцатым годам текущего столетия сохранилось всего несколько лосиных семей, обитавших в наиболее глухих лесных массивах Полесья. Охота на лося была запрещена.

Для восстановления ареала и численности лося на Украине потребовалось несколько десятилетий. Первые единичные заходы лосей из Полесья в лесостепные районы отмечены в 1938 г. До конца 1948 г. на Украине было учтено около 20 лосей. В период с 1947 до 1961 г. наблюдалось массовое передвижение лосей на юг. В конце 50-х — начале 60-х годов темпы расселения феноменально возросли. Южная граница распространения вида достигла Херсонской области, а численность лосей в 1958 г. равнялась примерно полутора тысячам. К 1960 г. поголовье возросло примерно в два раза по сравнению с предыдущими годами. В 1966 г. лоси обитали в 16 из 25 областей Украины. Факт захода лосей во Львовскую область зарегистрирован в 1967 г., в степной Крым — в 1972 г. Миграции и интенсивное освоение видом новых угодий продолжались, в 1971 г. лоси встречались уже в 21 области. С середины 60-х годов по 1973 г. украинская популяция лосей возрастала в среднем на 26 % в год. Навысшей численности она достигла в первой половине 70-х годов — 17 850 лосей. В Черниговской, Сумской, Житомирской, Ворошиловградской областях было 1600—5300 лосей. В 1977 г. достигли максимальной величины лосиное стадо в Киевской области — 2450 особей. В ряде хозяйств плотность населения лосей превысила нормальную. Так, в Соснинском лесничестве Черниговской области она достигла 26,8 животного на 1000 га угодий, в некоторых лесничествах Сумской области составляла 22,4—23,2. К концу 1977 г. лоси распространились по 24 областям Украины, но постоянно обитали в 22. В Крым, Закарпатье, Николаевскую область зверь проникал не ежегодно. С 1973 и

вплоть до 1981 г. на Украине наблюдалось некоторое снижение численности лосей, с 1982 г. прослеживается тенденция роста. Но средний прирост в период с 1981 по 1986 год составил всего 5 %, что соответствует очень низкому уровню продуктивности. Следует подчеркнуть, что в областях республики, где сосредоточено основное поголовье, динамика изменения численности принципиально отличается от выявленных общих закономерностей. Так, в условиях Житомирской области в течение последних 30—40 лет наблюдается устойчивое возрастание численности. Здесь почти в 5 раз увеличился средний прирост поголовья. В период с 1965 по 1980 год он составил около 3 %, в 1985—1989 гг. достиг 15 %. В целом в условиях Украинского охотэкономического района тенденция увеличения плотности популяции сохраняется. Самая низкая плотность (0,4—0,6 особи на 1000 га угодий) наблюдается в Западноукраинском, самая высокая (2,1—2,3) в Восточноукраинском подрайонах.

Официально разрешенная добыча лосей в республике началась с 1965 г. Было добыто 63 лосей — 1,07 % от общей численности. Сначала отстреливали только самцов, позже в планы отстрела стали включать до 25 % самок. До 1968 г. мясо лосей использовали только для личного потребления, затем 80 % добычи стали направлять в торговую сеть. С начала 70-х годов вплоть до 1986 г. (до аварии на Чернобыльской АЭС) почти вся добытая продукция шла на экспорт. С 1968 по

1974 г. на Украине заготовлено 1218,6 тонны лосиного мяса. В среднем за год в этот период добывали 172,5 т, в 1974 г. добыто 383 т. Средний выход мяса от одной туши за семилетний период составлял 150 кг. В первые 10 лет охоты на лосей отстреливали значительно меньше животных, чем позволяли ресурсы, — 0,3—0,4 % от общей численности. В 1972 г. отстрелы увеличились до 8,1 %, но численность зверя продолжала возрастать. В 1973 г. из популяции изъято 16 % — 2848 лосей, а в 1974 г. — 12,5 % — 2200 животных. Отстрел в 1975 г. (2000 особей) составлял 3,4 % от общей добычи на всей территории СССР. К середине 80-х годов добыча лосей на Украине снизилась более чем в два раза по сравнению с 1973 г. и составляла в 1984 г. — 1117, в 1985—1223, в 1986—1065, в 1987 г. — 1070 лосей. Официальное промысловое изъятие запасов вида за последние 10 лет около 9 %. Самая низкая доля изъятия — 7,7 % — отмечена в 1989 г. в Причерноморском, а самая высокая — 10,1 % — в Западноукраинском охотэкономическом подрайоне.

Как свидетельствует проведенный анализ в Украинском охотэкономическом районе, несмотря на широкое освоение лосями новых территорий, численность популяции в последние годы существенно не увеличивается. Причин много. На Украине используют преимущественно гладкоствольные ружья. В связи с этим наблюдаются большие потери при опромышлении популяции. В среднем каждый третий

подстреленный лось уходит и гибнет, а в условиях чернотропа потери еще больше. Стимулирование добычи наиболее крупных животных привело к омоложению популяции и, как следствие, к заметному уменьшению ее репродуктивной способности. Среди добытых животных практически исчезли особи старше шести лет, преобладают (60—80 %) молодые в возрасте четырех-пяти лет. Их трофейная ценность не является наивысшей. Средний выход мяса от одной туши уменьшился в 1989 г. до 115 кг.

Значительный урон поголовью наносят браконьеры. Браконьерскую добычу учесть трудно, ее размеры на Украине, по-видимому, могут достигать 40—70 % легальной добычи. Часть животных гибнет от волков, при столкновении на дорогах с автотранспортом. Ощутимы и потери от отравления пестицидами на сельскохозяйственных полях, где гибнут преимущественно молодые расселяющиеся особи.

Перечисленные негативные факторы снижают эффективность ведения хозяйства на лоса на 15—25 %. Анализ опыта и результаты исследований свидетельствуют, что прирост поголовья лоса на Украине можно значительно увеличить, если свести к минимуму воздействие отрицательных факторов, способствовать формированию оптимальных по численности и структуре популяций. Так, установлено, что в настоящее время в составе Полесской популяции лоса имеется от 23 до 36 % сеголеток. В половой структуре самки составляют 57—63 %, самцы — 37—43 %. В Лесостепи количество самок возрастает до 65—70 %, количество самцов уменьшается до 30—35 %.

Угодья Украины благоприятны для обитания лоса, характеризуются значительными запасами естественных древесно-кустарниковых кормов. Однако при имеющихся поголовье кормовая база используется недостаточно. В частности, на Полесье летние травянистые корма парнокопытные используют на 0,25—0,35 %, а древесно-кустарниковые — на 0,45—0,50 %. В лесостепных районах соответственно на 0,12—0,20 и 0,15—0,25 %, в Прикарпатье — на 0,06—0,14 и 0,05—0,11 %. Суточный жировочный ход лоса во Львовской области составляет 800—2000 м, на протяжении которого зверь поедает на высоте 0,7—2,9 м однолетние побеги более 10 видов древесных и кустарниковых растений. Зимний суточный рацион в этих условиях колеблется от 11 до 28 кг древесно-веточного корма. В смешанных насаждениях Новоград-Волынского лесохозяйственного хозяйства (Житомирская обл.) лось отдает предпочтение дубу, иве, яблоне, клену, осине, рябине. В целом при плотности населения до 4—7 животных на 1000 га угодий в смешанных лесах Украинского Полесья основную массу кормов лось составляют второстепенные породы. Степень использования доступного корма — 14,8—29,5 %. По мере увеличения плотности

до 10 голов и более на 1000 га количество изымаемого корма возрастает до 33,8 %. В лесостепной зоне УССР в течение всего осенне-зимнего сезона лоси кормятся в 5—12-летних дубовых молодняках.

На Украине склонность к групповому образу жизни у лоса выражена слабо. На территории Западноукраинского и Подольского охотэкономических подрайонов за 10 лет мы наблюдали 860 одиночек и групп различного размера. Одиночные животные встречены в 44 % случаев, пары — в 39, группы от 3 и более особей — до 17 %.

Лось играет значительную биогеоценотическую роль в жизни леса. Эта роль меняется в зависимости от лесорастительного района и характера лесных насаждений, а также от плотности населения животных данного вида. В одних случаях воздействия могут быть положительными или нейтральными, в других — вызывают последствия, нежелательные для лесного хозяйства. На Украине потравы от лосей носят сезонный характер, от них страдают в первую очередь кормовые породы. В условиях Полесья, где преобладают сосновые насаждения, в составе которых более 54 % молодняков, ущерб от лосей заметен, и он усиливается по мере возрастания плотности их населения. В Ратновском лесохозяйственном хозяйстве (Волынская обл.) в 8—12-летних сосновых молодняках выявлено повреждение 3—8 % лучших деревьев. Нежелательные последствия деятельности лоса в молодых сосновых насаждениях Украинского Полесья находят в допустимых пределах, если на одно животное приходится не менее 25—40 га кормовых угодий. Установлено, что имеющиеся в угодьях республики запасы кормов позволяют в 2,9 раза увеличить численность лоса.

Для этого необходимо прежде всего разработать четкую и гибкую систему управления популяцией с реализацией тех рекомендаций, которые были предложены исследователями (Банников, 1965; Язан, 1962, 1975, 1976; Рудышин, 1987; Шейгас, 1989, и другие). Вместе с тем требуют уточнения емкость лосиных угодий для локальных популяций, а также оценка лимитирующих факторов, препятствующих полному использованию установленной емкости. Предстоит также найти пути целенаправленного заполнения свободной емкости угодий, выработать стратегию и тактику управления экологической средой. Расчеты показывают, что увеличение плотности украинской популяции лоса в 2,9 раза даст возможность довести добычу животных до 25 % от общей их численности. В экономическом плане ежегодная потенциально возможная добыча 8590 лосей принесет дополнительно более 3 млн рублей. Учитывая высокую стоимость добычи лоса зарубежными туристами (около 1000 долларов за лоса), значительную часть прибыли можно получить в валюте за счет международного охотничьего туризма.

**В. ТЕЛЕПНЕВ,
Н. ШУБИН**
Западно-Сибирское отделение
ВНИИОЗ
имени профессора Б. М. Житкова

Несмотря на длительный период, прошедший с начала акклиматизационных работ, многие пригодности для обитания речного бобра водоемы на территории Западной Сибири остаются незанятыми им. Такое положение сложилось по ряду причин. Одна из них заключается в том, что к 1960—1965 гг. прекратились завозы и расселение зверей из европейской части страны. Местные биотехнические мероприятия этого плана не имели должного развития: по существу проведены случайные и малочисленные выпуски внутриобластного значения, что уже отмечалось М. П. Павловым и другими (1973). Однако в районах завоза животных к этому времени сложились очаги поселений определенной величины и структуры. Самые крупные из них, почти с тысячным поголовьем, отмечены в бассейнах рек Васюгана, Тыма, Чаи, Тары, Сары-Чумыша и других. Кроме того, возникло очень много малочисленных поселений, состоящих из семей или одиночек. Зачастую они разобщены и изолированы друг от друга.

Звери заселили акватории малых и средних рек, проникли до их вершин, где обеспечивают свое существование «иригационными» сооружениями. Бобровые плотины приводят к заболачиванию поймы и исчезновению некоторых древесно-кустарниковых пород. Выведание кормовых растений вынуждает бобров перемещаться с одного участка на другой, возвращаясь на прежний через 10—12 лет, после восстановления древесно-кустарниковой растительности.

Большинство бобров живет в норах, и только в заболоченных местах они строят хатки и полухатки.

Миграционная способность зверей довольно высока. Как было показано нами ранее (Гынгазов, Шубин, 1972), отдельные из них могут преодолевать в среднем по 12—15 км в год. Это позволило бобрам освоить некоторые пустующие соседние водоемы и расширить границы своего распространения в крае.

С 1965 г. начат лицензионный отлов зверей, но количество заготавливаемых шкур в первые годы не превышало 100, а в последующие — 400—500, и лишь к 1986 г. возросло до 1 тыс. штук. Отмечена также тенденция постепенного увеличения численности этих животных. По данным управлений охотничье-промысловых хозяйств, к 1968—1970 гг. запасы речного бобра

РЕСУРСЫ РЕЧНОГО БОБРА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Бобр спешит к открытой воде.

в Алтайском крае, Томской, Новосибирской, Омской и Кемеровской областях оценивались в 6—6,5 тыс., а на

Бобровая хатка.

1987 г. — уже в 13,5—14 тыс. особей. Однако изолированность очагов так и не исчезла.

Последнее можно объяснить бесхозяйственным отношением к ресурсам животных. Отсутствие бобровых охотничьих хозяйств, специализированных бригад, должного контроля за угодьями и учета численности приводит к тому, что в ряде случаев поселения этих ценных грызунов отданы на разграбление браконьерам. В результате почти полностью исчез огромный Тымский очаг на севере Томской области, исчезли некоторые поселения бобров в густонаселенных районах Алтайского края, Кемеровской и юга Томской областей. Многим поселениям нанесен существенный ущерб.

Парадокс заключен и в том, что создание очагов с очень высокой численностью популяции приводит к нежелательным последствиям: истощению кормовой базы угодий, эпизоотиям и падежу животных. По названным причинам в 50-х годах почти полностью исчез крупный Нюрольский очаг поселений грызунов, расположенный в верховьях р. Нюрольки Томской области. Летом 1975 г. мы встречали погибших от неизвестных причин зверей по притокам реки Яи в бассейне Чулыма, где наблюдалась повышенная плот-

ность популяции. Поэтому при организации бобровых хозяйств необходимо учитывать эти негативные моменты.

В местах, где ведется длительный регулярный промысел, накапливается опыт рационального использования запасов речного бобра, который должен быть положен в основу ведения хозяйства. В качестве примера воспользуемся результатами двадцатилетней эксплуатации популяции бобров на базе стационара, расположенного в Северной Барабе по реке Чека и ее притокам. Протяженность русел рек там не превышает 70 км. Ежегодно регистрируется от 20 до 25 поселений с общим поголовьем в 100 особей. На одну семью приходится в среднем около 3 км русла реки. Промысел ведется попеременно на двух-трех участках по системе частичного вылова, то есть до поимки первого взрослого животного. При этом процент изъятия обычно не превышал 25 и из одной семьи добывалось от 1 до 6 зверей. За весь указанный период промысла здесь отловлено на шкурку более 220 бобров.

Бригада ловцов из двух человек может легко добыть за месяц 30—40 зверей. Поэтому сроки промысла нужно ограничивать, начинать после ледостава и заканчивать не позднее конца декабря, до периода спаривания. Отлов одного взрослого зверя из семьи не приводит к ее нарушению и исчезновению, что подтверждается данными В. Г. Сафонова (1965), Г. В. Соколова и Э. Г. Самусенко (1967), Б. З. Годушко и А. Н. Фоменкова (1969). На следующую осень там, как и прежде, продолжают отлавливать сеголетних особей. Число их обычно не бывает более трех в одной семье (хотя нередко рождается до пяти), и в популяции они составляют не более 25 %. Чтобы не подорвать репродуктивное ядро, норма годового изъятия не должна превышать 10—18 % всего населения. Это дает возможность длительно эксплуатировать стадо. Достаточно сказать, что отлов 10 % особей, при изъятии в среднем двух зверей из каждой семьи, не оказывает влияния на снижение численности популяции.

Не заселяя пустующие, но пригодные для обитания речного бобра акватории (резервы их огромны), и не ведя регулярного промысла в существующих поселениях, мы допускаем бесхозяйственность.

ГОЛУБИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Ф. КАРПОВ,
орнитолог Института
зоологии АН КазССР

Молодой клинтух.
Фото А. Соколова

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» в последнее время вышло немало статей, рассказывающих о голубях европейской части нашей страны и об охоте на них. Наверное, читателям интересно узнать, как обстоят дела и в других районах Советского Союза, в частности в Юго-Восточном Казахстане.

Этот край поражает разнообразием природных ландшафтов. При желании за одни сутки здесь можно увидеть и вечные снега в заоблачных высях, и дрожащее марево солонцов в знойной пустыне. Ранним утром можно подняться на крыло из арчевого стланика гималайского улар, а вечером того же дня наблюдать водопой чернобрюхих рябков у пустынного источника.

Географическое положение и многообразие природных зон юго-востока Казахстана не могли не сказаться на его орнитофауне. Из 12 видов голубей, встречающихся в нашей стране, в этих местах отмечено 10, из них девять — на гнездовье и один залетный. Это белогрудый голубь — таинственный обитатель высокогорий Памира. Он еще остается для науки горным полупризраком, о жизни которого известно очень мало. Для Юго-Восточного Казахстана имеется только одно наблюдение за этой птицей, достоверность которого спорна. В работе известного

биолога Б. К. Штегмана есть указания на встречу этих голубей в конце 40-х годов в Заилийском Алатау, в окрестностях г. Алма-Аты. В дальнейшем ни здесь, ни в других горных районах республики он не отмечен, но вероятность встречи с ним все же еще существует.

Остальные девять видов для Юго-Восточного Казахстана довольно обычны, но, несмотря на это, по многим важным аспектам их биологии, знание которых необходимо для рационального использования и охраны голубей, имеются лишь фрагментарные данные. Современное распространение всех голубей, которое на юго-востоке Казахстана подвержено постоянным изменениям, нуждается в уточнении. Специального изучения гнездовой биологии в этом районе не проводилось, отсутствуют количественная оценка численности голубей на гнездовании и процент изъятия их в процессе охоты.

Лучше дела обстоят со знанием миграций голубей. Изучением их занимаются орнитологи Института зоологии АН КазССР в предгорьях Таласского Алатау, на стационаре Чокпак. Здесь уже более 20 лет ведется учет численности птиц на весеннем и осеннем пролетах, а также отлов их для кольцевания. Однако несмотря на продолжительную работу, материала по геогра-

фическим связям голубей собрано недостаточно, и тут нужно сделать упрек в адрес охотников. Дело в том, что те виды голубей, которых кольцуют на Чокпаке, относятся к охотничьим птицам, в первую очередь большая и обыкновенная горлицы и клинтух. В период охоты в Юго-Восточном и Южном Казахстане они отстреливаются в значительном количестве, возврат же колец орнитологи почти не получают. Так, например, за время работы Чокпакского стационара окольцовано более трех с половиной тысяч клинтухов, а возвратов получено только 45. Поэтому большая просьба к охотникам, в чьи руки попадает окольцованная птица (это касается не только голубей), — не ленитесь написать о своей находке. Вам будут очень благодарны и ответят на интересующие вас вопросы.

Есть еще одна сторона охоты по перу, которой уделяется мало внимания. У нас принято считать, что охотник точно знает объект охоты. На деле это далеко не так. Охотники в большинстве своем люди наблюдательные, очень тонко подмечающие особенности поведения, детали окраски, но как называется тот или иной вид, не знают. Сейчас же, когда ряд видов нуждается в охране (скальный и бурый голуби), знать кто есть кто просто необходимо.

Сизый голубь. В Юго-Восточный Казахстан входит естественный ареал дикого сизого голубя, который представлен здесь крупным светлым подвидом. Он осторожен, близости людей избегает. Селится в скальных степных гор, по глинистым обрывам и пустующим постройкам человека. Внешность диких сизых голубей знакома каждому благодаря тем его сородичам, которые были когда-то одомашнены, но, одичав снова, все же остались жить рядом с человеком, заселив все его города и поселки. Эти полудикие «сизари», несмотря на всю пестроту пера, часто имеют первоначальный дикий окрас. Общий цвет оперения голубей светло-сизый, на крыльях две четкие черные полоски. Шея с металлическим зеленоватым отливом, который на груди переходит в красноватый цвет. Клюв черный. Хвост темно-сизый, черный на конце. Отсутствие на нем белой перевязи отличает сизого голубя от похожего на него скалистого, а белая поясница — от клинтуха. От последнего сизарь отличается еще и контрастом темного оперения брюха и светлого подбора крыльев.

В Юго-Восточном Казахстане добывают преимущественно полудиких «сизарей», но специальной охоты на них не существует. Отстреливают этих голубей от случая к случаю при охоте на кекликов и горлиц. Причин тому несколько. Во-первых, облик пестрого полудикого «сизаря», скажем прямо, не охотничий, а это для многих охотников важно, так как вид трофея является одной из эстетических сторон

восприимчивости охоты. Во-вторых, несмотря на значительные порой концентрации этих голубей, держатся они обычно вблизи селений или у мест с обильным доступным кормом, таких, как животноводческие фермы, элеваторы и так далее. Здесь по существующим правилам охота запрещена. А «сизари», вылетающие на поля, в места, разрешенные для охоты, все же являются синантропными птицами и на отдых летят к жилью, проводя там довольно много времени, которое выпадает из охоты. В-третьих, сизые голуби по правилам охоты относятся к степной дичи и входят в ее норму отстрела. Поэтому охотник, оказавшись в утренние или вечерние часы в полях, во время наибольшей активности не только сизых голубей, но и собственно степной дичи, отдаст предпочтение последней, так как «сизарей», не очень разборчивый в выборе корма, часто имеет неважный вкус мяса.

Все сказанное выше о сизом голубе относится к Юго-Восточному Казахстану и основано только на личных наблюдениях и мнении знакомых мне охотников. Есть, наверное, думающие иначе, но все же, раз проблема регулирования численности полудикого сизого голубя существует, — решать ее надо охотникам, только подход к этому должен быть разумным. При увеличении добычи «сизарей» нельзя, чтобы под усиленный пресс охоты попали немногочисленные популяции диких сизых голубей, а также скалистый голубь и особенно бурый, численность которого в настоящее время сокращается и он может оказаться на страницах Красной книги.

Скалистый голубь. На юго-востоке Казахстана встречается туркестанский подвид, обитающий в этой части республики только в высокогорье. В отличие от номинативного северного подвида он избегает близости человека и почти не встречается в селениях. Оседлый вид, совершающий лишь незначительные кочевки в пределах гор. Обликом своим скалистый голубь очень напоминает сизого, но отличается от него более светлой окраской и хорошо заметной белой полосой поперек хвоста. Обитая в горных районах, этот голубь не испытывает серьезного антропогенного воздействия. В северной части Джунгарского Алатау, по наблюдениям Б. П. Анненкова, скалистый голубь и в настоящее время еще довольно обычен, но в Заилийском Алатау он стал редок. В целом же по юго-востоку Казахстана, как и по другим горным районам республики, отмечается его исчезновение, по-видимому вызванное быстрым ростом численности здесь полудиких «сизарей». Очевидно, при скрещивании этих видов, живущих в общих колониях, небольшие изолированные популяции скалистого голубя поглощаются сизым. В настоящее время скалистый голубь в Казахстане нуждается в охране.

Бурый голубь. Свое название он

получил за буроватый оттенок верха, словно на оперение его спины и крыльев осела пыль лессовых обрывов. Из всех видов рода, встречающихся в нашей стране, бурый голубь самый мелкий. От клинтуха он отличается белой поясницей, а от сизого голубя — заметно меньшими размерами, коротким хвостом и более темной окраской. На юго-востоке Казахстана встречается только в его равнинной пустынной части. Основные места обитания этого голубя — глубокие глинистые овраги с отвесными стенками и туранговые рощи. Перелетная птица, основные места зимовки находятся в Пакистане и на севере Индии. Биология бурого голубя изучена недостаточно, и на многие вопросы, касающиеся его образа жизни, ответить сейчас трудно. В частности, важный для охотничьего хозяйства вопрос, в чем причина неуклонного снижения численности этих голубей в последнее десятилетие. Здесь можно только предположить, что бурого голубя, вероятно, вытесняет туркестанский подвид клинтуха, который, как близкий к нему вид, способен занять его экологическую нишу. Что касается прямого отрицательного воздействия человека, то оно в основном сказывается в уничтожении туранговых рощ, где селятся птицы. Охота на бурого голубя до последнего времени серьезного значения не имела, но сейчас ввиду сложившегося положения необходимо временно запретить добычу этого вида и, в первую очередь, выяснить его современное распространение и численность.

Клинтух. От всех наших голубей отличается однотонной серо-сизой окраской, без белого цвета в оперении. Поперек крыла прерывистые черные полосы. Клюв светлый, ноги розо-

ватые. Размерами этот голубь несколько меньше сизого. Осторожная птица. В полете издает крыльями характерный свист. До недавнего времени в Юго-Восточном Казахстане клинтух туркестанского подвида достоверно гнезвился в небольшом количестве в пойменном лесу на р. Чилик в урочище Бортогой, восточнее г. Алма-Аты. После образования здесь водохранилища дальнейшая судьба этой популяции неизвестна, но не исключена возможность гнездования этих голубей в других местах юго-востока республики. Сбор новых сведений о данном подвиде необходим для выявления его современного состояния.

Для охоты интерес представляет пролетный клинтух номинативного подвида, летящий через Юго-Восточный Казахстан из лесных пространств Южной Сибири. У восточной популяции этого подвида в последнее время происходит увеличение численности с одновременным расширением ареала на восток. Осенний пролет клинтуха растянут с середины августа по конец ноября, охватывая весь срок охоты по перу. Трудности охоты на этих птиц в том, что, и без того осторожные, они во время миграции тяготеют к открытой местности. Часть клинтухов остается в Юго-Восточном Казахстане на зимовку, встречаясь в это время у животноводческих ферм, вдоль шоссейных и железных дорог.

Вяхирь. Самый крупный наш голубь. В природе хорошо отличим по белым пятнам на шее и крыльях (у туркестанского подвида пятна на шее не белые, а охристые). От собственно голубей он отличается более короткими крыльями и длинным хвостом, что делает его внешне похожим на горлицу. На юго-востоке Казахстана

Вяхирь на гнезде.

Фото С. Ярных

встречается туркестанский вяхирь. Как и номинативный подвид, от которого он отличается бледной окраской и несколько большими размерами, это обитатель лесных угодий. Раньше основным местообитанием на юго-востоке республики были горные леса Заилийского и Джунгарского Алатау, теперь он начинает встречаться и в лесополосах предгорных долин. Численность туркестанского вяхиря постоянно увеличивается. Он все чаще стал встречаться во время пролета на полях предгорий и появляется даже в таком крупном городе, как Алма-Ата. Последние несколько лет на дубовых аллеях Ботанического сада каждую осень отмечаются кормящиеся стайки этих голубей. Туркестанский вяхирь отличается осторожностью и добывается охотниками случайно при охоте на горлицы.

Обыкновенная горлица. Самая изящная и нарядная из наших голубей. Спутать ее можно только с большой горлицей. Оба вида имеют чешуйчатый рисунок верха, образованный темными перьями со светлыми каймами, и одинаковый черно-белый узор по бокам шеи. Отличается она голосом (в брачный период), светлой окраской и меньшими размерами. На юго-востоке Казахстана обитает пустынный подвид, населяющий главным образом его равнинную часть. Высоко в горы не идет. Гнездится в самых разнообразных биотопах, встречаясь и в перелесках предгорий и в глубине пустыни — была бы рядом вода. Живет почти во всех городах и поселках, украшая их улицы и парки. В начале 60-х гг. численность этой горлицы сильно сократилась, она перестала

гнездиться в г. Алма-Ате, но в последнее десятилетие снова стала обычной как в столице, так и по всему юго-востоку Казахстана. Перелетная птица. Зимует в экваториальной Африке. Во время осенней миграции, которая в предгорьях Тянь-Шаня проходит в августе — первой половине сентября, бывает многочисленна, но как объект охоты уступает большой горлице.

Большая горлица. Обликом очень похожа на обыкновенную, но отличается от нее большими размерами и темной окраской. В полете большая горлица в сравнении с обыкновенной кажется более массивной, что особенно заметно в смешанной стайке. Несмотря на схожесть этих птиц, внимательному охотнику различить их в природе не сложно.

На юго-востоке Казахстана большая горлица — птица горных лесов, встречается с нижнего пояса лиственного леса до альпийских арчевников. Перелетная птица, зимовки находятся в Юго-Восточной Азии и в Индии.

В голубиной охоте на юго-востоке Казахстана большая горлица — объект номер один. Здесь в период осенней миграции она многочисленна и встречается практически повсюду. У этой горлицы хорошо выражена утренняя и вечерняя кормовая активность, когда птицы летят кормиться на поля зерновых культур. Места кормежки, дневного отдыха и ночевки, как правило, более-менее постоянны, что позволяет охотнику заранее определить место охоты. Добывают горлицу несколькими способами. Это стрельба птиц во время кормовых перемещений на полях, подкарауливание у мест ночевки и

ходовая охота в полесозащитных лесополосах и по заросшим логам, куда птицы собираются на дневку. Осенние птицы обычно хорошо упитаны и имеют отличный вкус мяса. Отстреливают большую горлицу на юго-востоке Казахстана в значительном количестве.

Кольчатая и малая горлицы. Эти два вида не относятся к объектам охоты, являясь типично синантропными птицами, живущими только в поселениях человека. Оседлы. Схожи друг с другом, имеют короткие круглые крылья, относительно длинный хвост и одноцветную окраску верха. Кольчатая горлица размером примерно с обыкновенную, со светлой буровато-серой окраской. С задней стороны шеи черное полукольцо, давшее ей видовое название. До недавнего времени ареал кольчатой горлицы в Казахстане ограничивался Илийской долиной и предгорьями Джунгарского Алатау. В последние годы этот вид стал быстро распространяться на запад и сейчас обитает почти во всех населенных пунктах юго-востока республики. Малая (египетская) горлица — самая мелкая из наших горлиц. Спина буроватая, зоб, шея и голова с розоватым оттенком. Крылья дымчатые, брюхо белое. По бокам шеи птица имеет характерный черно-коричневый крапчатый рисунок. Все горлицы, обитающие рядом с человеком, отличаются своей доверчивостью, но наиболее это свойственно малой горлице, которая нередко кормится буквально под ногами у прохожих. Эта птица очень зависима от человека, и отсутствие помощи с его стороны в суровые зимы, а то и прямое преследование приводят к резкому падению численности; вплоть до полного исчезновения. Так, в начале 30-х гг. малая горлица исчезла в предгорьях Джунгарского Алатау, а к середине этого десятилетия перестала гнездиться в Алма-Ате. В течение четверти века она не встречалась на юго-востоке республики. В 1960—1961 гг. Институтом зоологии АН КазССР и Управлением охотничьего хозяйства КазССР малые горлицы были реакклиматизированы в г. Алма-Ате, и сейчас они вновь обитают по всему Юго-Восточному Казахстану. Горлицы, живущие рядом с нами, вносят в наш искусственно созданный мир частицу дикой живой природы и заслуживают бережного к себе отношения.

Голуби — безусловно достойная внимания дичь, если подходить к ним с уважением, которое должно быть у каждого настоящего охотника к объекту своей охоты. Согласитесь, надо неплохо владеть ружьем, чтобы остановить быстрокрылую горлицу, мелькнувшую в кронах деревьев; проявить смекалку, скрадывая осторожного вяхиря, севшего на сухую макушку высокого дерева. И кому не доставит удовольствия присоединить пару лесных голубей к последнему в сезоне крякашу, когда поздней осенью с черной разбужшей пашни сизыми хлопьями сорвется стая клиткузов.

Птенцы-слетки вяхиря.

Фото Д. Дебабова

Ох, нелегкая это работа...

Фото автора

КАК МЫ СПАСАЛИ ИЗЮБРА

П. КАЗЬМИН

Собак он почуял вовремя. Вскинув голову, изюбр рванулся с опушки леса вниз, к спасительной Селенге. Протока, подпитываемая теплыми ключами, еще не замерзла. С разбега он влетел на ледяную крошку, ухнул в холодную воду и поплыл к острову. Грудью врезался в кромку льда и не смог преодолеть неожиданную преграду. Река, спасшая от преследователей, могла и погубить. Течение сносило его все ниже и ниже. Он еще неоднократно делал попытки выбраться на берег, но безрезультатно. Могучего зверя медленно покидали силы, и недалеко был миг трагической развязки.

Так бы скорей всего и произошло, но, к счастью, случилось это утром. На дороге, петляющей по берегу и связывающей Покровку с «большой землей», показала машина. После утренней дойки молоковоз вез молоко в районный центр. И, как ни торопился водитель, успел-таки заметить необычного пловца. Остановился. Посокрушался, что ничем помочь не может. Вскоре услышал гул приближающейся машины. Посигналил. С машины и без того заметили неладное на реке и свернули на берег. В этот день лесники Покровского лесничества выехали на отвод лесосек и никак не предполагали, что придется выручать из беды лесного гостя. Не мешкая взяли веревку и найдя ниже по течению ледовую переправу, перебрались на остров Сеной, куда течением относил обессиленного зверя.

Свернув веревку кольцами, стали набрасывать импровизированный аркан на рога. После неоднократных попыток — попадание. Но как поднять живое животное на береговой припай? Только поранишь об лед. Достав топоры, принялись прорубать во льду канал к берегу. Дошли до мелководья и туда же вытянули изюбра, которого била мелкая дрожь. Приподняв и поставив его на ноги, лесники оставили изюбра на

льду в надежде, что, оправившись от шока и ледяной купели, он найдет дорогу с острова. А сами отправились дальше, работа не ждет. Но на всякий случай оставили двоих — мало ли что случится, вдруг кто воспользуется беспомощностью зверя, да приберет к рукам.

Вот так неожиданно Василий Иванович Викторов и Николай Григорьевич Николаев стали опекунами изюбра. И невольными виновниками еще одной ледяной купели, принятой измученным зверем. А случилось вот что. Один из проезжавших, увидев, как лесники спасают изюбра, поставил об этом в известность старшего охотоведа Госохотнадзора Михаила Петровича Семенова, который вскоре и приехал на берег с охотником-любителем Павлом Юрьевичем Плахиным. Увидев на льду изюбра, они вышли из машины. Лесники же в свою очередь вышли из кустов на берег острова взглянуть, кто подъехал. И тут, неожиданно для всех, изюбр, услышав хруст веток за спиной, прыгнул в воду. Увидев такое, охотовед с напарником поспешили на остров. Все повторилось, с той лишь разницей, что спасателей было вдвое меньше, да изюбр окончательно вымотался.

Долго и упорно работали люди, снова забрасывали аркан, рубили проход во льду, тащили на берег, подсовывая под него ваги... Когда мокрые от пота мужики вытащили тяжелого, центнера на три быка, день перевалил уже на вторую половину. Шатающегося изюбра поставили на ноги, заботливо подложили ему сено, взятое из недалеко стоящего стога, не стали снимать веревку, опасаясь, как бы он снова не бросился в воду. Вид его был ужасен.

На всякий случай Михаил Петрович с Павлом Плахиным съездили в районный центр за врачом А. Г. Мохосоевым, чтобы тот вынес заключение, жить или не жить спасенному. Был приглашен

и автор этих строк. По дороге Михаил Петрович вкратце рассказал о происшедшем. Продолжение же этого необычного спасения мне предстояло увидеть своими глазами.

Наконец приехали. На противоположном берегу, с острова нам кричал один из лесников:

— Давайте скорее сюда, задурел наш изюбр!

— Раз задурел, будет жить, — удовлетворенно констатировал ветврач.

Переправившись на остров, мы быстро направились к лесникам, греющимся у костра.

— Ну как он? — спросили.

— Одыбал, воли хочет; да взгляните сами, — махнул в сторону кустов Василий Иванович Викторов.

Продравшись сквозь кусты, мы вышли на поляну, где изюбр отчаянно пытался освободиться из плена.

— Как отвязывать будем? — озабочился Василий Иванович, — ведь к нему не подступишься.

— Придумаем что-нибудь, — бросил через плечо охотовед, — главнов, ожил.

Посоветовавшись решили, что лучше всего подтянуть его за веревку к дереву, и укрываясь им, как можно ближе к рогам отрезать веревку. Вскоре отчаянно сопротивляющийся зверь был подтянут вплотную к стволу. Возмущенный, с налившимися кровью глазами, он тяжело дышал. Павел Плахин, высунувшись из-за дерева, резанул по туго натянутой веревке. Отпрыгнув, освободившийся зверь гордо вскинул голову и с вызовом посмотрел на нас. Он перебирал бархатистыми губами и... скрипел зубами. Мы опешили.

— Надо же, на своих спасателей зубами скрежещет, — рассмеялся Михаил Петрович.

— Ну, иди, иди, дурашка, — махнул на него рукой, — да смотри, охотникам не попадаться.

Но не тут-то было. Склонив голову, изюбр грозно выставил рога. Каждая наша попытка отогнать его подальше от берега воспринималась им как нападение. Помаявшись с полчаса и ничего не добившись, отступили. Что делать?

— Сходи-ка, Павел, к машине, захвати ружье да собаку, — попросил Плахин охотовед, — может так его спугнем.

Пока наш гонец ходил до машины, мужики перекуривали, рассказывали охотничьи байки да посматривали в сторону изюбра, стоящего гордым изваянием на противоположной стороне поляны. Ожидание затягивалось. Предприняли еще одну попытку отпугнуть строптивого зверя. И то ли ему самому надоела вся эта история, то ли прочуял приближающуюся собаку, только вскоре он, не обращая на нас никакого внимания, с гордо поднятой ветвистой головой потрусил в глубь острова и исчез в сгущающихся сумерках. Мы облегченно вздохнули и искренне пожелали ему благополучно перебраться на берег, в родные леса.

НА РУСАКА — ПО ЧЕРНОТРОПУ

В. ГРЕКОВ,
почетный член УООР,
кандидат биологических наук

Фото автора

Первый зверь, который мною был взят самостоятельно, — это заяц-русак. До этого ходил с гончатниками по зайцам, но безрезультатно, так как обязательно кто-нибудь из бывалых становился удачнее и брал косого. Разочаровавшись, я оставил гончатников и начал тропить русаков по следам. Занятие это чрезвычайно интересное, а для меня тем более: ведь именно при этом я наконец-то добился удачи.

В южных местах, где снег непостоянен, большей частью приходится ходить по чернотропу. Успех приходит к тому, кто знает образ жизни и повадки русаков.

Наиболее распространенная на юге страны групповая охота — котлом, при которой охотники выстраиваются подковой и прочесывают уголья, избрав определенное направление. Казалось бы просто, но это простота лишь кажущаяся: одна бригада возвращается с выполненной нормой, другая — налегке. Многое здесь зависит от ведущего. Как он будет руководить группой и как будут выполнять его указания участники охоты. У неопытного бригадира люди разбредаются, теряются и порой встречаются лишь на следующей охоте; над полем висит густой гвалт, а перепуганные зайцы благополучно уходят.

Однажды, в постоянной из года в год бригаде «тамада» не смог поехать, руководителем выбрали всеми уважаемого стрелка. На пересеченной местности цепь у него разорвалась надвое, каждая половина ходила самостоятельно. В назначенное место пришла лишь ведомая часть, а вторую с трудом нашли, объезжая округу на арендованном автобусе.

Имеются разные мнения, кого должен держаться стрелок — переднего или заднего соседа в бригаде. Принимая во внимание сказанное, можно ответить однозначно — только заднего. В этом случае коллектив не распадется и будет вести себя как единое целое даже в самых сложных условиях — на пересеченной местности или в тумане. Следовательно, ход бригады определяет человек, который находится в центре подковы — по-местному в «мотне».

Идеально, если в бригаде собираются люди с одинаковыми физическими данными и соответствующим опытом.

Тогда где кому идти, решает жребий. Поскольку в подкове места неравнозначны, то договариваются через полчаса-час производить смену, во время которой фланговые заходят внутрь котла, затем становятся в центр цепи.

Если в бригаде имеются пожилые люди, то обычно наиболее опытного из них определяют на постоянно в мотню. Он задает скорость бригаде, следит за порядком и способствует передаче команд по цепи.

Бывает и так: люди выстраиваются, кому где нравится, и идут без перестановок всю охоту, причем лучшим стрелкам уступают более перспективные места, поскольку как только выполняется норма (по одному зайцу на ружье), охота прекращается.

Такие сложные маневры, как поворот на 90°, в большой бригаде не выполняют. Обычно на местах изменения маршрута производится сбор, для чего фланги смыкаются, образуя кольцо, и ждут подхода мотни, затем бригаду разворачивают в новом направлении, фланговым указывают ориентиры. Людей собирают и в том случае, если они идут из рук вон плохо и с помощью команд нельзя навести порядок.

Зайца может поднять любой участник и, если зверь не взят, то обычно кричат: «Гоп, гоп, держи!». Услышав выстрелы или крики, повторяющиеся по цепи, необходимо немедленно лечь, лучше за кустик, камень, бугорок или в борозду и терпеливо ждать, не шевелясь. Новичкам надоедает лежать в неведении, и они начинают ерзать приподнимаясь, озираясь; при этом заяц замечает их раньше и отворачивает на других или вообще уходит из котла. Если заяц уходит, то все равно надо лежать: нередко он разворачивается вспять.

Как-то на закрытии охоты, когда зайцы уже особенно ученые, впереди меня попал человек в возрасте, с плохим зрением и непреерекаемым самонадеянством; если он не видел зайца, то никакие «Гоп-гоп» или «Держи!» не могли уложить его на землю. Когда все лежали, он черным дубом торчал на поле и надежно отпугивал косых от доброй половины стрелков: охота была испорчена.

Случается, что человек прошел час, а ему не повезло. В этом случае не-

которые начинают хитрить, отставать, делая вторую мотню, или наоборот, залезают внутрь котла и отрезают идущего сзади, отнимая у него все шансы. В этих случаях ведущий передает по цепи: «Вернись на место».

Особенно неприятны хитрецы, которые всеми неправдами стараются перехватить зверя или направить его на компаньона. Однажды в сборной бригаде я оказался среди таких удалцов. В то время добыча не нормировалась, и каждый мог бить столько, сколько унесет. Так вот, в этот день заяц шел на меня на редкость часто, но метрах в 100 вдруг сворачивал то влево, то вправо и доставался соседям. В очередной раз я стал наблюдать уже не за зверем, а за соседом. Оказалось, что в нужный момент он шевелил ногой, чего вполне хватило, чтобы косой увидел и отвернул.

Учитывая, что у зайца острое зрение, необходимо мертво лежать, пока тот не набежит на верный выстрел. Даже раненый, он обращает внимание на незначительные шевеления. Как-то раз с противоположного фланга на меня шел сильно битый подранок, лег я неудачно и чтобы поудобнее устроиться, слегка поерзал — добывать зайца пришлось соседу...

Старый заяц довольно часто садится в котле и «считает» охотников; наконец, выбрав самый большой промежуток между стрелками, идет со «свистом», точно посередине, и в большинстве случаев благополучно уходит. Поэтому надо держать расстояние не более 60—70 м. Надо сказать, что и 40—45 м — дистанция немалая, поэтому в таких случаях осуществляют нагон, что следует расценивать как признак культуры. При нагоне один охотник встает и подворачивает зверя на соседа. Если поднимутся оба охотника, то русак пойдет точно посередине, либо крутанет назад.

В последние годы на Украине бригады были ограничены пятью членами. На первых охотах, когда заяц еще не пуган, это особенно не отражалось на результатах, но далее, когда настеганные зверьки поднимаются за выстрелом, такой малой бригадой ничего не добудешь и люди, ища выход из положения, растягиваются на 150—200 м друг от друга. В связи с этим много зайцев уходит сквозь цепь и, что самое

неприятное, начинается стрельба на огромных расстояниях, появляется много подранков.

Учитывая тот факт, что отстрел зайцев строго нормирован, было бы со всех сторон оправданно разрешить бригады численностью в 11—15 человек, тем более, что на миру случаев мелкого браконьерства, безусловно, было бы меньше.

Даже большая бригада не гарантирует успех охоты. Многое зависит от ведущего, который должен учитывать конкретную погоду, направление ветра и агрокарту местности. Утром, когда нет гонного зверя, необходимо начать охоту с надежного места, поэтому перед началом следует определить, где сегодня залег зайца.

Чаще всего русак ложится на пашне. А на озимке — часто, но не всегда, особенно он избегает ее и другие травы при дожде или в росу. В связи с чем опытные охотники перед развер-

тыванием бригады входят в посев и, если сапоги становятся мокрыми, то никогда не начнут с него, ибо в редчайших случаях русак ляжет среди густой мокрой растительности. При современных огромных посевных площадях потерянные утром два-три часа могут заметно сказаться на результатах коллектива.

Кроме пашни заяц любит виноградники, колхозные сады, широкие лесополосы и лески; однако в последних охота, как правило, запрещена.

Большой виноградник выгоднее брать поперек рядков по дорогам, проложенным для удобства обработки и сбора урожая. При этом бригада выстраивается с малым изгибом внутрь, стрелки идут медленно, постукивая палочкой по проволоке, натянутой между столбами. Заяц, как правило, уходит вдоль рядков и натывается на соседей. Если брать виноградник вдоль шпалер, то заяц может уйти из под-

ковы, а с подъема — укрыться в соседнем рядке.

В неубранной кукурузе идут с несколько большим изгибом, чем в винограднике, густой цепью. Идут неспеша, с частыми остановками, во время которых надо прислушиваться и определять, где шуршит зверь. Кстати, заяц тоже останавливается и определяет, где шуршат сухими листьями идущие без остановки охотники — и уходит от них. Здесь приходится стрелять на коротке, поэтому желательно сменить патроны на рассыпные.

Однажды я «тянул» самый неблагоприятный, наветренный фланг большой бригады. Подходя к винограднику, бригада соответственно перестроилась в надежде на богатую добычу, но зайцев в нем не оказалось, хотя на предыдущей охоте здесь вспугнули полтора десятка зверьков. Тогда я поднялся метров на 200 на косогор, и одного за другим вспугнул пять русаков. Три из них вышли по ветру на левый фланг и были взяты.

При выборе маршрута бригады необходимо учитывать еще одну особенность зверей: они предпочитают уходить от преследования по ветру. Таким образом, наихудший путь бригады — по ветру, а наилучший — против ветра. В последнем случае чаще бьют зайца с подъема. Ну, а если нет другого пути, как поперек ветра, то сперва надо избрать направление, а потом бросить жребий, что избавит от споров с хитрецами и от переигрываний конечного пункта. Может быть достигнут и такой компромисс: полдня бригада идет в одном направлении, потом возвращается параллельным курсом, так что оба фланга окажутся по полдня на подветренной стороне.

Как идти в бригаде? Быстро или медленно, прямо или зигзагом? Оказывается, от этого во многом зависит результативность. Сразу после Великой Отечественной войны зайцев было так много, что специальные бригады убивали за неделю по 50—100 штук на каждого. Уже через год число зверьков заметно поубавилось, но все же в день мне приходилось стрелять не менее чем по десятку русаков. Однако были «небезунчики», которые и при таком обилии дичи стреляли в день по одному-двам зайцам.

Я начал присматриваться к бравому капитану запаса Ивану Задорожному и вскоре подружился с ним, несмотря на большую разницу лет. Он отличался остротой ума, наблюдательностью, армейской выправкой, ходил в бригаде честно, одевался в военный китель или телогрейку и обязательно надевал офицерскую фуражку. Да и стрелок он был отменный. Когда у других было по одному-три зайца, на нем болталось до десятка и, несмотря на ношу, он был прям, словно аршин проглотил, и оставался предельно внимательным.

Шел он зигзагом, с переменной скоростью и кратковременными остановками, после которых начинал дви-

2. Русак часто залегает в лесополосе, около пашни.

жение с легким порсканьем. Чаще всего после этого вскакивал заяц. Голова капитана постоянно вращалась, как локатор, русаки редко уходили незамеченными.

Неудачник же обычно плелся в цепи с кислым видом, уставившись под ноги и, вполне естественно, зайцы его пропускали и выскакивали перед идущими сзади счастливыми.

Как же стрелять набегающего зайца? Некоторые стреляют лежа на животе, но такой выстрел может быть результативным лишь в чисто «лобовом» варианте, при боковом же не будет поводки, потребуются огромные упреждения, которые рассчитывать трудно. Лучше подхватиться под колено, еще лучше — на ноги. Издали видно, как при этом поддает заяц, и, казалось бы, он уже вдалеке, но катится после удачного попадания.

Место для охоты в одиночку, с подхода лучше присмотреть заранее. Следует убедиться, что на поле зайцы сегодня есть. Для этого необходимо осмотреть окаймляющую дорогу, поскольку русак за ночь воспользуется ей неоднократно, и таким образом распишется на пыли или грязи в своем присутствии. Естественно, что чем больше следов, тем больше шансов. Особенно многообещающе поля, вдоль которых утрамбованы настоящие тропы. На пашне заяц редко ложится возле дороги; прежде чем выкопать лежку, оставит следы в бороздах или на неспаханых огрехах. Контролируя следы, можно в 100—200 м от дороги начинать движение против ветра челноком с остановками и порсканьем. При этом необходимо быть постоянно начеку и стараться почаще осматриваться на все 360° потому, что как только охотник покажет затылок, заяц подхватывается, и пока повернется не успеет в очередной раз — косой уже вне выстрела!

Необходимо четко различать продолговатые следы задних и передних лап зайца от округлых следов хищников. Начиная этот ликбез лучше пройти по снегу, при полной, четкой картине. Особенно надо быть внимательным на заросших участках. На них поднятый заяц как бы присаживается, прижимает уши и на полусогнутых старается уйти незамеченным.

К концу сезона большая часть уцелевших зайцев становится до того обученной, что бегают, заведя цепи охотников, с поля на поле, но во второй половине дня это им надоедает: одни просто сидят по буграм, другие прячутся в овражках, в больших садах, по виноградникам, в лесках, широких лесополосах. На эти ремизы и следует обращать внимание.

Правда, в колхозном саду одиночке делать нечего: как показало тропление по снегу, гонный заяц ходит кругами и не подпускает близко. Но в винограднике есть надежда. Однажды к вечеру мы с товарищем подошли к небольшому винограднику. Двигаясь по наветренной дороге, мы нашли следы двух

Наиболее распространена на юге страны групповая охота на русака.

гонных зайцев и с помощью бинокля обнаружили их, осматривая каждое подозрительное пятно. Идти напрямую к бодрствующим зверькам или делать загон было бессмысленно: неизвестно, куда они побегут, да к тому времени уже вечерело. Поступили мы нетрадиционно: тщательно заметили место, где находился ближайший заяц, зашли сбоку, отсчитали нужное число поперечных дорог и по определенной дороге начали скрадывать его, хоронясь за шпалерами виноградной лозы. На одном из рядков озирающийся столбиком заяц оказался буквально рядом и был чисто взят. Через полчаса точно так же был добыт второй.

Для охоты на зайца желательно иметь резкое и кучное ружье. Однако на первых охотах и в зарослях зачастую приходится стрелять накоротке. Из положения можно выйти путем разного снаряжения патронов. Мне приходилось убивать зайцев всеми номерами дробь — от бекасинника и до картечи, но рациональнее использовать достаточно крупные номера. Одно время использовал для первого выстрела дробь № 3 (3,5 мм), затем № 2 (3,75), далее № 1 (4,0 мм). В настоящее время, учитывая, что дробь диаметром 4,25 мм (№ 0) является согласованной для миллиметрового чока, я перешел именно на этот номер. Нулевка к тому же является ходовой

по лисице, так что применение ее как универсальной на зимней охоте оправдано во всех случаях. В моем полуавтомате обычно 1—2 патрона рассыпные, остальные стандартные (кучные и особо кучные).

Крепок ли заяц на рану? Исходя из наблюдений, можно сказать утвердительно — да! Поэтому, если казалось, что зверь промазан, то все равно за ним необходимо наблюдать, лучше в бинокль, пока он не скроется из вида. У меня было много случаев, когда заяц, пробежав до километра, падал замертво, и было немало досадных эпизодов, когда мою добычу без выстрела подбирала другая, а я возвращался пустым.

На первых охотах в степях пришлось отдулеться по зайцу, но он, не сбавляя хода, неся из котла. Мой сосед по флангу закричал: «Иди, бери зайца!», что я принял за издевку. Тогда сосед вновь закричал: «Смотри, смотри!». Я повернулся и увидел, что огромный русачина, пробежав метров 150, подпрыгнул вверх и застыл на земле. На привале я спросил соседа, как он узнал, что я попал. Он ответил, что после первого выстрела фонтанчики пыли вздыбились вокруг зверя, а он при этом поежился и пошевелил ушами. Каково было мое удивление, когда оказалось, что сердце этого русака было пробито навилет тремя дробина-

м № 1, не считая нескольких попаданий по грудице.

Было и такое. В небольшом болотце вблизи села Климича, что в Смоленской области, я заметил следы, а затем и сдвойку. Заяц по такой погоде подпустил сносно. Стрелять его пришлось особо кучным патроном (№ 0) в чистый угон. От множественных попаданий зверек буквально взорвался массой пуха, но еще пытался ползти вперед. «Сильно разбил», — решил я. Поставил полуавтомат на предохранитель и повесил на плечо, а заяц полз все быстрее и быстрее... Я, как на грех, застрел в пухлом снегу болота, а заяц в это время добрался уже до наста и закопываясь, оставляя на нем лишь капли крови; вскоре и они исчезли. Взялся я за ружье, да поздно... С большим трудом, лишь на следующий день, с помощью собак удалось найти и взять подранка. В нем было не менее 40 дробин, уши — решето, правая ягодица — месиво, а кость целая, и не возьми я его, видимо, этот заяц выжил бы; ночью он кормился в заросшем ручье, да и бегал на следующий день резво! Из приведенного следует, что к битому зайцу надо подходить быстро и быть все время наготове.

Часто заяц, стрелянный двумя охотниками, пробегает изрядно и падает. Оба несутся, что есть духа, к нему и порой начинается словесная перепалка и даже драка, в запале угрожают друг другу ружьями. При этом особенно настаивает тот, кто стрелял ближе (или совсем рядом), что, кстати, скорее свидетельствует наоборот, не в его пользу, ведь очень сложно накоротке поразить цель одной-двумя дробинами.

Так чей же заяц? По Бутурлину — того, кто остановил, но кто же здесь счастливчик? В этом случае надо спокойно, без эмоций, осмотреть бока зверя. Дело в том, что дробь чрезвычайно редко пробивает зверька насквозь, обычно она застревает в тушке или с противоположной стороны под кожей, а на месте входного отверстия образуется кровоподтек. С чьей стороны пятно — того и заяц. Однако не исключается вариант, когда попали оба, тогда решает попадание по убойному месту. Всё это исключения, а в целом Бутурлин прав: кто остановил, того и зверь.

Стати, о спорах. К хорошему они не приводят. Один неудачник всю охоту безосновательно оспаривал добычу у соседа. Вечером на вокзале он, наконец, довел несчастного до ручки, парень с надрывным «подавись» вытряхнул из рюкзака косога прямо на пол, но не успел он прореветь и малой толики того, что он по этому поводу думает, как контуженный зверек, неожиданно получивший свободу, присел, отряхнулся, запрыгал среди скамеек под вопли женщин и запорожский хохот охотников, попал в дверь — и был таков!

При охоте малой компанией или в одиночку очень полезна вежливая собака любой породы: прежде всего

она добирала подранка, но что немаловажно — заяц боится ее, таится и чаще подпускает на выстрел. Нередко собака находит косога по ночнику и подает на выстрел. Мне неоднократно приходилось стрелять не только зайцев, но и лисиц из-под стойки красного сеттера, а мой знакомый несколько сезонов подряд успешно охотился с сукой этой породы в малой бригаде.

В последнее время мы предпочитаем брать с собой гладкошерстного фокс-терьера. В результате потеря подранков по чернотропу стала большой редкостью. Кроме того, случается в поле наткнуться на лисью нору, и фоксику представляется возможность поработать по профилю.

Как же быть с подранками, когда они уходят за цепь бригады? Если заяц крепко бит и позволяет здоровье, то его надо догнать. В противном случае ничего не напишешь: стреляй лучше и навяняка.

Зайца с перебитой лапой по снегу добрать не составляет труда: иди через час, и он подпустит близко. Если же иди сразу, то горяча зверек будет бегать целый день.

Интересно, что иногда тяжелораненый заяц уходит в лисью нору, если такая окажется рядом. Меня всегда удивляла фатальная тяга зайцев к норам хищников. В незнакомых местах даже пользовался услугами косых при разыскивании нор. По снегу видно, как потихоньку приближался к норе заяц. Видимо, страшно, а тянет — и он оказывался у темного зияющего отверстия. Надо думать, немного приглядевшись, принохавшись, зверек не выдерживал — и огромными прыжками мчался прочь.

Надо помнить, что здоровый заяц исключительно проворен, с лежки он, как правило, поднимается рывком, и в считанные мгновения уходит в безопасную зону. Поэтому по чернотропу от охотника требуется постоянное внимание и достаточная сноровка, в связи с чем надо укоротить приклад (снять из-под амортизатора летние прокладки) и привести ружье в соответствие с зимней одеждой, которая должна быть на ходовой охоте удобной, легкой, достаточно теплой и не диссонировать с окружающим фоном. Однако особенно изощряться в маскировке не стоит, ничего хорошего это не сулит, особенно там, где много охотников. Пытаясь обмануть косых, один известный стрелок прикрепил себе на шапку чучело головы зайца и вскоре, когда шел по ложбинке, был обстрелян местным жителем.

В заключение необходимо еще раз остановиться на технике безопасности. Так где же стрелять зайца в бригаде — в котле или выпустить за цепь? Если принимать только технику безопасности, то лучше за цепью, ибо второй выстрел нередко приходится не только по зайцу, но и по товарищу. С другой стороны, если подранок, то он мог бы быть добыт соседом или повернут в котел.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Мартин К. В. **Бой ружей дробью:** Справочное пособие начинающему охотнику. — Уфа: Башк. изд-во, 1991. — 14000 экз. 144 с. 2 р.

Иллюстрированный справочник содержит обширную информацию о правилах пользования дробовым ружьем, методике стрельбы дробью, подготовке боеприпасов для охоты.

В связи с тем, что брошюра предназначена для молодого охотника, материал в ней дан несколько необычным образом. Все особенности боя дробовых ружей рассматриваются шаг за шагом в той последовательности, в которой начинающему охотнику придется столкнуться с ними на практике (это обеспечит параллельное и одновременное усвоение практических и теоретических положений по каждому вопросу).

В то же время брошюра служит кратким справочником, поэтому снабжена алфавитным указателем всех встречающихся терминов и понятий.

Скребицкий Г. А. **Лесные перелесенцы:** Рассказы о животных. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 200 000 экз. 224 с., ил. 1 р. 10 к.

Имя Георгия Алексеевича Скребицкого, ученого-биолога и писателя, давно заслужило любовь взрослых и юных читателей. В настоящей книге собраны рассказы и сказки разных лет, посвященные становлению ученого-биолога, жизни зверей и птиц, которые окружали автора всю жизнь, как в домашних условиях, так и на свободе. Книга учит беречь и любить живую природу Родины.

Экология животных лесной зоны: Межвузовский сб. науч. трудов. — М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1990. — 500 экз. 128 с. 1 р. 35 к.

Сборник посвящен изучению животных наиболее преобладающего типа ландшафтов страны — лесов, а также изучению влияния на них антропогенных факторов. В серии статей представлены оригинальные материалы по экологии массовых и редких позвоночных и беспозвоночных видов животных. Особое внимание уделяется путям управления комплексами животных, вопросам их целенаправленного регулирования.

Заявки можно направлять по адресу: 107846, Москва, ул. Радио, д. 10-а, МОПИ им. Н. К. Крупской, кафедра зоологии.

Фауна мира: Птицы. Справочник. — М.: Агропромиздат, 1991. — 50 000 экз. 311 с., ил. 35 р.

Справочник дает описание основных представителей современной фауны птиц. Приведены данные по их морфологии, биологии, экологии, географическому распространению. Особое внимание уделено хозяйственно ценным, промысловым видам птиц, нуждающимся в охране, а также занесенным в Красные книги СССР и МСОП. Издание богато иллюстрировано цветными фотографиями.

спросил, не хочешь ли он. В ответ англичанин прокричал не по-мауглиски, а, скорее, по нашему: «Не пропустить ли нам по рюмочке по этому поводу?!»

Мы говорили о ружьях, различных охотах и, конечно, о собаках. По тому, как просветлело лицо дипломата, я понял, что тем для беседы у нас теперь с избытком. Англичанин размахивал руками и с красным лицом рассказывал об охоте на фазанов. Британский посол уже несколько раз недовольно бросал в нашу сторону тревожные взгляды. Но остановить Мак-Клина было невозможно. Мне удалось лишь отвести его в угол, чтобы скрыть от возможных неприятностей.

Он, как и я в то время, увлекался спаниелями и держал двух уэльских спрингеров. Говорили мы в основном о манере работы спаниеля в зарослях по вальдшнепу — моя излюбленная охота. Потом я перешел на описание нашего русского охотничьего спаниеля, породы совершенно неизвестной в Англии и многих европейских странах. Я показал фото своей Джинны и мы принялись выискивать в ее статьях чер-

БОЙКИН СПАНИЕЛЬ

О. МАЛОВ,
эксперт по спаниелям и легавым

Мне хочется рассказать охотникам о совершенно неизвестной у нас, да и в Европе породе спаниелей. Причем эта порода на родине славится исключительно высокими охотничьими качествами. О существовании породы я узнал совершенно случайно, при нескольких необычных и забавных обстоятельствах.

На протяжении многих лет я замечал, как принадлежность к невидимой, многонациональной, бескастовой «ложе» братства охотников выручала в самых сложных ситуациях, помогала сломить холод отчуждения и открывала запоры самых, казалось бы, «запечатанных» человеческих душ. Как Маугли, попавшему в стан врагов, было достаточно для спасения крикнуть: «Мы с тобой одной крови!» — так и человеку, оказавшемуся в трудном положении, для обретения спасительной поддержки иногда достаточно поведать о своем пристрастии к ружью и собаке.

Находясь в заграникомандировке, я попал на прием в Британское посольство. Обстановка там царила самая торжественная и чопорная. Черные костюмы, бабочки и дипломатический официоз наполняли зал с избытком. Атмосфера английской холодной кичливости побуждала к единственному желанию улизнуть как можно скорее, естественно, выдержав время в рамках принятого приличия. К тому же, для меня это был первый прием такого уровня, и я совсем не знал, куда деть себя и свои руки.

В толпе приглашенных я оказался тесненным к длинному англичанину, надменно-чопорному и холодно-неприступному с виду. Поскольку я наступил ему на ногу, пришлось представиться друг другу. Его звали Мак-Клин. Беседа с британским дипломатом совсем не клеилась, и после обмена мнениями о видах на погоду постепенно затухла. Так как о погоде нельзя было говорить очень долго, паузы все затягивались. Вот тут я заметил на роскошном, «клубном» галстуке своего собеседника маленькие ружья, вплетенные в хитроумный орнамент. Естественно,

ты, похожие на уэльцев. Короче, мы, как сказал бы один мой знакомый, «сцепились языками», ничего не замечая вокруг, — реакция совсем нормальная в охотничьей среде.

Раскрасневшийся дипломат, загадочно улыбнувшись и горя глазами, заявил, что может удивить и меня. Он спросил, известно ли мне что-либо о бойкин спаниеле. Наша беседа вошла в новую фазу. Для меня это была неслыханная новость. Сначала я подумал, что британец имеет в виду какую-то старинную породу, но называет ее по-своему. Однако ошибся. Мак-Клин объяснил, что

Второй слева — Л. В. Вит Бойкин, натасчик и охотник, который создал породу.

(Старинное фото)

речь идет об американской относительно новой породе. Сам он собак этих никогда не видел, а только о них слышал, но готов познакомить меня с человеком, знающим породу лучше.

Англичанин взял меня за руку и, пробиваясь через толпу, повел к человеку небольшого роста, со светлыми глазами и хемингуэйевской бородой. Он поспешно оттащил бородача в сторону, довольно бесцеремонно. Новым лицом оказался атташе американского посольства. Меня англичанин представил скороговоркой: «Это Олег, он русский». При этом глаза американца ожгли меня холодной непроницаемостью — было время противостояния. Но эту, первую часть предложения Мак-Клин произнес с интонацией, в которой можно было прочесть: «Не обращай внимания, это его беда», — и добавил с жаром, — он охотник и, как и мы с тобой, чокнулся на спаниелях, но ничего не знает о бойкинах». Я взглянул на американца. Тот как-то протяжно вздохнул, заулыбался зубастой голливудской улыбкой и в бесцеремонном приветствии здорово двинул меня по плечу. Я облегченно вздохнул, а в ушах продолжал звучать: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Ох уж этот Маугли... Не сговариваясь, тут же решили еще раз отметить знакомство и сразу перешли на «ты».

От американского атташе я узнал о породе бойкин спаниель. Как и наш русский охотничий спаниель, она пока не признана международными кинологическими организациями, хотя и ведется в чистоте, имеет почитателей и даже свою ассоциацию любителей. Бойкин спаниель очень популярен на юге США. Но, к сожалению, кроме того, что я узнал на приеме, другой информации о породе получить в продолжение длительного времени никак не удавалось. Порода меня очень заинтересовала. Очень уж хотелось узнать побольше о загадочном и таинственном спаниеле. По этой причине, куда бы я не попадал потом, я старался что-нибудь разузнать об этой породе. И всегда уже известный прием Маугли помогал «без осечек», а досье на бойкин спаниеля пополнялось и толстело. Так что же за собака — бойкин спаниель, и почему так странно называется?

Если спросить об этом американского охотника где-нибудь в Северной или Южной Каролине, Джорджии или на севере Флориды, он обязательно, сдвинув на затылок шляпу, возгорженно и любовно скажет: «Это — чертова bestia, которая лучше всех таскает уток!» Именно в этих штатах больше всего известна порода и чаще всего применяется на охоте. Правда, в последнее время охотничьи качества спаниеля заставляют охотников использовать его все шире на территории США, а слава его врожденных задатков способствует росту популярности.

Помимо выдающихся способностей апортировать различную дичь, бойкинов отличает исключительное послуша-

ние, уравновешенная нервная система, сочетающаяся с охотничьим азартом, и склонность к дрессуре. Все эти качества как нигде пришлось по вкусу охотникам юга. Здесь утиные охоты ведутся, как правило, с каноэ. Лодки эти очень верткие и маневренные, что требует от собаки абсолютного послушания и спокойствия. Именно такими собаками и оказались бойкин спаниели. К тому же порода — компактная и удобная в быту и при транспортировке. Небольших собачек стали использовать также на охотах по голубям и на дикую индейку. В последнем случае собачки иногда выполняют роль загонщиков. Однако главное предназначение породы — охота на уток. Правда, апортировать больших и тяжелых канадских казарок маленьким бойкинам бывает все же тяжело.

О происхождении породы ходит много самых различных, подчас фантастических, легенд, рассказов и историй. Одна из них гласит, что неизвестного происхождения собачка попала к одному местному опытному охотнику на уток. Он решил пристроить ее к делу и стал тренировать на отработку апортирования. Задатки собаки просто ошеломили охотника, собака была способна принести любую вещь из самых, казалось бы, недоступных мест. Много раз на спор он посылал свою собаку отыскивать даже монетку, заброшенную в непролазную чащу.

Однажды охотник поспорил, что собака принесет из зарослей серебряный доллар. Помогавший охотнику мальчишка должен был спрятать доллар. Однако проказник решил вместо того, чтобы запрятать монету, положить ее в карман. В поиск была пущена легендарная собака, которая вернулась ни с чем. Хозяин, удивленный этим, опять послал в поиск. Тогда собака бросилась в толпу и приволокла мальчишку-воров. С тех пор якобы и стали называть собак данной породы бойкин, так как на английском «мальчик» звучит как «бой».

Очень любопытная легенда, забавная и живучая. Много раз я слышал именно этот вариант о происхождении породы, но как-то трудно было поверить в его правдивость. Я продолжал поиски, пока не докопался до истины, которая практически ничего общего с уже известной вам историей не имела.

Путь породы начался в Южной Каролине в городе Спартанберг, когда в местную церковь забежала маленькая и жалкая собачонка. Произошло это в далеком 1900 году. Щенок выглядел довольно потрепанным и явно потерянному. Он жался к каждому встречному, ища сочувствия и сострадания. И нашел их в лице Александра Л. Уайта. Щенок подрастал, превращаясь в симпатичную собачку, и при этом проявляя незаурядные охотничьи задатки. Именно из-за этих охотничьих способностей А. Л. Уайт отправил собаку по железной дороге своему компаньону по охоте Л. В. Виту Бойкину.

Вит был опытным натасчиком и охотником. Он очень много времени уделял подготовке собаки и охоте с ней. В итоге из найденныша вышла отличная, дельная охотничья собака, с которой больше всего охотились по дикой индейке и на уток. По многим свидетельствам этот пес был кобелем и носил кличку Дампи. До настоящего времени так и не известно, к какой породе принадлежал Дампи. Одни говорят, что к кокерам, другие — к филд спаниелю. Известно только, что собака была темно-коричневого цвета и четко передавала этот признак потомству. И сейчас все бойкины обязательно темно-коричневого цвета, что является устойчивым признаком породы.

За 15 лет целенаправленной племенной работы Вит Бойкин сумел создать локальную породу в местечке Кемден. В продолжение этого времени собаки Бойкина принимали крови различных охотничьих собак. Доподлинно известно, что к собакам Бойкина подливались крови английского фильд спаниеля, американского водяного спа-

ниеля, кокера и чейзрикбей ретривера. Тем не менее, современные бойкин спаниели довольно стабильно передают свои характерные охотничьи качества и породные признаки. С 1920 г. Бойкин искусно применял для ведения породы инбридинг и кроссы.

Современный бойкин спаниель — собака, вес которой достигает 38—40 фунтов (до 16 кг) и рост 15—18 дюймов (до 45 см). По виду это типичный спаниель с немного простоватой, широкой головой и не столь длинными ушами, как у кокера. Окрас темно-коричневого цвета, с красноватым оттенком при солнечном освещении. На груди допустима белая «звездочка». Тело немного растянуто, крепкое и мускулистое, с широкой, хорошо развитой грудью. Хвост купируется. Шерсть волнистая. Собаки очень любят воду и имеют врожденную способность к апортированию.

Порода бойкин спаниель со временем стала достопримечательностью штата Южная Каролина.

Порода стала столь популярна, что в 1977 г. была организована Ассоциация любителей бойкин спаниеля. «Эту породу мы с гордостью можем называть нашим американским филд спаниелем», — любит повторять с гордостью президент Ассоциации Питер Б. Мак-Кой, ветеринар из г. Кемдена, родины первого бойкина. В 1980 г. ассоциация насчитывала 500 членов из 23 штатов. Предполагательно, в настоящее время в США держат более 1000 бойкин спаниелей.

Характерно, что заводчики бойкина ставят своей задачей дальнейшее расширение этой собаки. Особое внимание уделяется сохранению выдающихся охотничьих качеств молодой породы. По этой причине они стараются отдавать собак только в охотничьи руки, избегая случайных и далеких от охоты людей. Владельцы бойкинов подтверждают, что охотничьи задатки и пристрастия собаки преобладают над всеми другими. Без охоты собаки чахнут и теряют свой веселый и задорный нрав. Многие в этой породе напоминают судьбу нашего русского спаниеля. Хотелось бы надеяться, что со временем обе породы получат международное признание.

В 1988 г. вышла очень хорошая и полезная книга Джоан Палмер в русском издании «Ваша собака». Знакомит она и со многими ранее неизвестными нам породами собак. К сожалению, в книге встречаются ошибки и неточности. Так, в ней бойкин спаниелем названа совсем другая порода — американский водяной спаниель. Для тех, кто захочет по данной породе посоветоваться с книгой, сообщаю, что на соответствующей иллюстрации изображен типичный американский водяной спаниель, ничего не имеющий общего с бойкином. Бойкин спаниель — порода совершенно другая, их путать не следует, тем более, что они отличаются и экстерьером.

ЛАЙКА НЕ РАБОТАЕТ! КТО ВИНОВАТ?

**А. АРАПОВ,
ОХОТНИК**

Многие желают приобрести щенка лайки и вырастить из него хорошую собаку. Но что-то не срабатывает в этом стремлении тысяч охотников. Получить щенка лайки, несмотря на многолетние очереди, все же удается большинству желающих, а вот хороших собак выращивают единицы. Существует житейская присказка «хорошего помаленьку». Если следовать ей, то не стоит и беспокоиться, все идет своим чередом, но согласиться с тем, что множество собак так и не проявят всех качеств, присущих этой замечательной породе, никак нельзя. В чем корень зла, как изменить положение в лучшую сторону? Попробуем разобраться.

Лайка по своей сути — порода таежная и первое, что настораживает, особенно в последнее время, — ухудшение качества собак в таежных районах. Здесь находятся корни породы. Но как тревожный сигнал звучат письма из далеких поселков с просьбой помочь приобрести щенка лайки. Пришло такое письмо и мне от товарища, живущего на севере Свердловской области: «К сожалению, в этом сезоне мне пришлось охотиться без собак — обе мои лайки погибли. Очень прошу помочь достать щенка», — пишет он. Я знал этих собак. Две крупные лайки полуплеменного происхождения, правдами и неправдами добытые у охотников-манси, не блистали экстерьером, но обладали достоинством, наиболее ценным у таежников — они были рабочими собаками. Потеряв таких собак, охотник ищет равноценную замену.

Где достать хорошего щенка охотнику, живущему в таежном районе? Казалось бы, чего проще: сходи к соседу или товарищу — и будешь со щенком. Ан, нет! Собак много, а хороших среди них по пальцам одной руки можно сосчитать, а щенка от них по самым разным причинам не получишь, и не жди. В чем дело? Что произошло в лаечной вотчине? Ведь несколько лет

назад лаек вывозили из промысловых районов, а справка об этом заменяла список многочисленных предков в родословной и являлась своеобразным знаком качества собаки. Куда подевались красавцы, бегающие по улицам северных поселков — бери любого в тайгу, с дичью будешь. Куда, наконец, исчезают щенки, завозимые из кинологических центров? Почему таежники зачастую с недоверием относятся к «городским» собакам?

Чаще всего современный житель таежного поселка занимается охотой в свободное время. Охота из основного занятия стала побочным промыслом, развлечением, то есть ушла на второй-третий план. В связи с этим изменилось и положение собаки. Раньше она была кормилицей, а сейчас становится лишь чем-то привычным и традиционным — дом без собаки не дом. Вместе с изменением уклада таежной жизни были утеряны, что называется, народные традиции собаководства. Суки вяжутся зачастую в первую же пустовку. О правильном кормлении щенков хозяева понятия не имеют. Чаще всего их кормят, в лучшем случае, два-три раза, но до отвала. Состав корма тоже скорее подходит для откорма свиньи, а не хищника, каковым является собака.

Часто хорошие собаки являются предметом лютой зависти: их могут отравить, застрелить, задушить машиной, украсть. Многократно говорилось уже о пагубности вольного содержания собак в северных поселках. Но раньше, когда состав поголовья был довольно однородным по экстерьерным и рабочим качествам, такое положение дел на собаках сказывалось незначительно. Появление в этих поселках в последнее время собак других пород замедлило сказаться и на местных лайках, возникают самые невообразимые помеси. Наряду с этим не оказывается элементарная ветеринарная помощь, не делаются прививки, вслед-

ствие чего чума и другие болезни снижают численность собак в поселках в несколько раз. Выживают же при этом чаще всего беспородные собаки.

Существование такого положения в течение последних десятилетий сделало свое черное дело. Все реже в родословных современных собак можно встретить запись о происхождении от аборигенных собак промыслового района. Все чаще в Свердловск и другие крупные города приезжают таежники за щенками. Но и здесь их зачастую ждет разочарование: щенки, полученные из «очереди», в лучшем случае являются средними по качеству. Щенки от выдающихся производителей редко попадают в таежную глухомань, так как это невыгодно и обществу охотников, и владельцам производителей, ведь такой щенок в дальнейшем вряд ли будет использован в племенной работе или выставлен на выводки и полевые испытания, то есть не будет участвовать в обычной для любой городской собаки жизни.

Но даже если приобретен щенок, что ждет его впереди? Чаще всего возможны две крайности — или он живет вольно в течение всего года, или будет посажен на цепь в трехмесячном возрасте. Оба эти варианта губительны как для здоровья собаки, так и для ее рабочих качеств.

Многие таежники, потеряв старую лайку (или как они говорят — «сбившись с собак»), в течение долгих лет не могут вырастить достойную замену, меняя 2—3 щенка, пока их искания не увенчаются успехом. Многочисленным свидетелям, а также мешают предрассудки. Например, попав в лес после десяти месяцев сидения взаперти или бесцельного бегания по уличным помойкам и не посадив взлетевшего из-под носа глухаря, щенок рискует пополнить список «никчемных и бестолковых городских собак» и превратиться в теплые шубенки, став жертвой заблуждения: лайку не надо нахаживать, она должна показать себя сразу на охоте. Причем проявления рабочих качеств могут требовать с первого раза с одинаковой настойчивостью у пятимесячного щенка и у двухгодичного переростка.

Иной таежник возразит, а чего ее натаскивать, она и так круглый год в лесу? Даже если выбран этот вариант воспитания, он не самый лучший. Собака, привыкшая находиться в лесу одна, становится вольным охотником, и зачастую маршрут охотника с такой собакой определяется его четвероногим «помощником». Хозяин собьется с ног, бегая по лесу и проверяя каждую полайку, среди которых лишь одна-две будут по охотничьей дичи. Конечно, проявления этих крайностей не являются закономерными, но все же...

Возьмем проблему другого порядка. Если в таежной зоне есть естественные благоприятные условия для вы-

ращивания и нахаживания лаек, то в промышленных районах таких условий нет или почти нет. Крупные города, обширные сельскохозяйственные угодья, поселки не оставляют подходящего места для истинно «лаечной» дичи: боровой птицы, белки и других пушных зверей. Охотнику, для того чтобы вырастить хорошую собаку, приходится многим жертвовать — посещать отдаленные угодья, где еще сохранилась лесная дичь, или уезжать на отпуск в тайгу.

Возможность работы лайки по утке я здесь не учитываю, хотя ничего против таковой не имею. Но все же название породы говорит само за себя. Лайка должна облаивать, в этом основное преимущество породы. (Использование лайки только для охоты на уток я считаю нерациональным, так как есть породы, более приспособленные для этого.) Если же собака работает и в лесу, и на водоеме, что позволяет использовать еще одно качество лаек — универсальность, то это можно только приветствовать.

Итак, житель города или поселка приобретает щенка лайки. Каковы перспективы развития собаки в этих условиях? Естественно, и здесь не исключены ошибки субъективного характера при выращивании. Но даже если щенком часто бывают в лесу, что в общем-то довольно сложно осуществить вследствие запрещения пребывания в лесу с собакой по тем или иным причинам в течение длительного периода, это мало что дает в плане нахаживания. Лес пуст. Нет глухаря, тетерева, белка есть, но исчезает надолго. И если хозяин не предпримет прямо-таки героических усилий, то рискует загубить собаку, так как собака, не залазаящая на белку в 8—12 месяцев, в 2 года может уже не обращаться на нее никакого внимания или внимание это будет выражаться не должным образом.

Чаще всего хозяин не представляет, на что способна собака, выросшая в описанных условиях. Он с восторгом начинает расхваливать ее рабочие качества, хотя в активе у нее 2—3 облаивания белки; говорит, что она работает по утке, хотя брал ее на ходовую утиную охоту всего несколько раз, так как чаще охотится в скрадке с чучелами. В общем, он доволен своим питомцем, так как не представляет, как лайка должна правильно работать по белке или боровой дичи. Такая собака выполняет многие функции — сторожит дом, участвует в выставках собак и тому подобное, но, к сожалению, не проявляет она своих способностей охотничьей лайки и является таковой лишь по экстерьеру.

Возникает вопрос: что необходимо, чтобы вырастить хорошую рабочую собаку? Первое: охотник должен иметь желание охотиться на «лаечную» дичь (белка, глухарь, отчасти тетерев, как дополнение — утка, при возмож-

ности — лось, другие копытные и пушные звери). Второе — охотник должен жить в местности, где водится эта дичь, или должен иметь возможность выезжать в такие угодья минимум на 2—3 недели в году. Третье — охотник должен обладать определенной суммой знаний по выращиванию щенка, то есть читать книги по этому вопросу, советоваться с опытными собаководами. Четвертое — нужно знать, как нахаживать лайку. Пятое — щенок должен иметь от природы хороший слух, обоняние, зрение. Чаще всего этими свойствами обладают щенки от дипломированных родителей, особенно с дипломами высоких степеней, или от действительно хорошо работающих собак.

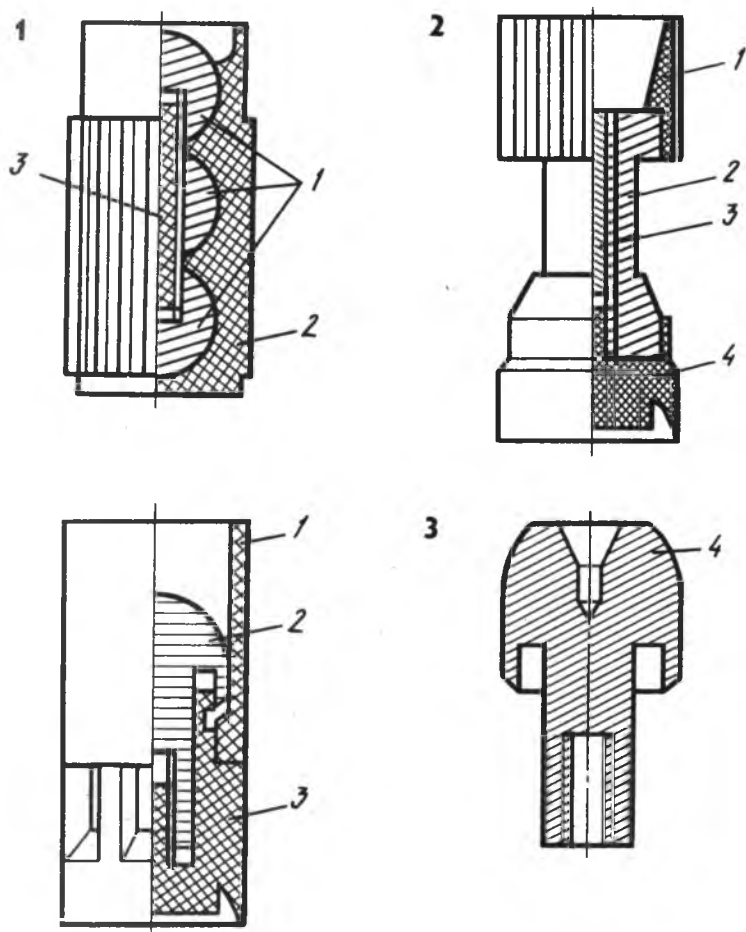
Эти пять пунктов могут быть своеобразным испытательным тестом для желающих приобрести лайку. Если выполнены все пункты — есть гарантия, что охотник вырастит рабочую собаку. Если не выполнены первый и второй — нужно приобретать собаку другой породы. Если нет определенной суммы знаний (третий и четвертый пункты), собаку не вырастить. И, наконец, способности и рабочие качества зависят от наследственных данных. Важно отметить, что собаки, имеющие в одинаково высокой степени развитые органы чувств, также редки, как истинно талантливые люди, однако следует подчеркнуть — с собакой даже посредственных способностей можно с успехом заниматься любительской охотой, при условии выполнения требований первых четырех пунктов теста.

Требования, казалось бы, не сложные, но от их выполнения зависит успех выращивания лайки. В результате игнорирования этих требований мы имеем непростительно много нерабочих собак не только в городских условиях, но даже в таежных районах, где зародилась порода. Другими словами, лайка не работает, когда вырастает в неумелых руках и используется в неподходящих для нее охотничьих угодьях. Естественно, не стоит рисковать, приобретая щенка неведомо у кого, ничего путного из этого не выйдет.

Пожалуй, сложившееся положение характерно только для лайки. Ведь никто не станет держать гончую, не гонящую зайцев, а лайка, не выдавшая дичи, может быть предметом гордости хозяина или объектом наживы недобросовестного заводчика. По-видимому, здесь сказывается эстетическая притягательность породы и дефицит щенков от классных рабочих собак.

Учитывая вышесказанное, подумайте еще и еще раз, взвесьте свои возможности, все «за» и «против», прежде чем становиться хозяином собаки, в которую природа и человек вложили так много прекрасных качеств. Подумайте и становитесь на этот трудный, но плодотворный путь — лайки стоят этого!

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПУЛЬ

1. Схема тройной пули: 1 — свинцовые картечины, 2 — полиэтиленовый контейнер, 3 — шпилька из твердого полиэтилена.

2. Пуля Блондо с полиэтиленовым пыжом-стабилизатором в контейнере: 1 — полиэтиленовый контейнер, 2 — латунная пуля, 3 — свинец, 4 — полиэтиленовый пыж-стабилизатор с обтюрирующей юбкой.

3. Модифицированная пуля Полева: 1 — полиэтиленовый контейнер, 2 — свинцовая пуля, 3 — полиэтиленовый пыж-стабилизатор с обтюрирующей юбкой, 4 — пуля со срезанной головной частью и с пустотой для усиления экспансивного действия.

В. БЛОХИН

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» были описаны составные снаряды, предложенные Ю. Дороговым (1977, № 6) и Л. Сергеевым (1983, № 5). Снаряд Ю. Дорогова состоит из картечин диаметром 12,3 мм, помещенных в полиэтиленовую рубашку. Снаряд Л. Сергеева состоит из картечин диаметром 12 мм, заключенных в полиэтиленовый контейнер. На мой взгляд, недостаток этих снарядов в

том, что при стрельбе по быстро бегущему зверю на расстоянии 35—40 м разброс картечин составляет 25—40 см, и не все они попадают в цель, что ведет к подранкам; при стрельбе на большие расстояния эта вероятность увеличивается.

В моем варианте три свинцовых картечины диаметром 12,7 мм соединены полиэтиленовой шпилькой с резьбой М5 и помещены в разделенный (вдоль продольной оси) на три части полиэти-

леновый контейнер с 12 продольными ребрами. В полете все картечины движутся вместе — как одна пуля, а попав в тело животного, разрывают шпильку и расходятся в разные стороны, давая большое поражающее и останавливающее действие. Шок у пораженного животного наступает от такой пули даже при попадании не в убойное место. Точность попадания в цель на дистанции 40—50 м у данной пули не отличается от таковой у пуль Бреннеке, «Вятки», «Кировчанки». Вес тройной пули 12-го калибра в сборе со стержнем — 30,7 г, вес контейнера — 4,2 г (рис. 1).

Многим охотникам известна пуля Блондо, но в продаже ее нет, а изготовление ее самим охотником сложно. Я головную часть пули Блондо помещаю в разрезанный вдоль продольной оси на две части полиэтиленовый контейнер, имеющий 12 продольных ребер, а к хвостовой части жестко привинчиваю полиэтиленовый пыж-обтюратор с обтюрирующей юбкой. Пуля вытачивается из латуни, бронзы или стали. Для увеличения и регулировки веса в имеющейся в моем варианте пули осевой канал с резьбой М6 заливается свинец. Вес латунной пули 12-го калибра в сборе с пыжом-стабилизатором — 32—32,2 г, вес контейнера — 1 г (рис. 2).

При снаряжении патрона такая пуля опускается прямо на порох. При вылете из ствола половинки контейнера разлетаются в стороны, а пыж-стабилизатор, двигаясь вместе с пулей, способствует лучшей стабилизации ее в полете.

Чтобы устранить недостатки пули Полева и упростить ее изготовление, я, сохранив идею Полева, несколько изменил конструкцию пули. Изготовленные мною пули (рис. 3) удлинены за счет пыжа-стабилизатора с таким расчетом, чтобы при снаряжении ими патронов под завальцовку оставалось не более 3 мм трубки гильзы. Пыжи-стабилизаторы имеют шесть прямых направляющих ребер с плоскими верхними торцами. На дне глухого отверстия пыжа-стабилизатора имеется стержень с резьбой М5, который при сборке пули ввинчивается в резьбовое отверстие хвостовика (центрального стержня) свинцовой части пули, чем достигается надежное их соединение. При выстреле резьба на стержне срезается и дальше происходят все характерные для пули Полева процессы. Для облегчения завальцовки юбки свинцовой части пули в шейку пыжа-стабилизатора толщина ее уменьшена до 1,5 мм, а кромка выполнена под углом 45°.

Чтобы увеличить останавливающее действие этой пули, я в последнее

время изготавливаю ее с перпендикулярно срезанной вершиной головки и с экспансивной пустотой в ней глубиной 8 мм (см. рис. 3). Вес такой пули 12-го калибра в сборе с пыжом-стабилизатором — 33—33,4 г, контейнера — 1,9 г.

Все описанные мною пули — подкалиберные, ими можно стрелять из стволов любой сверловки.

Снаряжение патронов пулями Блондо и Полева своей модификации производжу следующим образом: в полиэтиленовую или бумажную гильзу с капсюлем «Жевело» засыпаю порох

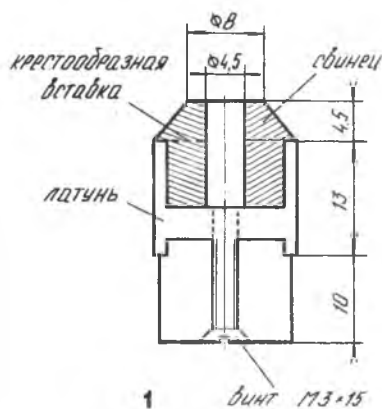
«Сокол», навойником с усилием 6—8 кгс досылаю на порох пулю в сборе и завальцовываю гильзу.

При снаряжении патронов тройной пулей в полиэтиленовую (бумажную) гильзу с капсюлем «Жевело» засыпаю порох «Сокол», на порох навойником с усилием 6—8 кгс досылаю полиэтиленовый пыж-обтюратор и прокладку из пробки или фетра толщиной 3 мм, заключенную между двумя прокладками из твердого картона толщиной 0,4—0,5 мм каждая. Затем ставлю пулю в контейнере и завальцовываю гильзу.

Во всех случаях, когда для снаряжения патронов я применяю обтюраторы из полиэтилена, навеску пороха «Сокол» уменьшаю на 0,2 г по сравнению с указанной в инструкции к данной партии пороха.

Баллистические испытания своих пуль я не проводил, но на охотах по копытным они показали хорошие результаты и получили положительные отзывы охотников-товарищей.

ЭКСПАНСИВНАЯ ПУЛЯ

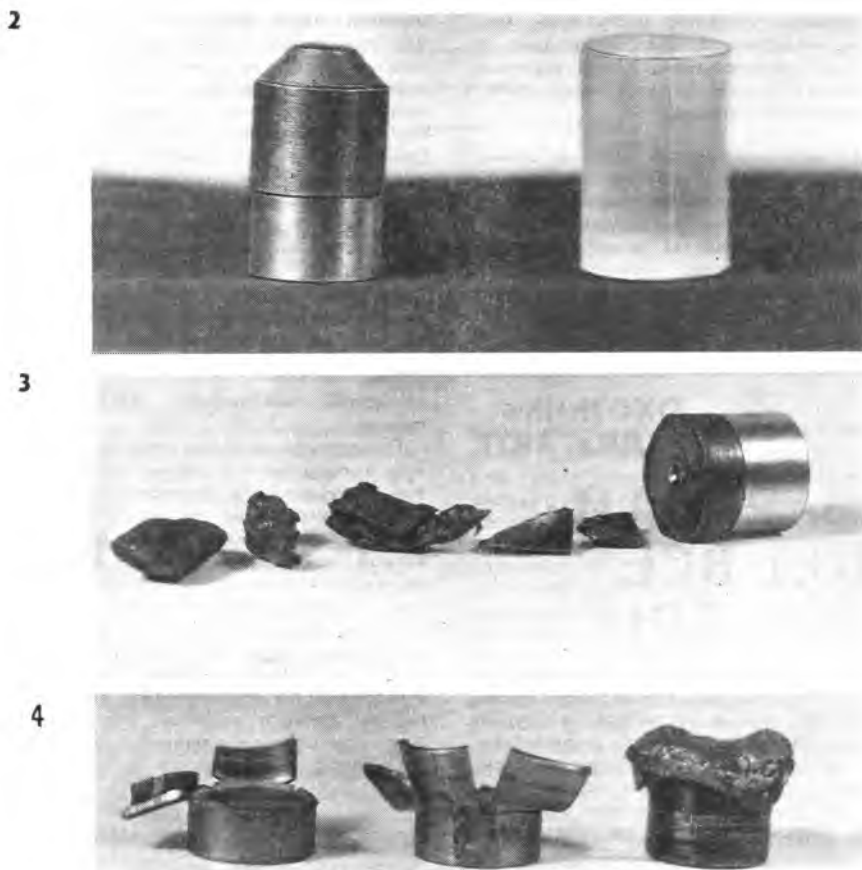

В. КОРОЛЕВ

В № 9 журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1982 г. была опубликована статья Н. Изметинского «Пули для ружей». Тема статьи — деформация свинцовых охотничьих пуль в стволе ружья при выстреле. Современные охотничьи бездымные пороха развивают в стволе достаточно высокие давления и придают пуле такое ускорение, что деформация мягкого свинца неизбежна. Достаточно взглянуть на опубликованные в № 9 за 1982 г. и в № 11 за 1983 г. фотографии, чтобы понять — ожидать точного и кучного боя от столь деформированных пуль нельзя.

Проблема не нова. С деформацией свинцовых пуль конструкторы-оружейники столкнулись еще в прошлом веке, правда, касалось это пуль для нарезного оружия. Решение тогда было найдено: свинцовую пулю заключили в твердую оболочку и получили снаряд, по весу не уступающий свинцовой пуле, способный выдержать самые высокие давления в стволе.

Попытки уменьшить деформацию пуль для гладкоствольных ружей предпринимались давно. Предлагалось помещать пулю на амортизатор из опилок (пуля Майера) или использовать

1. Схема экспансивной пули.

2. Полуоболочечная экспансивная пуля 12-го калибра и контейнер для ее снаряжения. Пустота заполнения воском. Вес пули 34 г.

3. Остатки корпусов пуль, извлеченные из мишени (мягкая сырая глина). Дистанция стрельбы 50 м.

4. Остатки пуль, извлеченные из туши лося.

деформацию свинца для опрессовки головной части пули на хвостовике (пуля Полева), но непременным условием точного боя этих пуль является небольшой заряд пороха.

Применяются охотниками и пули из практически недеформируемого материала. Это широко известная за рубежом пуля Блондо (сталь), а также пуля Рубейкина (латунь). Эти пули могут выдержать любые давления, допустимые в гладких стволах, но отсутствие деформации при попадании в зверя уменьшает площадь поражения и останавливающее действие пули.

Задача обеспечения твердости пули в момент выстрела и сильной ее деформации при попадании в цель была решена около ста лет тому назад. Применялась такая пуля опять же в нарезном оружии и называлась полуоболочечной. Прочная оболочка не закрывала головную часть пули, что при попадании в цель приводило к сильной деформации, а при высоких скоростях даже к разрыванию пули (экспрессный эффект).

В описываемой ниже пуле нет принципиально ничего нового, не считая того, что применяется она в гладкоствольном охотничьем оружии и сочетает в себе свойства недеформируемой пули, с хорошо зарекомендовавшей себя пульей Якана (см. рис. 1 и фото 2).

Внешний вид пули виден на фото-

графии, размеры ясны из схемы. Все размеры даны для пули 12-го калибра. Снаряжение патронов полуоболочечной пулей ничем не отличается от снаряжения любой подкалиберной пулей. Заряд пороха охотник выбирает в зависимости от веса пули, на котором он остановился. Для тяжелых и прочных ружей это может быть максимальный заряд, указанный на упаковке пороха, но не более!

Диаметр тела пули не превышает диаметра других подкалиберных пуль, изготовленных из латуни и стали, что позволяет применять ее в ружьях с дульными сужениями до одного мм, но автор заметки, в силу сложившихся обстоятельств, стрелял этой пулей из ружья с цилиндрическими стволами. При стрельбе на дистанции 50 м все пули укладывались в круг диаметром 15—20 см. Стрельба по доскам, поставленным одна за другой, показала, что при попадании в преграду пуля разрушается, как правило, на девять частей: 4 — свинцовые, 4 — латунные лепестки оболочки и нижняя часть корпуса с алюминиевым хвостовиком. Осколки пули разлетаются в стороны, увеличивая зону поражения до 30—50 см в диаметре, а массивная хвостовая часть продолжает двигаться по траектории и проникает глубоко в мишень.

Так как «надрезы» — полоски фольги, скрыты в оболочке пули, то разрушаться она начинает от довольно

сильного удара, что исключает ее преждевременное разрушение при встрече с тонкими ветками и другими незначительными препятствиями. Проверка проводилась стрельбой по листам картона и фанеры различной толщины, а также по брускам сырой мягкой глины (фото 3).

К сожалению, не удалось собрать значительный материал о применении полуоболочечной пули на охоте, но отдельные случаи стрельбы по лосю и кабану показали большую останавливающую силу пули. Разрушение пули начинается при попадании даже в мягкие ткани, где иногда задерживаются наиболее легкие части (лепестки оболочки). Четыре свинцовых осколка пули, обладающие достаточной силой, дробят кости и глубоко проникают в тело зверя. Массивный хвостик пули иногда проходит навывлет, а чаще застревает под шкурой, что увеличивает тяжесть ранения (фото 4).

Так как основными показателями, способными увеличить результативность стрельбы из гладкоствольного оружия, являются: хорошая точность боя, увеличение начальной скорости пули без ее деформации и большое останавливающее действие, связанное с увеличением зоны поражения — полуоболочечная подкалиберная пуля, несомненно, должна представлять интерес для многих охотников и, возможно, в будущем заменит применяемые ныне свинцовые пули.

ОХОТНИКИ ПРЕДЛАГАЮТ

«БАРКЛАЙ» ПОД ВСЕ КАЛИБРЫ

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1983, № 5) предложен переход для малых калибров, который вставляется в прибор «Барклай» 12 или 16-го калибров и предназначен только для запрессовки капсюлей в гильзы. Производить полное снаряжение патронов нельзя, так как порох

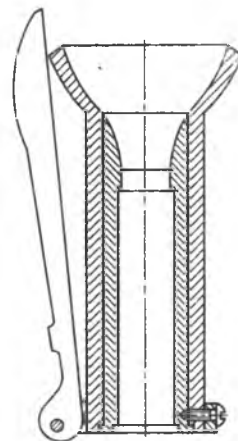
и дробь невозможно засыпать в гильзу.

Предлагаемый мною переход выполнен в сочетании с самим прибором, внешний диаметр которого соответствует внутреннему диаметру прибора «Барклай» и равен высоте его цилиндрической части. Внутренний диаметр перехода выполнен под диаметр нужного малого калибра по высоте гильзы. Верхняя часть перехода служит продолжением воронки прибора «Барклай», а нижняя, длиной 8—10 мм, выполнена по внутреннему диаметру гильзы данного калибра, что удобно для полного снаряжения патронов.

Переход фиксируется в приборе.

Л. НОВАКОВСКИЙ

г. Целиноград

ПЕРЕВОЗКА ПАТРОНОВ НА САМОЛЕТАХ

Охотник В. Клясс (г. Караганда) прислал в редакцию письмо, в котором пишет: «Я взял отпуск и решил поехать в Краснодар к родственникам. Взял с собой ружье и семь пачек патронов. В аэропорту г. Караганды меня пропустили на посадку. А в г. Краснодаре, а аэропорту, когда я возвращался домой, у меня изъяли оставшиеся две пачки патронов, сказав, что ружье перевозить можно, а патроны — нельзя. Кто же прав?»

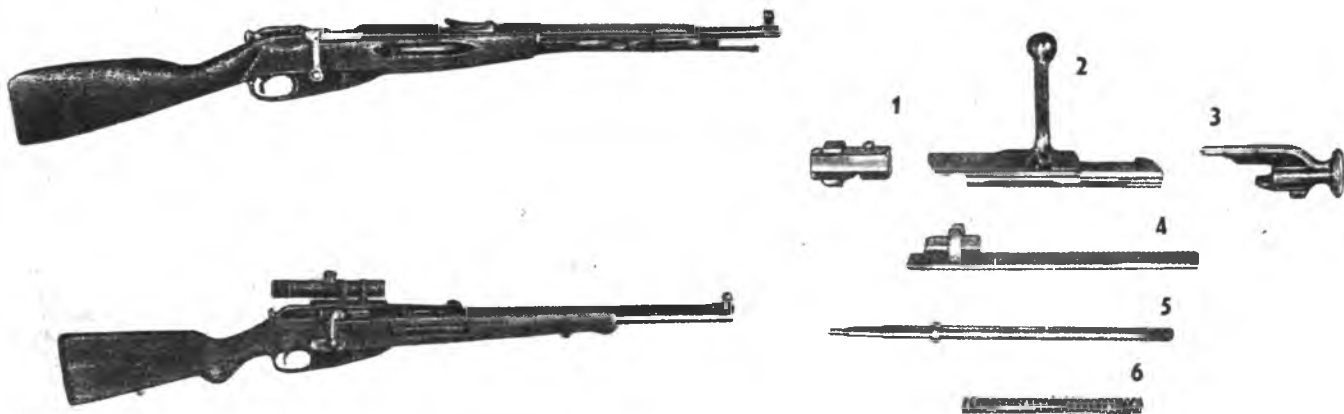
Письмо читателя по просьбе ре-

дакции комментирует начальник управления МГА Министерства гражданской авиации СССР А. Красильников: «Согласно «Правил воздушной перевозки опасных грузов» от 26.12.87 № 370/301 на пассажирских воздушных судах разрешается перевозка охотничьих патронов с погрузкой их в багажные и грузовые отсеки, изолированные от пассажиров. Патроны должны находиться только в заводской упаковке или в деревянных ящиках. Вес одного места — не более 25 кг. На одном воздушном судне допускается перевозка не более трех ящиков с охотничьими патронами, которые укладываются

с прокладочным материалом, исключающим возможность их перемещения и повреждения.

В порядке исключения, отдельные охотники, имеющие право на хранение и перевозку оружия, могут сдавать его и боеприпасы сотрудникам групп досмотра, которые передают их экипажу на период полета.

Патроны, изъятые у тов. Клясс В., хотя и находились в заводской картонной коробке, были снаряжены зарядами самодельным способом, что не соответствует установленным требованиям».

1. Промысловый карабин КО-8,2. Наверху — первый вариант, внизу — второй.

2. Затвор карабина КО-8,2 в разобранном виде: 1 — боевая личинка, 2 — стембель с рукояткой, 3 — курок, 4 — соединительная планка, 5 — ударник с бойком, 6 — боевая пружина.

СТАРЫЕ МОДЕЛИ. КО-8,2

В начале 30-х годов на базе трехлинейной винтовки С. И. Мосина Дмитрий Михайлович Кочетов (1897—1978 гг.) создал охотничий карабин НК-8,2 (калибр 8,2 мм), который в 1932—1941 гг. серийно выпускал Тульский оружейный завод.

В 1946—1965 гг. Ижевский машиностроительный завод (теперь — ПО «ИЖМАШ») также на базе винтовки Мосина изготовлял охотничий карабин КО-8,2 и его модификацию КО-8,2М, которая отличалась тем, что имела несколько иную форму ложи, шаг нарезов только 320 мм (КО-8,2 имел шаг нарезов и 620 мм), иное крепление шомпола и открытый секторный прицел с делениями до 500 м (через каждые 100 м). Карабин КО-8,2 выпускали в двух вариантах: первый имел секторный прицел и ствольную накладку, крепящуюся двумя хомутами к ложе (как у мосинской винтовки). Во втором варианте карабин не имел ствольной накладки, целик был поворотный; иногда карабин снабжался оптическим прицелом ТО-4. Открытый прицел имел 4 деления: для стрельбы на 40, 100, 200, и 300 м. Таким образом, мы видим, что по сути дела этот карабин изготовлялся в трех вариантах, а считая с карабином НК-8,2 — в четырех.

Общим для всех модификаций карабина является калибр 8,2—8,25 мм; вес 3—3,6 кг, общая длина 1020 мм,

длина ствола 520 мм, длина прицельной линии 425 мм; направление нарезов правое, их число — 4. Усилие спуска 0,8—2 кг, емкость магазина — 4 патрона.

Карабин состоит из следующих основных частей и механизмов: нарезного ствола с патронником, ствольной коробки, затвора, спускового и ударного механизмов, предохранителя, магазина, прицельных приспособлений, ложи и шомпола.

Затвор карабина продольно-скользящий, с поворотом рукоятки, что приводит к запиранию ствола. Ударно-спусковой механизм ударникового типа. Ударник с боевой пружиной расположен в затворе. Спусковой механизм без предупреждения, располагается в ствольной коробке. Предохранительный механизм работает за счет оттягивания и поворота курка с последующей его фиксацией на ствольной коробке. При этом исключаются случайные повороты затвора за рукоятку и его возможная потеря при хождении по лесу.

Карабин магазинный, его перезаряжение после выстрела осуществляется вручную за счет поворота и передергивания затвора; при этом выбрасывается стреляная гильза и досылается очередной патрон из магазина в патронник.

Если вы разбирали карабин, то после сборки необходимо проверить выход

бойка ударника. Он должен быть в пределах 1,80—1,95 мм. При недостаточном или излишнем выходе бойка следует отделить боевую личинку и соединительную планку от стембля затвора и завинтить или вывинтить ударник.

В карабинах калибра 8,2 мм применялись два типа патронов: вначале патрон с латунной гильзой 66,6 мм бутылочной формы с проточкой и выступающей закраиной, имеющий свинцовую пулю с начальной скоростью 450 м/с. В связи с недостаточной убийственностью патрон был модернизирован и получил полуболочечную пулю весом 9,6 г с начальной скоростью 650 м/с при максимальном давлении 2200 кгс/см². В настоящее время выпуск патронов прекращен.

А. СОКОЛОВ

Литература: «Охота и охотничье хозяйство», 1961, № 8; Наставление по стрелковому делу. Винтовка обр. 1891/30 гг., Воениздат, 1949; История Тульского оружейного завода, М., 1973, с. 477; Михайлов Л. Е., Семеновых И. Е. Спортивное оружие. Ижевск, 1981.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

В публикуемом ниже очерке В. П. Сысоева «Дело всей жизни» автор рассказывает о своей многолетней, разносторонней и плодотворной работе на Дальнем Востоке.

Имя Всеволода Петровича Сысоева — биолога-охотоведа, землепроходца, писателя — хорошо известно читателям нашего журнала. В 1962 году

в первом номере журнала была напечатана статья В. П. Сысоева «На Дальнем Востоке», положившая начало его многочисленным рассказам и очеркам о природе, охоте и охотничьем хозяйстве этого края.

Большому, верному другу и соратнику нашей редакции, прекрасному человеку, замечательному охотоведу-

писателю В. П. Сысоеву исполняется 80 лет.

Дорогой Всеволод Петрович! Примите, пожалуйста, от редакции и редакционной коллегии нашего журнала самые искренние пожелания здоровья, счастья, новых творческих удач.

Всеволод СЫСОВ

Забыл он все, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнания
И, как невесту в час свидания,
Душой природу обнимал!

М. Ю. Лермонтов

Диплом биолога-охотоведа высшей квалификации я получил в Московском институте пушно-мехового хозяйства более полувека тому назад, но прошло несколько лет прежде чем я стал действительно охотоведом.

У большинства людей их занятия в жизни предопределяются в детстве. «Разве не тогда я приобрел все то, чем я теперь живу, и приобрел так много, так быстро...» — писал Лев Толстой о поре своего детства. Так же складывалось и в моей судьбе. Охотничье ружье подарили мне в год окончания четвертого класса начальной школы, но охотником стал я не сразу. Еще долго оставался я во власти ранее возникших увлечений ловли и содержания в неволе певчих птиц. Живя на черноморском побережье Крыма среди роскошной природы, я любил подолгу бродить без ружья в запущенных парках, с удовольствием карабкался по скалам, купался в море, с интересом наблюдал за жизнью насекомых, слушал и ловил цикад. Любовь к природе усиливали во мне писатели, особенно Алексей Константинович Толстой.

Все мы в детстве стремимся к подражанию. А. К. Толстой был егермейстером, то есть заведывал царской охотой. Может, он-то и заронил в мою душу мечту стать распорядителем охоты. Кроме А. К. Толстого читал я С. Т. Аксакова, А. А. Черкасова, Г. Лонгфелло и Э. Сетон-Томпсона. Меня тянуло к племени охотников. Относился я к ним по-тургеневски: «Охотник — значит хороший человек».

В 20-е годы Крым славился перепелиными охотами. Осенью по склонам гор, покрытым виноградниками, скап-

ливалось бесчисленное множество пролетных перепелов. Горячая работа подружейной собаки, быстрая стрельба в лет разжигали страсть молодого охотника, и пока не заканчивался осенний пролет перепелов я не пропустил ни одного дня, чтобы не выбежать после работы на часок-другой на окраину Ялты, откуда весь день доносились ружейные выстрелы. Перепелиная охота научила меня в совершенстве владеть дробовым ружьем, но, когда впоследствии я проходил курс пулевой стрельбы, преподаватель называл меня «дергунчиком».

Пришла пора подумать о высшем образовании. И вот я студент Высшего технического училища имени Баумана, но душа моя не удовлетворена... Узнав, что есть институт, готовящий охотоведов, загораюсь и перехожу в него. Здесь вместо машиноведения постигаю генетику и экспериментальную биологию, изучаю биотехнику и организацию охотничьего хозяйства. Мне посчастливилось слушать лекции замечательных биологов Н. П. Дубинина и А. Н. Формозова, П. А. Мантейфеля и Н. П. Наумова. Они укрепили во мне преданность избранной профессии, зажгли идеей обогащения и преобразования природы, привили вкус к исследовательской работе. С большой любовью и благодарностью вспоминаю я Московский институт пушно-мехового хозяйства, подготовивший отечеству первых охотоведов.

Трудно было учиться в 30-е годы. Жили впроголодь, сами строили себе общежитие и в то же время были счастливыми мечтателями. Особенно серьезными и полезными были полевые практики, приучавшие нас к самостоятельности и ответственности за порученное дело. Во время одной из практик мне даже пришлось исполнять обязанности начальника Северной охотустроительной экспедиции.

Желание скорее начать самостоятельную работу было так велико, что я,

еще не сдав государственных экзаменов, побывал в Наркомземе РСФСР и попросил зачислить в Зейскую экспедицию первоначального землеустройства охотоведом. Весной 1937 года я прибыл в составе этой экспедиции на Дальний Восток и приступил к изучению охотничьего промысла Зейско-Учурского района. Есть упоение в работе первопроходца, в изучении и описании новых земель. Но после Крыма природа светлохвойной тайги казалась мне скудной и однообразной, чем-то напоминавшей пустыню: зеленой и сырой летом, белой и безмолвной зимой.

Охотники-звенки относились к моей работе иронически. «Как можно считать деревья в лесу, зверя в тайге?» — недоумевали они. Но, когда однажды я спас проводника от нападавшей медведицы, наши отношения изменились, и они признали во мне охотника.

Завершив работу в экспедиции, я покинул Зею и вместе с молодой женой вернулся в Ялту. Прошел всего один год, что я не был дома, но как я отвык от него! Меня снова повлекло на Дальний Восток — и снова раскинулись передо мной его просторы. Теперь мне предстояло работать на Бурее, в районе строительства Байкало-Амурской магистрали. БАМ пролегал по землям кочевых охотников-звенков. Нужно было помочь им перейти к оседлому образу жизни. Подыскать места и обосновать строительство поселков вдоль трассы. Работа была трудная. Геоботанические обследования проводили зимой, при сорокаградусном морозе. Учет запасов соболей пришлось вести одному — звенки находились на промысле. И, хотя я был южанином, но легко переносил в палатке сильные морозы, от которых лопались по ночам деревья. Добыть медведя, пройти по захлащенной валежником тайге за день десятки километров — стало для меня обычным делом. Я чувствовал в себе много сил и меч-

тал посвятить жизнь путешествиям и исследованию таежных просторов. Но болезнь оторвала от любимого дела. Весной 1939 года я с семьей переехал в Хабаровск, чтобы лечиться и работать. На второй день по прибытии был зачислен начальником госохотинспекции при Хабаровском КрайЗО. Пришлось сесть в кресло чиновника, главной задачей которого были надзор за пушно-заготовительными организациями и борьба с браконьерством. Вскоре госохотинспекция перешла в ведение крайисполкома.

Возглавлять охотничье хозяйство огромнейшего Хабаровского края, простиравшегося от Чукотки и Сахалина до Читинской области и Приморского края, конечно, льстило самолюбию 28-летнего начинающего охотоведа, но в то же время и огорчало: кто в молодости не стремится к открытиям и изобретениям? А какие открытия могли ожидать меня за канцелярским столом? «Однако,— решил я,— главное не унывать и надеяться!» Пишу профессору Мантейфелю, моему любимому учителю: «Петр Александрович, помогите! Хочу написать книгу об охотничьем хозяйстве Хабаровского края.» И он помог. В 1950 году вышла первая моя книга. В ней впервые были опубликованы перечень про-

мысловых видов и новые, мною составленные, правила охоты в Хабаровском крае. Теперь я начинал чувствовать себя настоящим охотоведом.

Вскоре меня с головой захватила большая работа по обогащению промысловой фауны края. Нужно было подыскивать места и произвести выпуск с целью вольного разведения заморских зверей: американской норки и ондатры. Идея исходила от Госохотинспекции России, а исполнение ложилось на мои плечи. С радостью принялся я за воскрешение природы. Норки расселили по Аню, а ондатру — на охотском побережье. Но мою радость разделяли далеко не все. «Завозить в край норку, поедающую рыбу, и ондатру, передающую человеку опасные заболевания, по меньшей мере, необдуманно. Да и местным растениям и животным они будут вредить», — утверждали некоторые охотоведы. Я был на грани отчаяния. Только спустя много лет мы убедились, что эти мрачные прогнозы не подтвердились, а норка и ондатра стали одними из основных промысловых видов края.

Критическое отношение к расселению заморских зверей наводило на мысль заняться своим национальным зверем — соболем. И опять не у всех

нашел поддержку. Старые охотоведы Владивостока говорили: «Соболь — экзотика. Это вымирающий вид. Он не мирится с цивилизацией. Занимайтесь лучше белкой». «Нет, соболь не только прошлое, но и будущее пушного промысла Сибири и Дальнего Востока. Нужно возродить соболиную славу края», — не соглашался я. Если соболь вымирает (охота на него в ту пору была запрещена повсеместно), следует попытаться сохранить его в неволе. С этой целью, не без труда, организовал отлов живьем двух десятков соболей и отвез в зверосовхоз на Седанке, что под Владивостоком. «Разводите соболя в клетках», — предлагаю директору Рогачеву. К сожалению, затея моя не осуществилась, и соболей выпустили на волю.

Началась Отечественная война. Я был призван в армию, но на Запад не попал. Находясь в резерве, организовал охотничьи команды с целью обеспечения мясом диких животных воинских частей.

Наступил 1945 год, и пошла моя очередь участвовать в сражении с Японией. После окончания войны возвратился к любимому делу, отказавшись от командировки в Берлин для изучения мехообрабатывающей промышленности. Госохотинспекция, переименованная в Управление по делам охотничьего хозяйства, активизируя свою деятельность по обогащению охотничьих угодий ценными видами животных, начала массовое расселение норки по краю. Вскоре встал вопрос и о расселении соболя.

Но где взять племенной материал? Прежде всего нужно было установить место обитания самой ценной расы соболей и ее численность. Вот тогда-то и возникла идея создания соболиного рассадника. Охотоведы ее раскритиковали: «Соболь — не песец. Подкормкой численность его не увеличишь. В кормушки-ловушки он не пойдет». Но я не изменил задуманного плана.

Спроектировал и организовал в истоках Буреи соболиный рассадник, а затем приступил к вольному расселению черных соболей «якутского кряжа» по всему Дальнему Востоку. Соболь из этого рассадника стоил на 300 рублей дороже знаменитого баргузинского! Открылся рассадник в 1952 году, и за семь лет своего существования отгрузил с Ургальской базы 4200 племенных соболей, выполнив тем самым одну треть всесоюзного плана. Трижды был экспонентом рассадник на ВДНХ.

Выпала и мне честь участвовать на этой же выставке в 1955 году и получить медаль за успехи в соболеводстве.

В эти же годы по краю было расселено 744 норки. Много раз я лично принимал участие в расселении соболей и норок по краю. Заносил двадцатикилограммовые клетки с соболями на Хехир, по Подхоренку, расставлял норичьи по Немпту, Матаю и другим

рекам. Змееподобная в движениях, с голосом птицы, норка не располагает к себе, не вызывает желания поласкать ее. Но к соболу я всегда был неравнодушен: шубка красивая, пушистая, темно-коричневая, движения изящны, на человека взирает добрыми доверчивыми глазами. Соболю так и просится в руки. Как жаль, что человек не удосужился приручить и одомашнить этого миловидного и полезного зверька!

Решая проблемы воспроизводства ценных животных, я был не одинок. Мне помогали многие следопыты и местные охотоведы, я постоянно советовался с профессорами В. Н. Скалоном, П. А. Мантейфелем, В. В. Генерозовым и Г. Д. Дулькейтом.

Служебный долг обязывал меня не оставлять без внимания вопросы и спортивной охоты. В течение двух лет я председательствовал в Хабаровском городском обществе охотников, а в 1954 году был утвержден председателем оргбюро Хабаровского краевого общества охотников-любителей. В этот период была организована ружейная мастерская, так необходимая охотникам-любителям. Работать в ней был приглашен из города Свободного замечательный мастер-умелец В. Андреев, владевший многими секретами работы с любым охотничьим оружием. Тогда же был создан магазин «Охотник», существующий и поныне в Хабаровске, организован ряд спортивных охотничьих хозяйств, в частности Ольгохотинское. Мечталось мне возродить знаменитую русскую охоту с гончими, для чего в край был завезен заяц-русак.

Был я причастен и к обществу военных охотников, являясь старшим охотоведом-консультантом окружного Совета ВОО в течение 40 лет. При моем участии проектировалось и организовывалось охотничье военное хозяйство на р. Матае, которое существует до сих пор, создан был и музей охотничьих трофеев.

Помогать доводилось не только охотникам, но иногда и животным, на которых охотились. Однажды я немало удивил краевой исполнительный комитет, выйдя с проектом закона об охране тигра. Помню, как возмущался прокурор, грозивший отменить «нелепое» решение — объявить под охраной закона лютого зверя.

Для того, чтобы хорошо знать охотничье хозяйство, нужно было лично ознакомиться с обширными его угодьями, встретиться и обсудить все проблемы с промысловиками. С этой целью в разные годы мне довелось организовывать и провести 12 охотоведческих экспедиций. Впечатления и материалы этих экспедиций помогли мне написать книгу «Охота в дальневосточной тайге», переиздававшуюся четыре раза и переведенную на несколько европейских языков.

В середине 50-х годов началась реорганизация всего сельского хозяйства, приведшая к упразднению нашего управления по делам охоты. Болезненно переживал я его расформирование. Написал обстоятельное письмо с протестом в Совет Министров России. Оно попало в ЦК КПСС. Обещали «поправить дело». В отчаянии я не находил себе места. Спасение пришло в виде приглашения на преподавательскую работу в педагогический институт. Начал я ассистентом, а через год был уже деканом географического факультета. Читая курс зоогеографии и краеведения, я не забывал своего охотничьего дела, вынашивая идею заселения края бобрами. Но, чтобы ее осуществить, нужно было подыскать места, пригодные для жизни этого грызуна, обосновать возможность его акклиматизации. Потребовалось шесть лет на исследование. Помогали студенты, добывавшие необходимые материалы: во время полевых практик. И когда полевые исследования были завершены, разработаны практические рекомендации, Главохота усомнилась в качестве проведенных мною работ и потребовала заключения специалистов высокого класса. Пришлось предстать перед Ученым советом Дальневосточного отделения АН СССР во Владивостоке. Назначенная по такому случаю комиссия, спустя месяц, одобрила нашу инициативу и дала добро на первый выпуск бобров на реке Немту. В 1964 году при помощи Главохоты и ВВОО мы завезли и выпустили полсотни бобров из Белоруссии. Так появилась на Дальнем Востоке первая колония бобров.

Преподавательская работа в педагогическом институте пришлась мне по душе, особенно увлекали полевые практики со студентами: охота близка географии. Не случайно все географы были страстными охотниками. Казалось, отныне вся моя дальнейшая жизнь будет связана с подготовкой учителей географии, но вот неожиданно наш факультет переводят в Комсомольск-на-Амуре. Покинуть Хабаровск я не смог. Пришлось переключиться в Научно-исследовательский институт лесного хозяйства. Родилась идея создать в нем лабораторию биологии лесных зверей и птиц, но Москва не утвердила наши планы, и тогда я пришел в краеведческий музей и «сел» за стол В. К. Ар-

сеньева. Охота в целях науки, коллекционирования диких животных и растений, популяризация охотничьего хозяйства, краеведческие экспедиции — все это было близко душе охотоведа. Но заниматься только этим не было возможности. Надо было уделять время почетным посетителям музея, рассказывать им о нашем крае, показывать достопримечательности природы. Так довелось познакомиться с

М. А. Шолоховым и К. М. Симоновым, А. П. Окладниковым и П. П. Капицей, последним королем Афганистана Захир Шахом и шахиншахом Ирана Реза Пехлеви, Иосифом Броз Тито и Иржи Ганзелкой. Некоторые из них были охотниками, и нам было о чем побеседовать.

Многие из собранных мной зоологических экспонатов находятся не только в Хабаровском музее, но и в других музеях отечества и Европы. Вот когда пригодились моя профессия охотоведа!

Увлекался я и археологией, особенно эпохой древних охотников — неолитом. Два больших бивня мамонта доставлены в музей при моем участии.

Меня часто спрашивают, был ли я счастлив? А разве может быть несчастлив человек, у которого страстное увлечение становится его профессией, делом всей жизни?

Охотоведу приходится постоянно общаться с природой, жить под открытым небом, любоваться растениями и животными и, конечно же, путешествовать — это одно из неперенных условий человеческого счастья.

Я увлекался медвежьей охотой, но не в спортивных целях, а мечтая написать книгу об этих могучих хищниках, добродушных и коварных, сопутствующих человеку с доисторического времени. Но ни один вид охоты не приводил мое сердце в такой трепет, не наполнял его таким уважением к моей профессии, как ловля тигров. Я и сейчас будто вижу золотистые глаза молодой тигрицы в тот момент, когда связывал ее широкие лапы. Многочисленные научили меня чудо-богатыри тигроловы, отважные и скромные люди нашего края. Под впечатлением этой охоты написана книга «Золотая Ригма».

Больше всего я благодарен судьбе за то, что в свое время приобщился к тем охотоведам, которые разводили в лесах наших ценных пушных зверей и вернули нашему отечеству славу страны соболей.

Недавно я сдал в музей свой карабин и охотничий топор. Ведь, как писал С. Есенин, уж «не бродить, не мять в кустах багряных лебеды и не искать следа...» А как порой хочется пройти звериной тропой в осеннем сихотэалинском лесу! Нет, не отоснится мне золотая пора таежной охоты!

Оскудели наши леса зверем и птицей, обезрыбили реки, но виноваты в этом не охотники. Технический прогресс вторгся в медвежье царство. Подреди леса, засорились реки, неуютно и голодно стало животным: тигр пришел на скотомогильник поживиться падалью.

Хочется вернуть, что обретет наша тайга хозяина. Станет он охранять леса, кормить и разводить диких животных. Природа залечивает раны, если человек помогает ей. Не покорять, а дружить с природой должны мы!

КОМПАНЬОНЫ

С. РУСАНОВ

«Однажды лебедь, рак да щука»... Все мы со школьной скамьи помним эту басню, знаем, что если в товарищах «согласия нет», то будут они понапрасну мучиться. В числе других дел человеческих это относится и к охоте. При ряде коллективных охот такие, например, как облава, «согласие» достигается строгим соблюдением обязательных правил. За каждым отступлением от регламента таится смерть, в лучшем случае — увечье; попытка нарушения карается отстранением нарушителя от участия в охоте. Не то при охоте вдвоем с одной подсадной уткой, вдвоем, а то и втроем с одной подружейной собакой. В этих и в других подобных ситуациях степень согласия зависит от особенностей характеров партнеров, их вкусов, их охотничьей квалификации. За 70 с лишним лет охоты у меня перебивало множество компаньонов. С одними мы охотились, что называется, душа в душу, другие отравляли мне наслаждение охотой, третьи ее полностью срывали. О некоторых из них я и хочу рассказать, изменив имена тех, кто здравствует поныне. Сперва скажу (и больше к этому вопросу возвращаться не буду), что ничего нет отвратительнее, гнуснее да и опаснее пьяного компаньона.

Теперь начинаю свои рассказы.

Старый друг

Место действия — пойма реки Воронеж, под селом Чертовицким, время — осенний день, лет за тридцать — тридцать пять до того, как воды «Воронежского моря» поглотили тамошние чудесные угодья — подлинное Эльдorado для охоты по мелкой болотной дичи. Мы охотились вчетвером с двумя собаками: моей и моего дяди — папиного брата. Разделились попарно: я с отцом, дядюшка со своим другом, инженером Коном; они вместе окончили институт, потом долго не виделись и радовались, неожиданно встретившись в Воронеже. Мы с папой стреляли, как всегда, соблюдая очередь; ее не приходилось долго ждать — бекаса и гаршнепа было множество. За камышами длинного узкого озера — старицы, отделявшие нас от второй пары, там также часто раздавались выстрелы, но, судя по звуку, все бездумным порохом, которого дядя не употреблял. Доносились и веселые возгласы его напарника: «Что, Алеша, хорошо я стреляю?». Или: «А ты не копался бы!» и тому подобное. Мы скоро догадывались, что там происходит. Кон «плевать хочет» на очередь и успевает срезать бекаса прежде, чем

С. А. Русанов в охотничьем хозяйстве. Апрель 1988 г. Нерусса.

Фото Ф. Штильмарка

выстрелит дядя, стрелок хороший, но несколько медлительный. Наша догадка подтвердилась. На пройденном маршруте Кон взял один почти столько же «голов», сколько мы с папой вдвоем, а дядя плелся пустой и совсем пал духом. Спасая положение, я потребовал смены партнеров, и не напрасно. Стреляя поочередно с папой, дядюшка так поправил свои дела, что совершенно ожил. А Кон напрасно пренебрегал очередью — не мог опередить меня удачным выстрелом. Мы с ним закончили при соотношении добычи 2:1 «в мою пользу».

Синьги

Тоже поздняя осень. Вдвоем пересекаем широкое устье Большого пучкаса — громадного залива на вологод-

ской стороне Кубинского озера. Холодно. Ветер развел большую волну, часто наносит «заряды» снежной крупы, Я гоню лодку длинным кормовым веслом, компаньон скрючился в носу лодки, держит наши незаряженные ружья. Уже немолодой полковник медицинской службы, он неумолчно и непечатно ругает меня, инициатора переправы, которую считает опасной в такую — туды ее растуды — погоду. А погода — как на заказ для предстоящей ходовой охоты; заставляет «благородную» утку — крякву, шилохвость и других уходить с большой воды в мелководные, заросшие водоемы по лугам. Налетает очередной снеговой заряд, а вместе с ним над нами низко проносится стая уток, заворачивает против ветра и рассаживается кругом лодки в радиусе 20—30 метров. Ближняя совсем рядом: темная, почти черная синьга — морская утка, самая неосторожная из всего утиного племени. Компаньон, не торопясь, заряжает ружье, я не без зависти жду. Успел! Сейчас грянет... и вижу — он протягивает мне мое ружье, сам готов к выстрелу, но выжидает, пока я вожусь с веслом и патронами. Наконец, стреляем вместе сперва по сидячим, потом по взлетающим.

И четыре синьги лежат у нас в лодке.

Хвысь!

Весенняя охота по селезням на Выгоновском озере в Белоруссии не очень добычлива. Кряквы спарились, даже с отличной подсадной уткой мне не каждую зорю удастся взять крякового селезня. Но я в совершенстве владею чирковой «дудочкой», трескунки хорошо идут на подманку, так что выполнить одноразовую норму отстрела мне удастся всегда. В худшем положении были мои, довольно многочисленные компаньоны, менее квалифицированные и плохо оснащенные. Впрочем, и они редко возвращались совсем без добычи, кроме одного — ему за пять дней не удалось выстрелить ни разу. «В жизни не бывало такого невезения, просто фантастика!» — говорил он, человек общительный и говорливый, много рассказывавший о своем многолетнем охотничьем опыте. Повествования его были интересны и не выходили за пределы правдоподобия. Однако, убедившись, что ему верят, он начал понемногу «набирать высоту». Сообщил, например, что в Сибири ходил на рябчиков с пистолетом, бил в голову и всегда обстреливал своего

напарника, охотившегося с дробовиком. А когда тот дулетом промазал по напавшей на них рыси, то рассказчик из маузера всадил в зверя восемь пуль, все по убойным местам навывлет. «Красиво у меня получилось! Жаль, что шкуру испортил. Представляете — шестнадцать дырок!». А потом: «В Сибири же пошел по зайцам. А там ведь зайцы — тукмаки, громадные, желтые, словно их мочой облили. Иду со своим «броунигом» (так он выговаривал «браунинг») — вдруг тукмачина — прыг на кочку и сидит. Я его — хвись! А порой дымный, ничего не вижу. Сигнало дым — сидит. Я вторым — сидит! Только с четвертого выстрела свалился. Подхожу — а их четыре, крестом лежат вокруг кочки!» Наша реакция насторожила оратора, он стал следить за аудиторией и регулировал полет своей фантазии. Она то пикировала, то снова взмывала. «Раз сижу в лодке — налетает пять крикашей. Выцелил переднего... Хвись! Валится! Второго — хвись! Готов! Третьего — хвись! Тряпкой падает! Четвертого... (оглядывает слушателей). ...Ну, четвертого так промазал. (Общий вздох облегчения). Впрочем, он после упал в камыши, а за ним и пятый спустился — боковая дробинка задела... (осматривается)... Но вернее — за компанию подсел».

При всем том Олег Иванович мне нравился, приятный в общении, хорошо воспитанный. Когда он попросил помощи в борьбе с невезением, я пожертвовал вечернюю зарю, обслужил его за егеря, то есть без ружья (не люблю двух ружей в лодке при непроверенном компаньоне). Удалось подманить и посадить порядочно чирков, была и другая дичь, а мой подопечный оскандалился. То промажет по сидящему в чучелах чирку, то подшумит, неумело ворочаясь в лодке. Все же четыре-пять штук мы привезли. Олег был в восторге, упросил взять его на утреннюю зорю безоружным — он будет только смотреть и учиться. Но когда, еще по-темному, я загнал лодку в шалаши, то в руках компаньона оказалось ружье, и он бодро спросил: «Так где будет мой сектор обстрела?»

Маков

В канун открытия охоты по куропаткам я приехал из Ленинграда в Любанское охотхозяйство, где застал мало мне знакомого охотника Макова. Он напросился мне в компаньоны — «егерская» собака хромала. Егерь сообщил, что по его участку установлена норма отстрела: серой куропатки — 40 штук, белой — 20 за сезон. В те годы в охотхозяйстве дневная добыча на одно ружье не нормировалась, а «разрешенных» тетеревов осталось всего пять. Один их выводок, небольшой, поздний, я нашел дней десять назад и не тронул, так как тетеревята были еще маловаты. К ним можно

сбегать до заката. Мы тотчас отправились, моя Ирма сразу нашла выводок, стала. Взлетела матка, за ней три молодых, двух из них я убил дулетом. Тут в стороне поднялся еще один петушок; Маков, немного отставший, сбил его со второго выстрела и, к моему удивлению, стал уверять, что это он сделал удачный дулет. Я уступил без особых возражений — не выношу споров из-за добычи. Утром, на восходе солнца, подняли большой выводок серых куропаток. Наученный опытом, я не спешил, дал Макову сделать два торопливых промаха и только после него выбил из выводка двух птиц. Не помогло: Маков кинулся к одной из них с криком: «Ага! Поштучке все-таки взяли!» Куропатки широко разместились по жнивью и картошке — началась стрельба одиночек, поочередно. Я и в те годы стрелял очень хорошо, а тут «сошел с рельсов» и мазанул по двум из четырех, мой напарник взял одну из пяти. Потом нашли на пашне второй выводок; он, не выдержав стойки, перелетел в край мохового, с чахлым соснячком болота, и долго бежал от собаки, быстро, уверенно тянувшей по следу. Некуда было спешить: если не нажимать, то птицы, перебежав неширокое, метров триста, болото, западут у его кромки, а Ирма надежно фиксирует их стойкой. Но Маков, стараясь не отстать от собаки, со всех ног мчался по пыльному, чокчоватому, местами топкому мху. Слыша такую погоню, куропатки не задержались: достигнув края болота, выбежали на поле и взлетели — от меня далековато, да и не стал бы я стрелять через голову Макова. Он же сказал: «Не смог принять выстрела», — задыхающийся, с багровым лицом, стоял, держась за сосенку; настолько вымотался, что не смог продолжать охоту — тем более искать по мху белых куропаток. В десять часов утра мы уже вернулись на базу.

Токарь Зуев

Ровно через год, в Чудовском хозяйстве, мне снова достался неожиданный компаньон. Вечером 31 августа, вслед за мною, к егерю пришли еще два охотника с собакой. Ее хозяин, молодой человек, сразу же куда-то скрылся. Его напарник, совсем седой, но крепкий еще старик, сел со мною пить чай, мы познакомились. Я узнал, что он — Зуев, токарь, старый рабочий прославленного Ленинградского завода, собирается выходить на пенсию. Охотник с детских лет. «Да, видно, к концу идет моя охота. Пес у меня, сеттер, одряхлел, на открытие по тетереву двух часов не проходил. По одному выводку сработал — и под куст. До станции на руках его нес. Новой со-

баки мне не завести — не натаскаю, да и держать трудно. Я и ехать сюда не собирался, парень этот угловрил. А какова у него собака — не знаю, и с ним-то самим не больно знаком». Мы беседовали долго, потом улеглись спать, а молодого человека все не было. Он явился глубокой ночью и уснул, как мертвый. Утром поднять его с койки не удалось, и я пригласил Зуева пойти со мною. Он сперва очень стеснялся, отказывался, но все же дал себя уговорить. Куропаток мы нашли скоро, притом два многочисленных выводка на одной полосе жнивья. Старик из-под первых же стоек взял трех и тут же повесил на ремень свою старенькую, еще императорского завода тулку: «Ну, спасибо тебе, а меня довольно. Ты охоться, а я посмотрю, полюбуюсь. уж очень красиво твоя сучка работает. Не возражаешь?» Так мы с ними и ходили, пока дневная жара не погнала нас домой. Перед самым концом охоты я-таки убедил его убить еще одну куропатку.

Бабуся

У младших братьев моих был дружок, Толя. Я, бывало, позволял ему сопровождать меня на охоте, иногда давал выстрелить из моего ружья по чибису или горлинке, а уехав из Воронежа на многие годы, почти потерял его из вида, знал только, что он стал охотиться самостоятельно. Летом 1947 года от него пришло в Беломорск письмо с настойчивым приглашением на охоту. Он сейчас руководит всем лесным хозяйством одной из областей, граничащих с Московской. В его ведении уголья, избыточные и боровой, и болотной дичью. Он имеет отличную собаку и неограниченные автотранспортные возможности. Знает, что осенью я проведу отпуск у жены в Москве, откуда до его «резиденции» одна ночь пути поездом. Готов меня принять в любой день, на любое время. Я совсем истосковался по хорошей охоте с подружкой-собакой — моя Ирма погибла в Ленинграде во время войны — и я принял приглашение.

В конце сентября, ранним утром Толя восторженно встретил меня на вокзале: «Вот чудесно! Сейчас ко мне, переоденемся, позавтракаем и сразу на охоту, на четыре дня. У вас двести патронов? Пожалуй, хватит.» Завтрак, действительно, ждал нас на столе, но потом вышла «небольшая задержка». Не было то машины, то водителя, то горючего, то «окончательной договоренности» с кем-то. Словом, выехали на другой день, после обеда, на место охоты прибыли к вечеру. Пойма большой реки, ее мелиорированное русло — как глубокий овраг, пойменные луга совершенно сухи, трава на них выбита скотом до корня, торчат только гривы высоких сорняков, в низинах, между кочками, су-

хая торфяная крошка. Прошли километра четыре, не встретив ни намека на мочажину. В бурьянах собака, молдая ирландская сучка, нашла коро-стеля и двух перепелок — одну из них спорола и погнала. Толя недоуме-вал: «Я же тут проезжал в мае, всю-ду была вода, чуть не загрузла ма-шина, едва вытащили. Но вот дойдем до лесничества, куда наш «газик» ушел, там скажут, где найти бекасов». По-вернули к лесу, дорогой навстречу ста-рушка. «Послушайте, бабуся! — сказал ей Толя. — Вы тут не видели бека-сиков? Такие с длинными носиками, кричат «крэ-крэ?»» «Эти, что ли?» — спросила бабка, указывая на стаю скворцов. Работники лесничества зна-ли о бекасах не больше «бабуси». Я предложил поискать боровую дичь, а в ответ услышал: «Уй, Сережа! Я не хотел вас расстраивать, но жуткое де-ло! В наших лесах охота сейчас за-прещена — засуха». На следующий день я уезз в Москву 199 патронов и одного коростеля.

Их было много!

Лесник-поляк перед рассветом раз-местил нас троих на лесной опушке — ждать кабанов. Их после войны мно-го развелось в Силезии; ночью они опустошали картофельные и кукуруз-ные поля, а к восходу солнца пере-ходили в дубяки лакомиться желу-дями, уже начавшими осыпаться. В этом лесу «базировалось» три семейст-ва животных, каждое возвращалось с полей своим привычным следом. Эти переходы мы и заняли. Мне служил укрытием высокий бурьян, разросший-ся по брустверу старого, почти осы-павшегося окопа. Где-то справа, непо-далеку остался мой сослуживец, моло-дой военный врач, неплохой стрелок. Мы с ним раза два-три охотились по фазанам и куропаткам. Третьего наше-го товарища лесник увел на другой край леса.

Едва забрезжил рассвет, как спра-ва послышались торопливые шаги. За-пахавшись подошел мой сосед, стал рядом и зашептал: «Простите, полков-ник, можно я останусь с вами? Как-то неуютно одному, в темноте. Ни зги не видно, нападет секач, с ним, говоря, шутки плохи». Я не мог возражать — человек явно оробел, да и возвра-щаться ему обратно не осталось вре-мени — можно было подшуметь зве-ря. Начало светать, ветерок зашеле-стел листьями, в дубянке застрекотала сорока, лес просыпался, все дальшее просматривалась местность впереди. Когда восток уже сильно разгорелся,

на поле в утренней дымке обозначи-лось движение темных пятен. Ближе, ближе, а света все больше, наконец отчетливо видно: идет свинья с десят-ком крупных поросят, три рослых под-свинки, а позади и немного левее — два здоровенных зверя. Направляются прямо к нам, ветер им в спину, укры-ты мы отлично. Вот и хорошо, что нас двое — дадим им жару из четы-рех стволов. Подходят, подходят... Еще сотня метров — и будут на близком выстреле. Но тут мой компаньон два-жды выпалил в воздух. Кабаны метну-лись в сторону и скрылись в опушке, далеко вне выстрела. Свой поступок молодой охотник объяснил, сказав: «Их же было так много!»

Костик и Ростик

Ранним осенним утром, в самый про-лет вальдшнепа, я шел из Воронежа в институтский лес. Меня догнали два студента моей группы, братья-близне-цы, Костик и Ростик. Не имея соба-ки, они просили разрешения присоеди-ниться. Договорились так: нечетные птицы мои, братья с ружьями на реме-не идут сзади. Им предоставляются четные вальдшнепы. За час с неболь-шим собака нашла четырех, я взял пару, Костик — одного, а Ростик своего промазал. По пятому вальдшнепу со-бака долго тянула, наконец он взлетел, пошел низом. Я хотел стрелять, но увидел, чуть не на мушке физионо-мию Ростика; он ударил по взмывше-му перед ним долгоносику и промах-нулся. Нарушитель извинялся, объяс-нил, что отстал от брата, запутался и нечаянно ушел вперед. Я его как следует отчитал, призвал к большей осторожности, сказал, что очередь оста-ется за мною. Шестая стойка, взлет — и тотчас сзади, над моим ухом выстрел, впереди — дикий вопль. Ростик повто-рил свой маневр: забежал навстречу собаке и получил от брата 15 мелких дробин. Его лицо было залито кровью, но глаза целы.

Настрелялся!

В одном из Каспийских хозяйств встретился мне известный тогда стен-довый стрелок Кузьмин. Мы еще не бывали вместе на охоте, но в Москве виделись, я его знал, как человека образованного, неглупого, приятного в обществе. Нам не пофартило: погода стояла теплая, ясная, а главное, со-вершенно безветренная. Дичь держа-лась на далеком морском мелководье и только ночевать летела в заросли волжской дельты. Назад в море утка

шла на рассвете, высоко и очень боль-шими стаями — перелет длился 20—30 минут. На обширных плевсах дельты, где мы охотились, дичи было немного. Мои многочисленные сотоварищи при-возили с утренней зари что двух уток, а кто и не одной. Вечерние переле-ты были бы гораздо добычливее, но у края непролазных тростников, в уз-ких «култуках» (заливах), среди курти-нок «кундрака» (водяного разнотравья) и розеток водяного ореха — чили-ма, при меркнувшем свете заката не-легко было найти упавшую, даже мерт-во битую птицу, не говоря уже о под-стреленной. Я признаю такую охоту только при наличии надежной соба-ки и вечерами не охотился: ехал к рассвету на облюбованную мной чи-стину, оставался в засидке весь день, а к заходу солнца возвращался обрат-но на базу. Большая, в 20 штук, вы-садка чучелов, а главное терпение, до-ставляли мне ежедневно добычу не бо-гатую, но вполне приличную. А Кузьми-ну пришлось хуже всех. Не зная ме-ста, он на перелетах становился не-удачно, так что почти не стрелял, и на четвертый день обратился ко мне за советом. Ночью мы поехали на «мою» чистину вдвоем, оборудовали ему засидку и поделили чучела. За день он взял крякву, шилохвость, двух чирков, но признался, что скучал. «За двенадцать часов — четыре выстрела! Вот попасть бы на хороший вечер-ний перелет!» Я знал неподалеку от-личное место, мы поехали туда к за-ходу солнца. Кузьмина я поставил в устье култука, сам, с куласами, отъе-хал метров двести, за мыс тростни-ковой «стенки». На заре дичь пошла в кулдук, как по нитке. И лихо же стрелял мой компаньон! Утки так и валились; пока хватало света, я насчи-тал семь упавших, а выстрелы все про-должались. Кузьмин подошел уже во мраке, бросил в кулас пару крякв. «И это все? Вы же там наколотили добрый десяток.» Он ответил очень весело: «Да, десять, не то одиннад-цать. Этих взял, потом трех не смог найти, а после и искать не стал. Ла-зишь за одной, а трех прозвевашь. Ну и черт с ними, пусть енотка со-жрет. Зато настрелялся! Великое вам спасибо за чудесную охоту!»

Симбиоз

Николай Иванович интересовался охотой не больше, чем улитка бале-том. Но в свои 35 лет при росте 178 сан-тиметров, он набрал 129 килограммов веса. Не помогли ни свирепый пи-щевой режим, ни гантели, ни эспан-дер, ни установленная в квартире швед-ская стенка. Жена, ухватившись за ре-комендации врачей, давно уже заста-вила его оформлять охотничьи докумен-

ты, приобрести оружие и снаряжение — все это на двоих, чтобы лично контролировать курс лечения. Муж год с лишним успешно отлынивал, но потом не выдержал натиска молодой красивой супруги. Начались поездки на охоту, конечно, бесплодные.

Когда мы познакомились, встретившись под вечер в Любанском охотхозяйстве, Нина Григорьевна глянула на нашу с сыном добычу и мигом оценила открывшуюся перспективу. У меня — знания, опыт и собака, у нее — автомобиль ЗИС (самый «престижный» в 30-е годы) и любительские права. Начала она исподволь — предложила доставить нас домой, в Ленинград, машину вела уверенно. Я не устоял — слишком велика была разница с обычным нашим возвращением: пешком до станции, поездом до трамвая, трамваем до дома. Да и супруги мне понравились, особенно Николай Иванович, умница, добродушный, тактичный, человек высокой культуры — крупный инженер, профессор.

На следующую охоту мы выехали вместе. «Первый блин», как полагается, вышел «комом». Ирма стала, я подвел толстяка к стойке, и мы увидели сидящего в десяти шагах дупеля. «Приготовьтесь, сейчас взлетит»... Гляжу, а он уже целится в сидячего. «Что вы делаете? Разобьете!». Продолжает целиться. «Так хоть по головке бейте!» А в ответ: «Где уж там по головке!» — и выстрел. От дупеля остался ком мяса, грязи и перьев, крыло и головка с перебитым клювом. Все это стрелок бережно обернул газетой и уложил в ягдташ, приговаривая: «Ведь это я впервые пролил кровь». Дальше — больше. В лесу, отделившись от нас, он подстрелил сову и добивать ее не стал — решил отвезти домой живую, в заплечном мешке. Птица, постепенно опомнившись, расправила когти и скизвю рюкзак и рубашку впилась в жирную спину. А мы, не зная о сове, не могли понять, что случилось. Сколько же было воплей и возни, пока удалось ее отцепить, распоров рюкзак и рубашку!

Со временем выработался четкий распорядок наших охот. Мы начинали вчетвером, Николай Иванович «на первых ролях». Ровно через два часа, независимо от результата своей охоты (как правило, нулевого) он возвращался к машине и, плотно заправившись, ложился спать под кустом. Это, по его мнению, было время лучших охотничьих переживаний в его жизни. Но Нина Григорьевна скоро примирилась с таким нарушением «лечебного процесса» — сама впадала в азарт, с каждым разом все больше увлекалась охотой. Она оказалась способной ученицей, на следующий год стала самостоятельной, и наш своеобразный симбиоз распался.

Но, пожалуй, хватит. Воздержусь и от критической оценки описанных компаньонов. Читатель и сам разберет «что такое хорошо и что такое плохо».

ПОЗДНИЙ ПРОЛЕТ

С. ФОКИН

Рисунок Б. Игнатьева

Вечером в самом конце октября, придя с работы, я получил телеграмму из двух слов: «Пролет начался». Телеграмма была от брата из Владимирской области. Он учился в пединституте и жил в деревне, что в двадцати километрах от районного центра, где находился институт. Страстный, неутомимый охотник, он ежедневно выкраивал время на охоту. Этот октябрь был затяжной, теплый и дождливый. Вот уж точно примета: если бабье лето теплое и сухое, то весь октябрь будет мокрый. Так и получилось. Пролетный вальдшнеп проскочил как-то незаметно. Поднимали со спаниелькой по 3—5 куликов за день в разных участках леса, но серьезных высыпок так и не было. Бекасы и гаршнепы попадались почти весь октябрь, и даже дупеля изредка встречались до двадцатых чисел месяца. С утками было плохо: с подхода охоты не было вообще, а вечерние перелеты оказались очень слабыми. Путной охоты с гончими также не получалось из-за дождливой погоды.

Но вот внезапно похолодало, пошел снег с дождем и пушистым ковром покрыл мокрую землю. В конце дня небо расчистилось, и к ночи вызвездилось, как в планетарии. Ночью хватил мороз до минус семи. На следующую

день-то я и получил ту самую телеграмму. Отгулы и у меня были и, уладив по телефону этот вопрос с начальством, я получил возможность вырваться на два дня на долгожданный утиный пролет.

С первой электричкой в пустом вагоне мчусь в деревню. За окном в предрассветных сумерках мелькают заснеженные поля, запорошенные елники, покрытые снегом платформы пригородных станций. Настоящая зима!

Через два с половиной часа машинист объявил мою остановку. Деревня — при станции. Подхожу к дому: первой меня встречает радостная спаниелька Дина. Брат уже в полной «боевой» готовности ждет меня на крыльце. Здесь же на холоде висит связка тяжелых крыкашей — четыре селезня и утка — результат вчерашней вечерней охоты.

— Еле удалось договориться с преподавателями, — говорит брат. — Практикум отработаю позже после занятий. Вчера весь вечер свист стоял в воздухе. Уток «выжало» из озер и карьеров. Не замерзли только Клязьма и Шитка, вот утки и носятся над водой.

Наскоро попив крепкого чаю, мы спешим к реке. Не беда, что уже пол-

ный рассвет. Это не летне-осенняя охота, где все решается в ранние утренние часы. Еще издали мы видим на большой высоте стаи уток, идущих в юго-западном направлении, придерживаясь русла реки Клязьмы. Они летят вереницей, шеренгой, клином и не собираются снижаться. Подходим ближе. Уже ясно, что охота будет непростая. Берег Клязьмы густо порос черемухой и красноталом. Местами буквально приходится продираться через заросли, а уж о выстреле не может быть и речи. Но именно тут-то под нависшими ивами, под самым берегом и таятся кряквы.

Раньше, охотясь без собаки, мы старались не стрелять по уткам над Клязьмой: придется бежать по берегу вниз по реке не один километр в надежде, что где-нибудь на повороте ее прибьет к берегу или она зацепится за нависшие кусты. Сейчас же становится как-то жалко посылать собаку в ледяную воду. Проходим по берегу уже около полукилометра, а утки лишь проносятся транзитом на большой высоте. Но вот в сплошной бахrome кустов — трехметровый прогал, берег здесь крутой, а у уреза воды — яркая зеленая осока. Подходим — ничего нет, как вдруг с оглушительным кряканьем «взрывается» из-под берега тяжелая крякуша. Наши выстрелы слылись в один, но утка даже не изменила направления своего полета: выстрелы были со слишком близкого расстояния.

В этот момент с металлическим жвжканьем из того же места срывается нарядный кряковый селезень (и как мы не заметили его раньше!). После выстрела брата он, поднимая фонтан брызг, шлепается в десятки метрах от берега. Стрелой бросается Дина с крутого берега в Клязьму и выносит к нашим ногам зеленоголового и краснолапого красавца. С полем! Идем дальше. На деревьях и кустах — снежная кухта. Ярко светит словно обмороженное солнце. На пушистом рыхлом снегу в уреме встречаются парные ямки горностаевых следов, свежие заячьи малики, ровные строчки лисьих нарысков. Нечаянно задетая плечом ветка осыпает холодным снеговым душем. На рябинах — по-зимнему копошатся красные и серые шарики — флегматичные неуклюжие снегири, лениво пересвистываясь друг с другом. Зима! Можно уже и на лыжах ходить. Даже не верится, что все это ненадолго. Не зря говорит народная примета: «От первого снега до санного пути ровно шесть недель».

Мои размышления прервал резкий свист утиных крыльев. Небольшая стайка уток низко пронеслась над берегом невдалеке от нас. Я достал манок, принял призывно крякать. Так и есть, развернулись, поворачивают. Налетают из-за кустов, заметили, затормозили в воздухе, но поздно: после двух дуплетов пара падает в «плантацию» колючего шиповника, а одна резко идет на снижение в сторону

луга. Дина приносит нам убитых птиц. Выходим на луг. Его белое полотно далеко просматривается в бинокль. Что это там чернеется у стога? Подходим, но Дина уже нас опережает: это наш трофей, причем не подранок, а сраженный наповал. С дробинкой под крылом селезень отлетел на сто метров и там упал замертво.

Продолжаем продвигаться вверх по реке. Собака что-то завозилась в кустах, закрутила хвостиком-пропеллером — и вот совсем рядом «взрывается» заяц. Еще темно-рыжий, лишь «штаны» поменял на белые, зимние. Дина с голосом устремляется за ним. Стрелять нельзя: заяц и собака выскочили из кустов почти одновременно. Беляк быстро скрывается в непролазную чаще уремы, а собака по нашему зову возвращается ни с чем. Она вновь подходит к заячьей лежке, изучает гонный след, засовывая нос в каждую ямку малика.

— Ко мне! — командует брат. — Не твое это дело, Дина. Ищи уток!

Опять спускаемся к воде и идем берегом. Где-то за поворотом азартно, словно хорошая подсадная, кричит в «осадку» крякуша. И тут же слышен свист крыльев — низко над водой, посередине Клязьмы, тянет табун уток. Я решил немного отстать, спрятался в кустах и начал манить. Манок, хороший и испытанный, не подвел и на этот раз. «Жвяя-жвяя», — с голосом, как весной, подлетает селезень и садится под нависшими кустами недалеко от меня. Манить больше нельзя: с близкого расстояния селезень может уловить малейшую фальшь и улететь. «Жвяя-жвяя, жвяя-жвяя», — тихо двоят нарядный кавалер и медленно выплывает в прогал между ветками. Тщательно целюсь, стреляю... Но вот чудо: крякаш успевает в момент выстрела резко поднять крылья вверх и, не перевертываясь, вертикально погрузиться в воду. В месте, где он только что находился, вода буквально вскипела от дробового снопа. Я внимательно оглядел весь берег, кусты, воду — селезня нигде не было. Как в воду канул! Не утонул же он? Была бы это чернеть или го-голь, я бы не удивился, но чтобы огромный кряковый селезень показал такую молниеносную реакцию и прыть — это было удивительно.

Подождал брат, я рассказал ему о случившемся. Собака лезла в кустах, но бесполезно. Наверное, селезень незаметно вынырнул вдали от берега и ушел вниз по течению, а может быть и улетел. После этого наши дела пошли неудачно. Уток было много: они сидели под берегом, но стрелять было неудобно из-за кустов. Часто мы только слышали впереди шумный утиный взлет, не видя их самих. Часть уток, взлетая, поворачивали назад, вниз по течению и садились под кусты уже пройденного нами участка пути.

«Давай попробуем нагоном?» — предложил брат. Так и делали. Я обо-

шел урему по лугу и затаился за кустами в начале широкого прогала. Брат с собакой полезли по кустам навстречу мне. Слышу: «Держи!» — и одна за другой пять крякв налетают на выстрел. Королевский дуплет! Утка и селезень падают на воду недалеко от берега, и их медленно подносит к кустам. Остальных крякв лишь провожаю взглядом — оба ствола пусты. Через минуту таким же образом налетает еще стайка и один селезень остается на воде. И вдруг — что такое? Мне расхотелось больше стрелять. Как охотник я полностью удовлетворен и стрельбой, и трофеями, и, конечно, самой охотой. Но мне очень хорошо знакомо чувство охотничьего насыщения. Такое уже случалось со мной. Прошлой весной на тяге вальдшнепов я взял четырех, и хотя лет лесных куликов был отменный, ружье было поставлено к березе. Я не ушел с тяги, а стоял до темноты, жадно ловя каждое хорканье и циканье, и, замирая, когда вальдшнеп тянул надо мной. Больше стрелять просто не хотелось. Но уже на следующий день я с еще большим нетерпением ждал вечерней зари и взял за нее двух вальдшнепов, да еще по двум промазал. О вчерашнем было забыто.

Так и сейчас: стрелять я больше не буду, но вечером обязательно пойду на Шитку на перелет.

— Что ж стрелял так мало? Я думал, тебе патронов не хватит, столько их поднялось, — спрашивал брат в то время, как неутомимая Дина подавала из ледяной воды трех моих уток.

— Далеко все были, ближе к тому берегу уходили, — солгал я. — Теперь я — в загон.

Брат уходит вперед, а мы с собакой остаемся, чтобы начать движение вдоль реки. Попискивают буроголовые гаички, смешно переворачиваясь кверху лапами, обследуя стволы и ветки старой черемухи. Они недовольно ворчат на нас с Диной: «Чжээ-чжээ». В зарослях шиповника вспыхивают редкие темно-красные ягоды-бочонки — память об ушедшем лете. Я срываю одну из них: она тает во рту, и я ощущаю терпко-сладкий вкус и аромат дикой розы. Сейчас опять будут взлетать затаившиеся утки, и сердце будет радостно замирать от каждого их шумного подъема...

К двум часам дня мы возвратились домой. В увесистой связке было одиннадцать пролетных кряквей. После утиного супа и горячего чая хочется отдохнуть, но короток осенний день. Пора на вечерний перелет! Благо его место недалеко — сразу под горой за деревней.

Оранжевое солнце склонилось к горизонту. По-зимнему пахнет печным дымом на деревенской улице. Печальная пора предзимья, долгожданный поздний утиный пролет... Снег поскрипывает под сапогами. Усталости как не бывало! Мы вновь идем навстречу своему охотничьему счастью.

КРАЙ СОБОЛИНЫЙ

ЗООАНТОЛОГИЯ

Немногие звери сравнятся по красоте с соболем. Но только двадцать русских поэтов уделили ему внимание. Лишь поэты-охотники, преимущественно сибиряки, смогли достаточно хорошо познакомиться с повадками и внеш-

ностью соболя и рассказать о нем в своих произведениях. Алтайский поэт И. И. Ерошин и дальневосточник П. С. Комаров написали несколько стихотворений о соболе. А всего в моем собрании ему посвящены 12 крупных

стихотворений и отрывков и 18 мелких, некоторые из них представляю вашему вниманию.

Ю. МЯСНИКОВ

Николай НЕЗЛОБИН (1891—1951)

БАРГУЗИНСКИЙ СОБОЛЬ

Баргузинский черный соболь
чем темнее,
тем ценнее.
Этот сорт совсем особый
из сибирских соболей.

Если хочешь — спрячешь в горстку,
а встряхнешь через ладонь —
все от мочки до подшерстка
заиграет,
как огонь.

На пушных аукционах
нам завидует весь мир:
соболь ходит в миллионах
фунтов, долларов и лир...

1950

БУРАН

Схоронились белки по дуплам,
Розовым комочком свернулись.
На приманку горностаю не выйдет,
Он в корнях мышонка поймает.
Не зажжет лиса перелеска
В погоне за робким зайцем.
Жирная не выползет выдра
Из норы ледяной кувыркаться
По хрустящему синему снегу.
Густомглистый с искрами соболь,
Легконогий, не бросит петли
Мягких лапок по рыхлому снегу.

1933

Иван ЕРОШИН (1894—1965)

НА СОБОЛЯ

Соболя ловить иду,
Дорогого соболя,
Соболя, похожего на ветку,
Черную ветку кедра,
Под синим, звонким инеем,
В морозную, ясную ночь.

1926

И. СЕЛЬВИНСКИЙ (1899—1968)

«Счастливым не слышит природы»,

О, если бы кто из косных
Заметил, как, снег, шеveled,
Купаются соболи в соснах,
Одетые в соболя!..

ЗВЕРОВОД

Евгений БЕРЕЗНИЦКИЙ (1911)

С незатаенной, жгучей злобой
В питомник попадает соболь.
Грустит он... Пищи не берет,
Добычи теплой трепет помнит,
Но вот его в круговорот
Спокойных дней втянул питомник.

Трущобы милы для зверька
И тропы тайные по скалам;
И как же можно, чтоб рука
Его любовно приласкала!

Следит, забравшись в уголок,
Из-под опущенного века;
Потом ложится, как щенок,
Ласкаясь и визжа у ног
Заботливого человека.

Теперь из рук берет еду,
По-кошачьи сощутив глазки,—
Принял, как принимал вражду,
Подачу человеческой ласки.

Пускай, как встарь, ревет пурга,
Седой утес глядится в воду —
Но, кажется, сама тайга
Ложится в ноги звероводу.

С улыбкой гордой зверовод
Встречает дорогой приплод.

1931

«ОХОТНИЧЬЕ БРАТСТВО»

Профессиональная критика не жалует своим вниманием книги о природе, тем более — об охоте. То ли потому, что сама тематика далека от наиболее «кабинетной» отрасли литературы, или, — если говорить об охоте, — оттого, что распространявшееся с некоторых пор (среди горожан, в основном) мнение стало относить это занятие к разряду безнравственных... А может быть, просто объясняется все тем же тихим забвением многих характерных черт жизни российского общества, которое обесцвечивает и холостит наше нынешнее житье?

А ведь в потоке русской словесности всегда была заметна струйка охотничьей литературы, отличавшаяся особой эмоциональностью и самобытным, колоритным языком. Один Дрианский с его «Записками мелко-травчатого» чего стоит!

Охотничьи мотивы традиционно использовались и другими видами искусства. В очень многих старых домах и сейчас еще можно увидеть живописные полотна и литографии, изображающие токующих на весенней поляне тетеревов, тянущего в закатном небе вальдшнепа, поющего на сосновой ветке глухаря, заложившихся в лихой скачке по красному зверю красавцев-борзых, статуэтки картинно заставших на стойке сеттеров, украшающих столы и комоды... Охота была одной из граней жизни, насыщавших ее красотой.

Все это питалось тем интересом к природе, — а значит, и знанием ее, и бережным к ней отношением, — который был присущ самым широким слоям российского населения. Увлечение охотой, предоставлявшей возможность общения с природой, считалось естественным и достойным мужским занятием. Такое отношение к охоте являлось поистине национальной особенностью прежнего общества.

Когда же, стараниями каких людей охота оказалась в числе предосудительных и, более того, безнравственных дел? Ответить на этот вопрос не так просто, он имеет глубокие корни. Он требует отдельного, подробного и доказательного разговора...

Так или иначе, но такое мнение существует. Не популярной стала и охотничья тематика в искусстве. Как правило, отрешиваются от охотничьих рукописей, независимо от их художественного уровня, журнальные и книжные редакции: «Убийство!» «Не гуманно!». И поэтому далеко не каждый литератор, проводящий с ружьем и

собакой едва ли не лучшие часы своей жизни, отважится написать о том, что испытывает он, оказавшись наконец-то на охоте, с трудом выкроив для этого неделю среди множества дел и забот, и предпочтет стыдливо помалкивать: в самом деле, не обходится ведь охота без убийства...

Да разве в добыче, в убийстве дело?! Впрочем, вопрос этот снова уходит к разговору отдельному, не здесь ему место...

Редко-редко, но охотничьи книги сквозь скрещенные издательские перья-штыки все же прорываются. Без рекламы, без шумных критических статей они быстро раскупаются охотниками-библиофилами и многими «сочувствующими», не имеющими по той или иной причине ружья и собаки, но сохранившими связь с природой и влечение к охоте.

Такая книга — «Охотничье братство» — вышла в Ленинграде в 1990 году. К сожалению, мизерным тиражом — 30 тысяч. Мало. Охотников-библиофилов в стране куда больше, не говоря уж о «сочувствующих» и просто любителях пусть не «модных», но хороших книг. И потому она тут же с прилавков исчезла. И не могла не исчезнуть: писатель зарекомендовал себя очень достойными книгами «Журавлиная родина», «Радоль», «Озеро Тихое», выходящими в последние годы, и рассказами в ленинградских «толстых» журналах.

Хорошо названа новая книга: именно «братство», братское единение людей, составивших круг друзей автора, предстает читателю на ее страницах. Она словно бы перекликается с названием журнала, некогда издававшегося в России — «Семья охотников»...

Разного возраста и рода занятий, весьма именитые и вовсе не обремененные широкой известностью, герои рассказов равны в их охотничьем пристрастии. Шофер Ильюша Селюгин и вице-президент АН СССР, лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов; «редкостно достойный человек» егеря Василий Матвеевич Салынский и замечательные русские писатели Виталий Бианки, Иван Сергеевич Соколов-Микитов; легендарный первоисследователь Северной Земли, первооткрыватель Норильского рудного района Н. Н. Урванцев, его жена-охотница, врач Елизавета Ивановна, Народный артист СССР Николай Черкасов, доктор «всех наук» Д. В. Тищенко... Интеллектуалы духа, они одухотворили и свое любимое занятие, охоту; только такового она и имеет право на существование! Надо ли было автору полемизировать с теми, кто предаёт охоту анафеме, защищать нравственную высоту его друзей-охотников? Он не снисходит до этого. С теплотой и любовью, проглядываю-

щими в суровой сдержанности, свойственной его перу, Алексей Ливеровский пишет о своих друзьях, людях незаурядных, простых в общении, добросословных друг к другу и к людям. Все они — настоящие охотники, приверженцы поэтической «тургеневской» охоты. Им чужды вельможные наезды в привилегированные охотничьи хозяйства с их удушающей безвкусной роскошью, мрачными возлияниями и угодливостью развращенной подачками челяди. Охота охоте рознь, и не всякий, имеющий в руках ружье, может быть назван охотником.

Верно отмечено в краткой редакционной аннотации к книге: «Проза одного из старейших ленинградских писателей Алексея Ливеровского несет в себе нравственный, очищающий заряд».

Добрый подарок читателю преподнесло издательство, выпустив такую книгу.

Отметим еще одну особенность: это проза знающего человека. Досконально знает автор природу, охоту, собак, быт и говор однодеревенцев-новгородцев. Знает жизнь. Ни одного фальшивого слова нет в его книгах. Он знает то, о чем пишет, и пишет только то, что знает.

Алексей Алексеевич Ливеровский прожил большую, бодрую, деятельную жизнь. Доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии, писатель... Для одной, даже долгой, жизни этого немало. И Охотник. Собранный, целеустремленный, волевой человек. Не охота ли помогла ему в его нелегкой и завидной судьбе?

Вот что пишет в одной из своих статей сам Алексей Алексеевич:

«Славлю охоту! Она сделала меня мужчиной, здоровым и выносливым, уверенным в своих силах. В детские годы была любимой увлекательной игрой и отучила бояться неведомого леса, темноты, мистики неосознанно. В дни молодости уводила от дружеских попок, картежной игры, дешевых знакомств, показной стороны жизни. Зрелого — натолкнула на радость познания родной природы. Под уклон жизни — спасла от многих разочарований и психической усталости».

Книга «Охотничье братство» — художественная, но и документальная, что подкрепляется многими фотографиями разных лет, приведенными на ее страницах. Она стала итоговой и в творчестве Алексея Алексеевича Ливеровского, и в его судьбе. Горько — не дождался он ее выхода, не подержал в руках, не полюбовался хорошо оформленным изданием.

Сякнет охотничья струйка в русской литературе...

* Алексей Ливеровский. Охотничье братство. Рассказы. Изд-во «Советский писатель», Ленинград, 1990. — 30 000 экз. — 414 с. — 2 р.

Из диких животных наибольшее экономическое значение в Финляндии имеет лось.

ОХОТА В ФИНЛЯНДИИ

С. АЛЬГРЕН
Финляндия

Я часто посещал уголья Советского Союза, а также устраивал соответствующие поездки советских охотников в Финляндию. Это сотрудничество берет начало с 1957 г., то есть еще за год до создания Росохотрыболовсоюза. Сотрудничество это, кроме чисто охотничьих экскурсий, включало также встречи охотоведов и контакты на уровне заинтересованных организаций.

Часто я замечал, что многие наши (финские) мероприятия вызывают улыбку у советских охотников, но улыбка эта доброжелательная — ведь по обе стороны границы может быть очень разное понимание одних и тех же вопросов охотничьего хозяйства. Приведу несколько примеров. У вас охотятся на глухаря и тетерева и весной, у нас же только осенью. У нас крупные наземные хищники находятся под специальной защитой, особенно росомаха, волк и медведь. Лицензии на отстрел рыси выдают в ограниченном количестве. У вас же выплачивают премию за убитого волка. В Финляндии тетерева зимой интенсивно подкармливают овсом из кормушек-автоматов, у вас же этого нет. У нас охотники на лосей надевают красные куртки и шапки, у вас — нет.

Перечень таких противопоставлений можно продолжать еще и еще, но моя цель не в этом. Пожалуй, сказанного достаточно, чтобы показать, сколь различен может быть подход к охотоведческим вопросам в разных странах.

В Финляндии 278 тыс. охотников. Для вступления в их ряды предусматривается сдача специального экзамена. К нему готовятся по соответствующей книге, текст которой построен в виде ответов на вопросы. Книга эта постоянно обновляется — по мере того, как появляется что-то новое в охотоведении и законодательстве. Чтобы стать охотником на лося, нужно, кроме того, сдать экзамен по стрельбе с применением охотничьего оружия соответствующего калибра. Использование разрывных пуль запрещено.

Охотник должен ежегодно покупать охотничий билет. Плата за него является одновременно членским взносом в Центральную Организацию Охотников. Пост руководителя этой организации занимает ветеринарный врач Матти Валтонен. Организация эта — не добровольное общество, а законодательно учрежденный орган, призванный просвещать охотников и, в частности, обеспечивать каждого охотни-

ка газетой «Метастая» («Охотник»). В Финляндии имеется одно большое добровольное общество охотников — Союз Охотников Финляндии, штаб-квартира которого находится в городе Риихимяки, недалеко от Хельсинки. Число его членов 120 тыс. человек. Пост председателя занимает Юха Кайрикко. Союз издает журнал «Урхейлуметсастус» («Спортивная охота»). Кроме того, в стране есть еще два небольших отраслевых организационных центра охотников, включающих в себя около 3 тыс. членов.

Из диких животных Финляндии наибольшее экономическое значение имеет лось. Его предпромысловая численность составляет около 150 тыс. голов. Добыча в 1989 г. составила 53 623 особи. Плотность населения лосей находится в прямой зависимости от наличия пастбищ. В северных районах страны она на 4 головы (на тысячу гектаров) меньше, чем в южных. Оживленное движение транспорта создает специфические проблемы для лосей. Достаточно сказать, что в среднем по стране каждые два дня семь лосей становятся жертвами дорожных аварий, погибая при этом сами и вызывая увечья и гибель людей.

Финские и советские охотоведы — специалисты по лосям провели ряд совместных исследований. В Финляндии, в городе Ахвен-ярви, имеется научно-исследовательский институт, который специализируется на решении вопросов, связанных с лосем. В стране в последнее время стали брать под охрану места концентрации лосей и оборудовать для них кормушки.

Достоен упоминания также как объект охоты белохвостый олень. Автор данной статьи поставил экземпляры этих животных в Московский и Ленинградский зоопарки. Этот олень завезен из Северной Америки и хорошо акклиматизировался в Финляндии. Белохвостый олень часто становится добычей рыси, которая скапливается в тех уголках, где велика плотность оленьего населения.

Объем добычи мелкой дичи переменчив по годам и может быть приблизительно оценен такими цифрами: водоплавающей дичи — 800 тыс. штук; зайцев — 400 тыс.; тетеревиных птиц — 230 тыс.; голубей — 90 тыс.; пушных зверей — 400 тыс.; белохвостых оленей — 8 тыс.

У Финляндии и Советского Союза протяженная общая граница. Через эту границу переходят из страны в страну как различные охотничьи животные (енотовидные собаки, кабаны, волки, медведи, тетеревиные), так и паразиты и болезни (например, бешенство). Кабан в Финляндии объявлен вне закона. Более всего из Финляндии в Советский Союз прибывает водоплавающих птиц. Небольшие группы их собираются в стаи на Валдайской возвышенности в верховьях Волги, затем следует вдоль этой реки и после отдыха в дельте Волги продолжают свой путь в Иран и Ирак.

Правом на охоту в Финляндии обладает землевладелец. Примерно треть площади страны принадлежит государству. На этих землях имеют право охотиться местные жители. Можно получить возможность поохотиться, хотя и в ограниченном объеме, и в других местах страны. На практике делами охоты занимаются соответствующие местные охотничьи кружки, которых в стране насчитывается более тысячи. Они, в общем, немногочисленны, объединяют в среднем по 10—30 человек. Но их малый размер — это их сила, ибо дает возможность многим охотникам, входя в правление общества, самоутвердиться как личности.

Финляндия располагает весьма густой сетью тиров и стрельбищ. Стрелковый спорт очень распространен. Многие охотники кружки ежегодно выдают своим членам свидетельства об уровне их стрелкового мастерства. Того, кто не получил такого свидетельства, на стрелковую линию не ставят. Они имеют право принимать участие в охоте только в качестве загонщиков. Стендовая стрельба по тарелочкам тоже является одним из видов охотничьего спорта. В стране работают полностью автоматизированные заводы по выпуску стендовых тарелочек, поставляющие свою продукцию также и в Советский Союз.

Охотники Финляндии активно участвуют в учетах численности дичи, результаты которых кладутся в основу ежегодных квот отстрела и определения сроков охоты.

Фазанов в небольшом количестве разводят для охоты. Кряковых уток в большом количестве выращивают в питомнике, расположенном в губернии Похьянмаа на севере Финляндии, но используют их главным образом для нужд ресторанов. Весьма успешно проходят сейчас эксперименты по разведению кабанов в качестве домашних животных.

Финляндия — один из крупнейших в мире производителей звероводческой пушнины. Наша страна поставляет также племенных производителей для звероферм Советского Союза. Однако в настоящее время звероводство столкнулось с экономическими трудностями и получает государственные дотации. Добыча охотничьей пушнины снизилась, в частности, из-за распространения лисьей чесотки и других болезней. Поголовье белок незначительно.

На охоте используют в основном две породы собак: для загонной (облавной) охоты — финскую гончую, для рыжей охоты — финского шпица. Автор статьи в 50-х годах привез этих собак в Советский Союз. В ответ были получены в дар выращенные Александром Лавровым костромские гончие и русские борзые из Куйбышевской области. Позже были ввезены восточно- и западно-сибирские лайки, которые хорошо зарекомендовали себя на охоте.

КЕКЛИК (другое его название — каменная куропатка). Телосложением он напоминает серую куропатку, но крупнее ее. Длина тела около 35 см. Вес самца до 800 г, самки — до 550 г. Верх тела кеклика розовато-серый, бока тела, зоб и верх груди голубовато-серые, низ тела рыжеватый. На боках тела поперечные черные полосы. На горле черное «ожерелье». Ноги и клюв у птиц красные. Самец, помимо более крупных размеров, отличается от самки наличием на ногах коротких шпор. Повадки и полет кекликов типично куриные. Птицы хорошо бегают, легко взбираются по крутым скалам. Кормясь, они бегут только вверх по склону. Молодые при опасности затаиваются. И молодые и взрослые птицы благодаря своей окраске малозаметны на фоне камней и скал. Большую часть года кеклики держатся стаями, в период размножения — парами и выводками. Крики их разнообразны; чаще слышится характерный крик птиц, который передается как «ке-ке-лек, ке-ке-лек» (откуда и происходит название кекликов).

Кеклики ведут в основном оседлую жизнь; лишь зимой, при выпадении в горах снега, они спускаются в нижерасположенные малоснежные районы. Населяют птицы горные ущелья, каменистые склоны гор — от верхней границы леса до подножий снежников и ледников. По каменистым россыпям они проникают в предгорья, а по скалистым останцам и глинистым холмам — также в песчаные пустыни.

В марте — апреле кеклики разбиваются на пары, что сопровождается драками самцов. В мае — июне самка откладывает 20, иногда — до 24 желтоватых с коричневыми крапинками яиц. Гнездо, которое также устраивает самка, представляет собой неглубокую ямку, спрятанную под укрытием камня или куста, выстланную стеблями трав и перьями. Во время гнездования самец находится поблизости. Он принимает участие как в насиживании, которое длится около 25 дней, так и в воспитании птенцов. Пуховые птенцы кеклика сверху коричневато-желтые с бурой полосой на спине, снизу — белые. Некоторые пары устраивают по два гнезда. В одном из них яйца насиживает самка, в другом — самец.

Кормятся птицы почти исключительно на земле, лишь изредка взлетают на деревья. Корм их составляют семена, плоды, клубни, стебли растений; в меньшей мере они потребляют животные корма — насекомых и их личинки, пауков, моллюсков. Летом они нуждаются в воде и регулярно, два-три раза в день, бегают на водопой (иногда — за несколько километров).

В СССР кеклик распространен в горах Кавказа, юга Сибири, в Средней Азии и Казахстане; за пределами Советского Союза — в горных районах от юго-востока Европы до Китая. Численность птиц по годам сильно колеблется.

Как объект спортивной (а в прошлом также и промысловой) охоты кеклик имеет важное значение. В республиках Средней Азии распространено клеточное содержание кекликов.

ПУСТЫННАЯ КУРОПАТКА (звут ее также чиль, пустынной или горной курочкой). Размером она крупнее перепела, но мельче серой куропатки; по внешности и повадкам напоминает кеклика. Длина ее тела около 30 см, вес около 200 г. Верх тела у птицы серовато-желтый, с черными пестринками на пояснице, низ рыжевато-розовый. Клюв оранжевый, ноги грязно-желтые. У самца на боках тела широкие черные и коричневые продольные полосы. Лоб и полоса над глазом черные. Крик птиц — двусложный свист, передается как «силь-силь», или «чиль-чиль» (откуда и происходит одно из их названий). Передвигаются пустынные куропатки главным образом при помощи ног, взлетают неохотно, редко.

Обитают в глинистых и каменистых предгорьях с чахлой растительностью, оседлы; в гнездовое время держатся поодиночке, парами и выводками, остальную часть года держатся стайками. Непременное условие обитания птиц — близость воды; водопой они посещают несколько раз в день.

В СССР пустынные куропатки распространены в Туркмении и Таджикистане, за пределами Советского Союза — в Турции, Иране, Пакистане. В нашей стране они всюду немногочисленны, местами представляют второстепенный объект охоты.

С. УСПЕНСКИЙ,
профессор

См. также 4-ю стр. обложки

ОБМАНУТЫЙ ПОГОДОЙ

ТОГУЧИНСКИЕ ЗАЙЦЫ

ВОЛКИ И БОБРЫ

Шел я по старой лесополосе, 13 января 1991 г. около 14 часов дня и вдруг змея, да, да, я не ошибся — змея, решил ее побеспокоить, она оказалась подвижной и старалась своими движениями напугать меня. Температура была $+8^{\circ}$, а до этого температура была даже $+2^{\circ}$. Декабрь и половина января в этой местности выдались теплые. Погода обманула змею, и она вылезла из норы, а ведь через неделю Крещенские морозы.

Е. ЧЕРНОУРОВ
Ростовская обл.

Мой охотничий стаж 30 лет и все эти годы любимой охотой остается зимняя охота на зайца.

Об изобретательности, находчивости и хитрости зайцев написано немало. Хочу и я поведать о необычном поведении этих маленьких лесных зверьков. 2 февраля 1991 г. я охотился на зайцев в Тогучинском районе Новосибирской области. Неделью стояла хорошая морозная погода, зайцы натоптали такое множество следов, что ни о каком троплении не могло быть и речи. Я на удачу ходил вдоль лесозащитных полос и наткнулся на полужансенную снегом тушку лисицы. Шкурка с нее была снята. Снег вокруг тушки был утрамбован множеством заячьих следов и... невиданное... зайцы ели лисицу. Она была порядочно погрызана, погрызы типично заячьи. Следов других животных или птиц не было. Наверное, зайцам иногда нужны какие-то минеральные соли. Падалью они интересуются, но никогда не трогают.

А вот селедку тогучинские зайцы обожают. В тот же день забрел я на небольшую лесную полянку. Полянка, как полянка, со стоком сена посредине. Какой-то заботливый колхозник

накопил сена для своей коровы. Только полянка эта была истоптана зайцами, ну что футбольное поле — футболистами. Вместо мяча зайцы по ночам гоняли большую плоскую банку с селедкой. От мороза банка лопнула и застывший рассол с селедкой стал для зайцев солонцом. Утерял эту банку с селедкой колхозник еще летом, когда косил траву на поляне. Первый крепкий мороз банку открыл, с той поры местные зайцы не дают ей покоя, гоняют по поляне и лижут селедочный рассол.

А. ЗЫКОВ
Новосибирская обл.

В середине февраля 1991 г. мы с друзьями отправились на речку порыбачить хариуса. Утро выдалось на славу, деревья были украшены изморозью, движение воздуха едва ощущалось. Тихо переговариваясь, пройдя около трех километров, мы спустились на лед. Каково же было наше удивление, когда мы увидели на снегу множество следов волка. На белом фоне виднелись темные пятна, оказалось, что это свежий кал, несъеденные обглоданные кости бобров, кровь и лежки волка на льду. Кости наталкивали на мысль, что волки сыты.

Идти до места рыбалки надо было вниз по реке еще два километра. Пройдя метров сто, мы увидели свежие наброды волков на берегу; внимательно рассмотрев следы, определили, что в стае пять волков. Пройдя еще немного, около лунки бобра, по следам, увидели разыгравшуюся трагедию. Я решил узнать, как же волки поймали такого осторожного зверя, тем более что бобр на берег не вылезал, инвентар торчал прямо у льда, да и подняться на крутой снежный берег высотой около двух метров, затруднительно. На берегу было пять лежек. Видимо, обнаружив след бобра, волки, сделав круг со стороны леса, подошли к реке, и на берегу в пределах одного прыжка караулили. Когда бобр вышел на лед, крайний волк мощным прыжком сверху прыгнул на него и схватил.

На обратном пути мы пересчитали нанесенные стаей волков убытки за неделю. На расстоянии в 4 км волки взяли 9 бобров. Нетрудно подсчитать ущерб за год. Напрашивается вывод, что с волками надо бороться и регулировать их численность.

А. ШИЛОВСКИЙ,
охотник-любитель
Вологодская обл.

Дорогая редакция!

Моя фамилия Томаш Микульски, я живу в Польше. Я уже семь лет читаю журнал «Охота

и охотничье хозяйство» и очень интересуюсь охотой в вашей стране. Я хотел бы переписываться с вашими охотниками.

Теперь несколько о себе, мне 30 лет, я работаю лесоводом, охотой увлекаюсь уже восемь лет. Живу в маленьком городе Сенява.

MIKULSKI Tomasz
37-530 Siczma
T/Maja 918
Польша

Я хочу начать личную переписку с советским гражданином в надежде наладить контакт с небольшой группой охотников, которые охотятся с помощью хищных птиц. Увидев ваш адрес, я решил, что соколиные охотники — это сельские жители и в вашей стране они должны быть.

Я буду благодарен любой попытке с вашей стороны посодействовать мне в установлении контакта с советскими соколиными охотниками. Я могу предложить моему советскому партнеру обмен изданиями, информацией, коллоквиумами для птиц и своим опытом.

Ричард ЛОУРИ
Richard G. Lomery, R.
T. (N)
Rt. 1, Box 257,
Downsville, La. (USA)

Уважаемая редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство».

Пишет вам житель маленькой украинской деревни, страстный читатель и регулярный подписчик вашего журнала. Мне 26 лет, из них шесть я член Украинского общества охотников и рыболовов. Два года я жил и работал на Витебщине. Вот где раздолье для истинного охотника! Отработав положенные пять дней трудоучастия, сдал охотминимум, уплатил членские взносы, поставил штампик в билет — и все. Охотился на уток, потом на пушного зверя. Три дня охоты — суббота, воскресенье, понедельник, и никакие путевки, за которыми сейчас, увы, приходится ездить за 30 км. Это единственное место, где я востребованных людей дела, а не бюрократов. У нас же на уток сезонная путевка стоит 10 руб., на зайца — 20 руб. и взнос 11 руб. Если по каким-то причинам не отработал три дня, плати еще 15 руб. Выходит 56 рублей, да еще за путевками наездиться. Охота проводится без захода в лес. Вы мне, надеюсь, поверите, что встретить в чистом поле не то что лисицу, а обыкновенного зайца просто невозможно, да еще в середине сезона. Очень бы хотелось поехать на сезон-другой в какой-

нибудь госпромхоз, может, что мне напишет: 288638, УССР, Винницкая обл., Барский район, с. Шевченково, В. Комару.

Дорогая редакция!

Постараюсь коротко изложить свою просьбу. Я охотник с восьмилетним стажем. Живу на Украине в Житомирской области. Не буду вам описывать свою любовь к природе, к братьям нашим меньшим, скажу только, что сам себя считаю охотником, а не добытчиком. Являюсь заместителем председателя профкомитета в большом семеноводческом совхозе.

Охота у нас, сами знаете, очень скоротечная. Зимний сезон составил в этом году 14 выходов — и все. Ружье — в сейф до лета. В этом году по чистой случайности мне посчастливилось поохотиться недельку в Карелии. И я понял, как прекрасна и разнообразна природа и охота по всей нашей великой стране. И очень захотелось побродить с ружьем по знаменитой Мещерской стороне, полюбоваться прелестями Северного Урала, Сибири, Алтая. А о Вологодской и Костромской охоте на овсах только можно мечтать.

Моя просьба заключается в следующем: помогите отыскать единомышленников в отряде охотников, которые смогли бы помочь мне осуществить свою мечту. Мой адрес: 260390, УССР, Житомирская обл., Малинский район, с. Барвинки, В. Шоботенко.

Уважаемая редакция!

Для меня сегодня было двойное событие, получил третий номер, а в нем статья А. Чефранова «Дела давно минувших дней». Прочитал статью и почти все свое детство вспомнил. Дело в том, что все эти события происходили у меня на глазах, а А. Чефранов, мой товарищ, жил в то время на другой стороне нашей улицы и все наши походы с удочками, луками, а затем и его ружьем проходили совместно. Время немолимо бежит вперед. За это время мне приходилось охотиться на Камчатке, в дельте Дуная, на Севере Тюмени, Якутии и заполярных районах Индигирки, Иркутской области, а вот с Александром Чефрановым связь оборвалась. Давно я не посещал города, в котором прошло наше детство и где до сих пор живут наши родственники. Спасибо за эту статью.

Мой адрес: 664009, г. Иркутск-9, ул. 1-я Советская, д. 85, кв. 47.

Н. САДОВЧЕНКО
г. Иркутск

Перебирая наши охотничьи журналы, попались мне на глаза две небольшие статьи в номере 1 за 1990 г. В одной из них 16-летний А. Омельченко обращается к взрослым людям с просьбой принять его в коллектив охотников. И как продолжение к этому статья В. Чупика, общественного инспектора из г. Норильска, который призывает не сделать ошибку, приобщив 16-летних к взрослым коллективам. Товарищи взрослые, сколько же вы будете ставить препоны молодым? Вы подумайте, не переборщите ли вы в оттапливании от себя повзрослевших ребят? Не по этому ли т. Чупику порубили деревья возле избы?

Я поддерживаю В. Омельченко. Мой отец охотник. Я постоянно возле него, оружие знаю, способы охоты и технику безопасности тоже. Патроны заряжаю вместе с ним, учусь в техникуме, физически здоров. Так почему же не принять меня в союз охотников? Или лучше если я буду лишним два года хулиганить, вокруг домов ветки ломать?

Подумайте взрослые, вы и так уже с нами много натворили!

С. ПОЛУНИН, 16 лет.
г. Оренбург

Недалеко от фермы, где я работал заведующим, находился скотомогильник. Зимой здесь лисы набивали целые тропы, и мой отец и старший брат очень удачно охотились на них когда-то ночами на привадах. Привили эту страсть они и мне. Приходилось наблюдать, как сильный лисовник разгонял от самки зайчишких ухажеров.

21 февраля 1983 г. ночью выпал снег. Рано утром подходя к скотомогильнику, еще издали заметил: туша свиньи съедена наполовину, снег весь взбит, всюду крупные следы. Волки! Прийдя сюда на следующее утро, я увидел, что от свиньи остались лишь голова и часть ноги. Значит, хищники голодают и придут, наверняка, снова. Вот только когда — до полуночи или позже? Выше волчьей тропы я сделал скрадок, все припудрил снегом и утыкал бурьяном. Около девяти часов вечера вышел из дома. Когда пришел к скрадку, понял, что сидеть в нем не придется: ветер повернул и дул теперь от скрадка на волчью сторону. Вдобавок ударил крепкий мороз. Пришлось усесться в старый полузаброшенный скрадок в трех метрах от изгороди-загона для скота. Если волки пойдут вдоль изгороди, против ветра, они учуют меня раньше, чем я их увижу. Но лучшего варианта нет, и я устроившись «поудобнее» лицом к скотомогильнику. Ветер подул еще сильнее, нео-

жиданно повалил снег и шел около часа. Луна зашла, но на свежем белом снегу все отчетливо видно в 50—60 метрах. Время около часа ночи. Мороз жжет нос и правую щеку — оттуда дует ветер. Холод давно пробрался под полушубок, и дрожь все чаще пробегает по спине. Не замечаю, как начинаю дремать. Отчетливый, совсем рядом лай лисицы заставил вздрогнуть — сон как рукой сняло. Осторожно смотрю на светящийся циферблат — около четырех часов утра, и я теряю надежду на удачу. На ферме хлопают двери, уходят домой ночные сторожа, недалеко заработал трактор. Надо идти домой, в последний момент решил посидеть еще немного. И вдруг рядом, шагах в двадцати, совершенно бесшумно возник силуэт — волк! Из холода кинуло в жар, а сердце, которому стало мало места в груди, бешено отбивает «тюк-тюк». Состояние, которое нельзя передать словами — его надо пережить. Как же дороги эти минуты, секунды, мгновения! Волк подошел к скелету свиньи, обнюхал, и не спеша пошел дальше. Вскидываю ружье и краем глаза замечаю, как слева выливают еще три тени. Приклад предательски шаркнул о задубленный полушубок. Первый волк, мгновенно развернувшись, летит назад. Беру небольшое упреждение — выстрел. Волк лежит, распластавшись на снегу. Посмотрел на часы — десять минут шестого, рабочий день начинается, недалеко разговаривают рабочие, едет трактор. И все это в трехстах метрах от меня, где совсем недавно были волки. До чего это умный, коварный хищник! Рассматриваю свой трофей, это очень крупный матерый зверь, в оскаленной пасти немного подтертые клыки, ему где-то лет 5.

Взели волка домой на тракторе — тяжелым оказался. Дома глянул на термометр — было 17 градусов мороза. Вспомнились слова уже покойного отца: «Засидки — это прежде всего терпение и вера в удачу».

М. НИКОНКОВ
Воронежская область

Очень прошу Вас через журнал поблагодарить и выразить искреннюю охотничью признательность и большое человеческое спасибо мастеру-сборщику производственного объединения «Ижевский механический завод» за изготовление подарочно-сувенирного ружья ИЖ-26Е ПС № 9051804, 12 калибра, изготовленного 29.08.90 г., к сожалению, ни в паспорте, ни на стволах нет фамилии, имени, отчества мастера, делавшего это ружье, в которое он вложил действительно часть своей души. Оно отличается высокохудожественной гравировкой ручной работы, высококачественной

подгонкой всех деталей, резким и кучным боем. Такое ружье отечественного производства ни в какой мере не уступит ружьям зарубежных марок, его приятно в руках держать даже не охотнику.

Прошу поблагодарить через журнал мастера, а то в последнее время много весьма не лестных отзывов на качество и торпорную работу в изготовлении ружей заводами-изготовителями.

В. КОРОТКОВ
г. Приморско-Ахтарск

В начале октября 1990 г. к нам в Манский район Красноярского края приехал американец (миллионер) Роберт Тэлл — страстный охотник. Районный охотовед П. Ф. Алексеев пригласил меня с собой. Редактор нашей газеты отпустила с условием, что я возьму у американца интервью. Рано утром 6 октября группа охотников-любителей в составе трех человек — П. А. Сокола, В. Г. Анциферова и меня — выехала в тайгу для разбивки лагеря. Вечером, когда палаточный лагерь был готов, прилетел вертолет с американцем и охотоведом Алексеевым. Началось знакомство, рукопожатие. Через переводчика мы объяснились с американцем. Это был разговор об охоте, о жизни. Роберт Тэлл рассказал нам о себе, что он строил небоскребы в 43 этажа. Сейчас на пенсии. Свою фирму передал сыну, а сам разъезжает по странам. Два года добивался разрешения приехать в Советский Союз со своим оружием. За разговором незаметно пролетела ночь. Рано утром стали собираться.

Моя задача была выманить на трубу марала, задача охотоведа — подвести к нему американца. Это было непросто, так как нужно было выставить марала с рогами не менее чем по

шесть отростков. Такой трофей будет стоить американцу 5000 долларов.

Охота на реву началась. Заиграл я в трубу. Утро было морозное, эхо далеко покатило по тайге. Стоим, слушаем. И вот долгожданный ответ. Заревел бык. Давинулись к нему. Здесь нужна осторожность и, самое главное, учитывать направление ветра, ведь если зверь уловит запах, охота пропала.

На вырубку леса вышел марал. Американец долго его рассматривал в оптику, потом повернулся к нам и на пальцах стал объяснять, что ему этот марал не подходит из-за маленьких рогов. Вечером ушли искать другого марала. Долгожданный рев. Стали подходить — и опять неудача: зверь, почуяв опасность, ушел. Быстро стемнело, и мы повернули к лагерю. Американец очень переживал, что упустил такой трофей. У этого марала были крупные рога. Следующее утро мы опять посвятили охоте, и на этот раз удачно. Рога и голову марала американец увез к себе на родину.

В декабре я получил письмо-открытку из Америки от Роберта Тэлла. Он пишет: «Я хочу поблагодарить вас за то чудесное время, что я провел с вами во время охоты на марала. Ваша природа очень походит на природу моей страны. Я надеюсь, что в будущем у меня будет время приехать к вам на более длительное время, и я буду очень рад увидеть вас снова. Я желаю вам удачи, счастья в наступающем Новом году. Мои наилучшие пожелания к предстоящему сезону охоты. Надеюсь, что пути наши пересекутся вновь».

Ваш друг Роберт Тэлл».

Посылаю вам фотографию: слева направо: охотовед П. Ф. Алексеев, Р. Тэлл, охотник-любитель П. А. Сокол и я.

М. КОСТЮЧЕНКО

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

Накануне выпал тропный снег, мягкий, бесшумный. Когда идешь, не слышно своих шагов. Покров снега достигал 20—25 см. И что удивительно, на кустарнике не было привычных кусты и навеси. Снег падал сухим, с ветром. Такое в Приморье случается редко. Видимость была отличной.

В этих условиях зверь, особенно кабан, выбирает густые заросли, где устраивает берлогу и кормится. Такой момент упустить нельзя. Договорился с товарищем, страстным охотником, с которым охотился в уссурийской тайге более 30 лет. Это Корень Владимир Павлович, человек до фанатизма смелый, крепко сложенный, он не один раз встречался один на один с медведем и другими опасными хищниками. Охотились мы по договорам сначала с райзаготконторой, потом с госпромхозами, заготавливали мясо диких животных — кабана, медведя, изюбра, а также добывали пушнину капканами.

Итак, 20 ноября 1970 г. мы в дороге, едем на машине до последнего таежного населенного пункта. От села Никитавка до зимовья предстояло пройти с тяжелыми рюкзаками еще 12 километров по охотничьей ненаторенной тропе.

Солнце уже висело над горизонтом, когда мы подошли к безымянному ключику, откуда до зимовья оставалось не более двух километров. Шедший впереди Владимир Павлович резко остановился и дал мне знак быстрее подойти, а сам взял винтовку на изготовку. Подойдя, я увидел на тропе свежие следы тигра: размеры лап в шапку, пальцы — с крупное куриное яйцо. Зверь прошел по тропе метров десять и свернул в восточном направлении. Это было не более 10—15 минут назад. Хотя мы, старые охотники, и видали виды, но такое — впервые!

Вооружены мы были облегченными ижевскими винтовками калибра 7,62 мм, оба прекрасно стреляли, однако встреча в зарослях с таким гигантом ничего хорошего не сулила. Перебросившись парой-другой слов, мы пришли к выводу: тигр направился в смолярный котел, где всегда останавливаются кабаны.

Когда мы прошли метров триста, нашу тропу пересекло стадо кабанов, примерно сорок пять особей. Звери шли быстро, одной тропой, выбив снег до земли, и было видно, что они сильно напуганы. Двигались кабаны в том же направлении, что и тигр.

Гон был в полном разгаре. В это время к стаду присоединяются три-четыре крупных секача, в момент опасности они обычно объединяются, защищая стадо. Я неоднократно наблюдал, как во время гона секачи дружно отражали нападение тигра, который, не рискуя остаться с распоротым животом, уходил ни с чем.

Стало ясно, что охота тигра не удалась, и теперь он сопровождает стадо с подветренной стороны, готовит новую атаку.

Придя в зимовье, мы быстро приготовили ужин и рано легли спать, так как завтрашний день сулил нам трудную охоту. Решено было обследовать большой смолярный и малый южный котлы, обладающие хорошей кормовой базой.

День выдался прекрасный — дул легкий северный ветер. Настроение было приподнятое. Решили, что я иду по центральному хребту, разделяющему котел на большой смолярный и малый южный, упирающийся в перевал, окаймляющий котлы; Владимир Павлович идет по центру смолярного котла, до перевала, где мой хребет упирается в перевал — место нашей встречи.

Я поднялся на гребень невысокого хребта с довольно крутыми склонами. Пройдя около километра, натолкнулся на массу кабаньих следов — это вчерашнее стадо, вышедшее

из смолярного котла, видимо, здесь кормилось — все вокруг было перерыто. Стадо направляется к склону хребта, к перевалу. Поднявшись на очередной припечек, с которого открывается большая часть малого южного котла, я увидел следы тигра, он тоже вышел из смолярного котла и тодько что был здесь, почти на брюхе спустился вниз. Я не успел сделать и десяти шагов, как внизу справа, куда только что спустился тигр, раздался громовой его рев, уханье и клцанье кабаньих клыков.

Они стояли друг против друга, на расстоянии пятнадцати метров. Тигр, оскалив пасть, рычал и усиленно бил хвостом по бокам. Секач приткнулся задом к кедр, угрожающе стучал зубами, щетина на нем встала дыбом, отчего он казался вдвое страшнее. Ни тот ни другой не начинали атаку. Я стоял на гребне с довольно крутым склоном, в сорока метрах, в масхалате и не мог найти решения — что делать. Отступать поздно, малейшее движение может стать роковым.

Вдруг тигр лег на брюхо, как бы готовясь к прыжку. В этот момент секач ринулся в атаку. Тигр, как молния, с полупрыжка ударил лапами падающего по голове. Секач заревел лошадиным голосом, его рыло до клыков оказалось в пасти противника. Теперь тигр, горбатясь, сильно толкает секача назад: минута, две — и секач садится на задние ноги, а затем валится на бок. Тигр перехватывает за холку и сильно треплет голову секача, еще немного — и из-под задних ног кабана вихрем полетел снег. Все было кончено. Победитель отошел в сторону, огляделся, начал мордой пахать снег, потом поднял высоко голову, нюхая воздух, — ветер дул с севера, прямо на него — и взревел. Шипя, с гортанным ревом на прыжках он бросился в мою сторону. Что делать? В голове стучит, как молотком: стреляй! И я выстрелил в белую грудь. Тигр рванулся вправо, хвост его вздыбился трубой, я повторил — на корявых прыжках он скрылся в стланике. Сколько времени длилась эта сцена, сказать трудно, но не более 7—8 минут. Я спустился к лежавшему кабану — это был огромный матерый секач, большие клыки торчали, как бараньи рога (на международной выставке в 1981 г. в Пловдиве они были отмечены золотой медалью). Чистого мяса в нем оказалось 170 кг.

Со стороны, где я только что стоял, раздался свист, и я увидел Владимира Павловича, спускавшегося ко мне. Он бросился меня обнимать и все повторял: «Дмитрий, ты жив, ты жив!». Фуфайка на нем парила, на голове не было шапки, он обвязал голову шарфом. Мы быстро развели костер и приступили к разделке кабана. Обратили внимание на причину столь быстрой гибели секача. Оказалось, что рыло между пятком и клыками было раздавлено и представляло собой окровавленную тряпицу, а за ушами у конца головной кости зияли два отверстия, в которые легко входил указательный палец; больше на туше не было ни одной царапины. Уложив и укрыв тушу хвоей, мы прошли по следу тигра метров сто тридцать. Он лежал, растянувшись у коряги, и был таким крупным, что даже мертвый внушал страх. Владимир Павлович пожал мне руку за то, что не струсил в последний момент и остался жив.

Д. ЛЕОНЕНКО
г. Спасск Дальний
Приморского края

Листая страницы старых изданий

ОХОТА ПО-АМЕРИКАНСКИ

В Америке, в Массачусетсе, живет некий Жером Марбле, человек, страстно любящий охоту и тратящий на это удовольствие почти все доходы со своего громадного состояния. Сей мудрый янки, подобно всем своим соотечественникам, обуреваемый духом предприимчивости и изобретательности, придумал для себя (и, вероятно, исключительно) охотничий экипаж-дворец и заключил со всеми правлениями железных дорог, идущих на запад, контракт, в силу

которого все поезда обязаны останавливаться и прицеплять этот мудреный экипаж, смотря по желанию его владельца... Таким образом, господин Марбле разъезжает в течение уже четырех лет в сопровождении своего семейства и избранных друзей.

Такая страсть к комфорту на охоте так мало вяжется с тем, что охотники привыкли особенно ценить в своих охотничьих странствиях, что даже кажется анекдотом, состряпанным каким-нибудь американцем для того, чтобы пустить пыль в глаза нам, жителям старого света.

«Природа и охота», 1879, январь

КУХНЯ ОХОТНИКА

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

Как правило, дичь готовят не сразу, иначе мясо будет жестким и невкусным, а оставляют на определенное время для созревания. В результате полнее проявляются ее характерные вкусовые качества. Исключение составляют внутренности, особенно крупной дичи, которые подлежат немедленной кулинарной обработке.

Фазан зимой может храниться 1—3 недели, четвероногая дичь — 4—6 недель без какого-либо риска порчи мяса. Минимальное время созревания для мелкой дичи — 3—4 дня в зимний период (заяц, фазан) и 1—2 дня летом (дикий кролик, дикий голубь), для крупной дичи — 6—8 дней в зимнее время и 2—4 дня летом.

Водоплавающую дичь нужно ощипать и выпотрошить как можно скорее, чтобы она не пропиталась запахом ила. Иногда вместо ощипывания с нее снимают кожу вместе с перьями и тушки маринуют 1—2 дня в кислом молоке. Ощипанную и выпотрошенную птицу можно также оставить в холодном месте подвешенной за голову на 2—4 дня в зависимости от температуры. Дику утку готовят как можно быстрее, потому что она быстро портится.

Освежеванную и разделанную тушу животного с шерстным покровом оставляют для сухого созревания или, если она достаточно отлежалась, на короткое время кладут в маринад. Маринуют чаще всего мясо старых животных, а также задние части тушки зайца и дикого кролика, окорока или хребтовую часть косули, мясо лани, оленя, муфлона и кабана. Птиц маринуют только крупных и старых.

Зайца и дикого кролика сразу же после добычи «отжимают», т. е. давлением на живот освобождают от мочи, и обрабатывают на месте только в особых случаях, действуя следующим образом: сделав небольшой поперечный разрез кожи внизу живота между задними ногами, просовывают в полость живота руку и, нащупав желудок и кишки, вынимают их. Остальные внутренности не трогают. Затем отверстие закрывают хвостиком животного.

Жир зайцев имеет неприятный запах, поэтому перед кулинарной обработкой его нужно удалять.

РЕЦЕПТЫ

Бифштекс рубленый из зайчатины

Заднюю часть тушки молодого зайца, вылежавшего в шкуре зачистить, вымыть, отделить от костей и пропустить через мясорубку вместе с луком. Смесь хорошо вымешать, сделать бифштексы, обильно смазать их с обеих сторон растительным маслом и дать выстоять полчаса. На сковороде разогреть растительное масло и обжарить в нем посоленные и поперченные бифштексы. Подавать, посыпав мелко нарезанным репчатым луком, с кетчупом, ржаным хлебом, жареным картофелем или картофелем во фритюре, салатом из сырого сельдерея с майонезом.

На заднюю часть тушки — 4 ст. ложки растительного масла, 1 луковица, молотый перец.

Заяц жареный

Заднюю часть тушки молодого зайца очистить от пленок, вымыть, густо нашпиговать шпиком и посолить. (Если его предварительно смазали маслом и дали выстояться, сразу выложить на противень или сковородку с луком, шпик и масло не класть.) На сковороду положить нарезанные шпик (20 г) и лук, обжарить в масле до светло-желтого цвета. Затем переложить подготовленную зайчатину, обжарить с обеих сторон, прикрыть крышкой и тушить, добавляя немного воды. Готового зайца разрубить на порционные куски, выделившийся при тушении сок заправить мукой, размешанной в воде или сметане.

Гарнир: клецки или картофель, печеные яблоки, брусничный или рябиновый компот.

На заднюю часть тушки — 60—80 г шпика, 100 г сливочного масла, 1 луковица, 4 горошины черного перца, 1—2 ст. ложки муки.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦА СТАРЫХ ИЗДАНИЙ

ОХОТА ЗА ПТИЦАМИ В ЯПОНИИ

В Японии охота — любимое удовольствие, и принцы, зависящие от японского императора, занимаются ею с увлечением. Но ни в одной стране охота так не ограничена, как в Японии. На островах, составляющих империю, дикие звери все истреблены, и охота за птицами осталась единственной забавой, но и эта охота затруднительна, потому что огнестрельное оружие мало усовершенствовано. Охотятся почти всегда с луком и стрелами, и японские охотники так искусны, что убивают в день до 40 птиц.

«Журнал охоты и коннозаводства», 1870, № 21

ВЕЛИКОДУШНЫЕ СОБАКИ

Бартлет в «Лонгманс магазин» рассказывает как ньюфаундленская собака подралась с догом из-за кости, и во время драки обе собаки упали с моста в глубокую реку. Ньюфаундленская собака поплыла к берегу, а дог остался в воде. Увидев своего противника утопающим, ньюфаундленская собака вернулась обратно, схватила дога и доставила на берег. Тут обе собаки взглянули друг на друга, торжественно завили хвостами и с достоинством поплелись каждая своей дорогой.

«Приволжский вестник охоты», 1890—1891 г., № 6

НА ПРИВАЛЕ

ПОЛЯКОВ О. Развалу общества — нет 3

Охотничье хозяйство и промысел

ДЕЛЕГАН Ю., БОНДАРЕНКО В. Украинская популяция лося 10

ТЕЛЕПНЕВ В., ШУБИН Н. Ресурсы речного бобра 13

КАРПОВ Ф. Голуби Юго-Восточного Казахстана 14

Наука

ДЕЖКИН В. Регуляционная добыча животных 5

Охрана природы

БАЙДЕРИН В. Болота Казани — резерваты дичи 8

Молодому охотнику

ГРЕКОВ В. На русака — по чернотропу 18

Собаководство

МАЛОВ О. Бойкин спаниель 22

АРАПОВ А. Лайка не работает! Кто виноват? 24

Оружие и снаряжение

БЛОЖИН В. Изготовление пуль 26

КОРОЛЕВ В. Экспансивная пуля 27

СОКОЛОВ А. Старые модели. КО-8,2 29

Литературные страницы

СЫСОВЕВ Всеволод. Дело всей жизни 30

РУСАНОВ С. Воспоминания охотника 33

ФОКИН С. Поздний пролет 36

Край соболиный. (Зооантология) 38

ЧЕРНЫШЕВ В. «Охотничье братство» 39

За рубежом

АЛЬГРЕН С. Охота в Финляндии 40

Письма читателей 42

На привале 44

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, С. В. Болденков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), **В. А. Галлактионов, В. Д. Голованов, В. И. Животченко, Д. В. Житенёв** (зам. главного редактора), **Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, А. А. Севастьянов, И. Б. Шишкин, А. А. Улитин, С. М. Успенский, Ю. П. Язан**

Художник В. Ю. Есаулов

Художественный редактор Т. С. Дубровская

Корректор О. А. Артюшина

Сдано в набор 28.08.91. Подписано к печати 26.09.91.
Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 7,98.
Тираж 807 210 экз. Заказ 1350. Цена 80 к.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская 18.

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Адрес издательства: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 40 а.

Ордена Трудового Красного Знамени
Чеховский полиграфический комбинат
Государственной ассоциации предприятий,
объединений и организаций полиграфической
промышленности «АСПОЛ»
142300, г. Чехов, Московской области

1

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

Зима — тяжелое время для копытных. Без помощи человека трудно продержаться зверю в заснеженном лесу. Идет в дело весь корм, заготовленный летом: сено и веники, кукуруза и корнеплоды.

**Фото. С. Кирьялы {1, 2}
А. Богданова {3, 4}**

2

3

4

Кеклик

Пустынная куропатка.

Ореал кеклика.

Ореал пустынной куропатки